

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

НЕВИДИМЫЙ

СВЕТ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1959

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Литература о будущем обществе, о будущих достижениях науки и техники, как и приключенческая литература, зародилась давно. Блестящие образцы ее мы находим в прошлом, и далеко и недалеко.

Электричество еще только начинало свой победный путь, а фантасты уже изображали, как проникнет оно во все области жизни. Первые самолеты робко поднимались в воздух, героям же фантастических романов был уже подвластен весь воздушный океан. Задолго до того, как стали действительностью использование атомной энергии и создание искусственных спутников Земли, писатели рисовали картины овладения атомом и завоевания космоса. Быстрый прогресс науки и развитие техники давали все больше и больше пищи воображению. Расширялся круг тем, появлялись новые имена писателей-фантастов.

Наряду с классическими сочинениями Жюль Верна и Уэллса в фантастике прошлого есть и другие интереснейшие произведения, незаслуженно забытые сейчас. Даже и теперь некоторые из них поражают смелостью фантазии.

Наша фантастика зародилась в первые годы существования советской власти; на первых порах в ней было еще много подражания иностранным образцам. Но постепенно она развивалась и крепла. Фантастической и приключенческой литературе отдали дань крупные писатели, работавшие в других жанрах: А. Толстой, В. Катаев, М. Шагинян, С. Григорьев, Л. Никулин и другие. Фантастические произведения создавали ученые, и среди них такие крупные представители науки, как К. Циолковский и В. Обручев. Все больше публиковалось произведений писателей, целиком посвятивших себя этой литературе. Возрождались старые журналы — «Вокруг света», «Мир приключений», появился новый — «Всемирный следопыт», и в них печаталось большое количество произведений отечественных и зарубежных авторов. Различные издательства выпускали серии и библиотеки научной фантастики и приключений.

На первом этапе развития нашей научно-фантастической литературы нередко встречались произведения, в которых фан-

тастика была лишь элементом в остром приключенческом сюжете. Она не всегда была и строго научной. Это относится и к произведениям заведомо фантастическим (А. Толстой, М. Шагинян и другие).

Постепенно наметилось несколько основных направлений. Одно из них — социальная фантастика, произведения о мире будущего (А. Беляев, Э. Зеликович, Я. Окунев), а также книги, разоблачающие капиталистическую действительность (А. Беляев, А. Толстой и другие). Другая большая тема — грандиозное строительство, преобразование страны, изобретения крупного народнохозяйственного значения (А. Беляев, Г. Адамов, А. Казанцев). Много произведений посвящалось отдельным научно-техническим проблемам, причем особенно часто писатели касались межпланетных путешествий, а в предвоенные годы — вопросов науки (физика, биология, медицина).

Ряд произведений довоенных лет дожил до наших дней и неоднократно переиздавался. Однако есть забытые имена, есть книги, которые могли бы быть с интересом прочитаны и сейчас.

Настоящий сборник является первой попыткой познакомить читателей с некоторыми произведениями научно-фантастической литературы прошлых лет. В него вошли рассказы А. Беляева, М. Зуева-Ордынца, Э. Зеликовича и Г. Гребнева, малознакомые нашей молодежи.

Представленные в сборнике произведения разнообразны по тематике и форме.

«Мертвая голова» А. Беляева — современная робинзонада, в основу которой положен подлинный факт. Главная мысль, заложенная в этом рассказе, — человек должен работать только на благо людей, иначе его труд теряет смысл.

В рассказах «Панургово стадо» М. Зуева-Ордынца, «Невидимый свет» и «Мистер Смех» А. Беляева авторы, пользуясь фантастической предпосылкой, изображают нравы современного буржуазного общества.

Необычайным приключениям, связанным с изобретением фантастических аппаратов, посвящены рассказ Г. Гребнева «Невредимка» и шуточная фантазия Э. Зеликовича «Опасное изобретение». Не все включенные в сборник произведения равноценны. Так, например, можно было бы ожидать в «Невредимке» Гребнева более подробного обоснования технической идеи, в «Опасном изобретении» Зеликовича — более глубокой характеристики героев. Тем не менее знакомство с этим сборником поможет составить представление о советской фантастике 20-х и 30-х годов.

Б. Ляпунов

А. Беляев

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалю, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалю. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет

из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Кресс.

— А фамилия врача?

— Тоже Кресс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Кресс. — Я агент самого себя. Доктор Кресс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Кресс дружески тронул слепого за локоть... — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но, кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Кресс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег

за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Беки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеясь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалью последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Крусс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Красс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Красс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну, разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Красс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну, вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Красс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать вам, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Красс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдаль. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами закрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — слышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Красс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Красс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Красс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Красс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше

положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув ру-

кой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже долбить мне череп, если потребуется.

— Ну, что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Красс.

* * *

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Красс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель. Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Красс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Красс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлю-

цинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Красс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал. Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Красс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Красс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный приступ.

— Доктор! Господин Красс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Красс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Красс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорей давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Красс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю!

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Красс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособ-

собились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, что вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалейте же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался! А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Крусс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдисона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдисона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и в особенности мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

* * *

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем под пол —

в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубоватые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы.

Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

* * *

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы. Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны

радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитывала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся школа электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

* * *

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим прозрачным миром светящихся шаров,

колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями,

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходячим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Красс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливейший день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Красса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Крассу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Красс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Красса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Красс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незначем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

* * *

Прошел месяц.

Однажды Красса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руке Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясно-видящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — и он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

А. Беляев

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

I. В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ

— Сбор ровно в полдень на этой поляне.

Жозеф Морель кивнул головой двум своим спутникам, поправил за спиной дорожный мешок и, помахивая сачком для ловли насекомых, углубился в чащу.

Это были владения пальм, папоротников и лиан.

Морель беспечно напевал веселую песенку, зорко всматриваясь сквозь стекла очков в зеленоватые сумерки тропического леса. Молодой ученый был в наилучшем настроении. Ему повезло в жизни. Морелю

не было еще сорока лет, а он уже имел звание профессора. Его труд о пауках удостоился премии, и вот теперь он получил научную командировку в Бразилию, в малоисследованные верховья реки Амазонки, этого рая для энтомологов.

«Науке известно двести тысяч видов насекомых. Чарлз Риде допускает, что их не менее десяти миллионов. Каждый год описывается не менее шести с половиной тысяч новых видов. Будет недурно, если прибавится в этом году еще шесть тысяч, открытых Жозефом Морелем. Какой великолепный памятник из насекомых воздвигнет себе Морель!» — уносился в честолюбивых мечтах профессор. И его мечты были вполне осуществимы. В этом лесу хватило бы материала не на один «памятник». Пестрые кусочки будущего величия Мореля в виде красивых разноцветных бабочек носились перед ним, как хлопья снега. Надо было только собрать воедино эти сверкающие всеми цветами радуги хлопья — и научное бессмертие Мореля обеспечено. Его зоркий глаз ученого уже заметил несколько необычных форм бабочек, но Морель не спешил. Среди этого неистощимого богатства он мог позволить себе роскошь быть разборчивым. Притом его больше интересовали пауки, а здесь их встречалось мало.

Чем больше углублялся Морель в чащу, тем гуще становились тени, молчаливее лес. Огромные стволы пальм, как колонны, уходили высоко вверх, закрывая свет солнца сплетающимися листьями. К косматым стволам пальм присосались растительные паразиты — орхидеи и бромелии. А внизу молодые пальмы и папоротники разбрасывали свои веерообразные листья, образуя густой подлесок. И от пальмы к пальме, от ствола к стволу протянулись, как змеи, узластые лианы — эти проволоочные заграждения тропических лесов. Местами ярко-желтый луч солнца прорезал зеленоватый полумрак леса, и в золоте лучей вспыхивало красное крыло попугая, бриллиантом сверкал пролетевший колибри, пламенем зажигался цветок орхидеи.

— О-а! О-а! Ха-ха-ха! — резко кричал попугай. Ему отвечала большая обезьяна. Вися на хвосте, она

ритмически раскачивалась, пытаясь дотянуться рукой до попугая. Но попугай, прикинув расстояние скошенным глазом, сидел неподвижно и продолжал свое ворчливое «о-а», как сосед, который затеял ссору от скуки. Две маленькие обезьянки заметили человека и некоторое время следовали за ним, ловко перебираясь на руках по лианам. Одна обезьяна ухватила за хвост другую. Та завизжала, оскалила зубы, и вот они начали драться, забыв о Мореле.

Лес жил своей жизнью...

Ноги Мореля мягко ступали по устланной мхом и перегнившими листьями земле. Становилось все труднее идти. Влажный, оранжерейный воздух был наполнен ароматами цветов и растений так сильно, что Морель задыхался. Как будто над этим лесом прошел ливень из одуряюще пряных духов. Сачок путался в ветвях. Морель падал, зацепившись за лианы или поваленные стволы, обросшие мхом. Ученый прошел не более трех километров, а уже чувствовал усталость и весь был покрыт испариной. Он решил выйти на открытое место. Осмотревшись, Морель заметил вправо от себя светлое пятно, как будто там занималась заря, и пошел на этот просвет. Скоро он вышел на лесную прогалину, шедшую вдоль высохшего русла одного из бесчисленных мелких притоков Амазонки. В период дождей по этому руслу бушевала настоящая река, увлекавшая в своем стремительном течении бурелом. Но теперь дно было сухо и покрыто острыми болотными травами. Лишь по краям и кое-где по дну были разбросаны перегнившие стволы деревьев, оставшиеся от половодья.

Морель спустился в сухое ложе реки и вдохнул в себя более сухой и разреженный воздух. В ту же минуту его внимание было привлечено огромной бабочкой, имевшей размах крыльев более метра. Морель даже пригнулся, готовый к прыжку. В нем заговорил ученый и страстный охотник на насекомых.

«Совершенно новая разновидность *acherontia medor* (мертвая голова)», — подумал Морель, следя за полетом бабочки.

Спина бабочки была не бурая с серовато-голубым отблеском, как обычно, а золотистая, с темно-синим

рисунком черепа и скрещенных костей. Передние крылья ее были такого же золотистого цвета, а задние — лазоревые. Морель с огорчением подумал о том, что его сачок слишком мал, чтобы захватить такое большое насекомое. Но выхода не было. Он должен был поймать эту бабочку, хотя бы с риском повредить ей крылья. И Морель прыгнул на бабочку, взмахнув сачком. Потревоженная бабочка издала свистящий звук и полетела вдоль ручья, как бы подзадоривая охотника. Морель, прыгая и падая, побежал за ней. Еще за минуту до этого единственным его желанием было растянуться в траве и отдохнуть. Но теперь он забыл об этом и стал гоняться за бабочкой с таким жаром, как будто ловил собственное бессмертие. А бабочка, медленно махая мягкими крыльями, продолжала манить его за собой, как болотный огонек, ловко увертываясь от сачка в своем зигзагообразном полете. Русло реки извивалось, разветвлялось на несколько русел, делало крутые повороты, что еще больше затрудняло погоню. С Мореля пот лил ручьем, заливая глаза; мешок за спиной и ящик для насекомых болтались на нем, как на взбешенном верблюде, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме порхавшего в воздухе «золотого руна». Десятки раз он был близок к победе и уже издавал торжествующий крик, но бабочка была неуловима, как сказочная «синяя птица». Морель давно уже перестал замечать дорогу для обратного пути. Если бы сейчас половина Бразилии провалилась сквозь землю, он не заметил бы, загипнотизированный «мертвой головой».

Крутой поворот русла — и перед Морелем внезапно поднялась целая стена бурелома, преграждавшая ему путь. Бабочка легко вспорхнула и перелетела бурелом. Морель бросился на приступ и тотчас увяз в перегнившей трухе. Тогда он побежал в обход. Но время было упущено. Бабочка порхала вдаль и скоро скрылась за кустами парагвайского чая. Еще раз мелькнули золотисто-лазоревые крылья над густозелеными листьями молочайника и исчезли...

Морель пробежал несколько десятков метров с упорством отчаяния, но все было напрасно. Бабоч-

ки не было. Почти без сил ученый опустился на траву и бросил сачок.

«В конце концов не одна же такая бабочка существует в этих лесах!» — успокаивал он себя, несколько отдышавшись.

II. ЧЕЛОВЕК И ПАУК

Раскинув широко руки, Морель лежал на спине, давая отдых своему измученному телу. Потом он поднялся и посмотрел на часы. Десять часов сорок пять минут. Пожалуй, он опоздает к завтраку. Морель оглянулся, чтобы сообразить, в какую сторону ему идти. Прямо перед ним к высохшему руслу ручья скатывалась застывшим водопадом зеленая масса леса. Позади него почва отлого поднималась. Здесь были владения папоротников. Сочные, огромные, с пышной темно-зеленой листвой, они покрывали весь склон.

«Какая буйная, пышная растительность! — с невольным восхищением подумал Морель. — Целый лес папоротников! Можно подумать, что я каким-то чудом перелетел в прошлое, за триста миллионов лет, в каменноугольный период...»

Этот уголок леса был молчалив, как миллионы лет назад. Ни зверей, ни птиц... Только насекомые — мириады насекомых, летавших в воздухе, ползавших по листьям деревьев, копошившихся в траве... Пауки! Их было больше всего. Они протягивали огромные полотнища паутины между папоротниками, пронизывали воздух тончайшими нитями, кишели среди мха и корней. Казалось, сюда собрались пауки со всего света — от едва заметных микроскопических паучков до огромных волосатых птицеведов. Темно-коричневые, красные, полосатые, черные, серые — всех цветов и окрасок пауки наполняли воздух и землю. Даже в луже, сохранившейся в русле высохшей реки, копошились водяные пауки. От такого необычайного количества «дики» у Мореля перехватило дыхание. На одном квадратном метре здесь было пауков больше, чем в университетском музее! Морель

был поражен. Мысль его работала лихорадочно. Он классифицировал, с жадностью истого ученого намечая жертвы своей любознательности.

Огромный, величиною с кулак, паук, покрытый темно-коричневыми полосами, набежал на Мореля, с недоумением остановился и вдруг принял самую воинственную позу: поднялся на задние ноги, так что стало видно его брюшко, передние ноги приподнял, как боксер, готовый нанести удар, и неожиданно бросился на Мореля. Ученый едва успел отбежать от врага в сторону и оглянулся. Паук не преследовал его, но длинные черные серповидные челюсти насекомого угрожающе двигались. Морель знал, что укус этих челюстей иногда на много лет оставляет после себя острую боль. И все же ученый не мог отвести глаз от паука, до такой степени интересовало его это страшилище. И они смотрели друг на друга несколько минут — человек и паук, два существа, разделенные полумиллиардом лет происхождения. Морель уже не смотрел на паука как на свою жертву. В эти мгновения их роли поменялись. У него невольно пробуждался страх далеких предков человека перед своим извечным врагом. В душе человека каменного века этот небольшой по размерам враг возбуждал едва ли не больший ужас, чем огромный, как гора, мастодонт. Малый размер паука при его необычайной подвижности делал его особенно опасным. Паука трудно было убить, он подстерегал человека повсюду, нападал внезапно и поражал прежде, чем человек успевал шевельнуть рукой. Впервые за все время своей ученой деятельности Морель посмотрел на паука не как на интересный экземпляр для коллекции, а как на страшного врага. К счастью для Мореля, у паука были дела поважнее. Помахав несколько раз мохнатыми лапами, как бы грозя кулаками, паук неожиданно повернулся и скрылся под папоротником.

Урок был дан. Морель уже с осторожностью ступал по траве, стараясь не дразнить кишевших в ней пауков. Завидев черного тарантула, он обошел его сторонкой и сделал огромный прыжок, чтобы перескочить через многоножку...

«У гаучосов есть хорошая баллада, — думал Морель, пробираясь к руслу, — о том, как на город Кордову некогда напала армия чудовищных пауков. Жители вышли за город с ружьями, барабанами и развевающими знаменами, чтобы отразить нападение, и начали стрелять; но после нескольких залпов люди побросали ружья и обратились в бегство, не будучи в силах сдержать несметные полчища пауков. Я думаю, это вполне возможная история».

Мысли Мореля были неожиданно прерваны. С угрожающим видом прямо на него бежал новый враг — паук необыкновенных размеров, ярко-серого цвета, с черным кольцом посередине туловища.

«*Lycosa* (ликоза)», — по привычке определил Морель, в то время как ноги его как будто без всякого приказа со стороны двигательных центров перешли сразу в карьер. Ликоза — самый хищный, свирепый и подвижной из всех пауков. Спасть от его преследования бывает нелегко даже на лошади. И не мудрено, что Морель развил такую скорость, какой даже не подозревал в себе. Он не бежал, а летел на крыльях ужаса. Панический страх овладел им. В эти минуты он уже не был ученым, профессором. Он был дикарем каменного века, убегающим от смертельного врага. Морель делал гигантские прыжки, скакал через поваленные деревья, прорывал густые заросли...

Вот и высохшее русло реки. Здесь бежать стало легче. Но зато и его преследователь катился со скоростью кегельного шара, пущенного под уклон сильной рукой.

Морель задыхался. Ноги его подкашивались. Раз или два он споткнулся и с трудом поднялся на ноги. Паук выиграл несколько метров и уже преследовал Мореля по пятам, по-видимому не чувствуя ни малейшей усталости. Будет ли конец этому бешеному состязанию? Мореля охватывал ужас. Еще несколько шагов — и он упадет от усталости, страшный паук прыгнет на него и начнет кусать поверженного врага твердыми, как железо, черными челюстями... Морель оглянулся и увидел, что паук на бегу делает огром-

ные прыжки, пытаюсь вспрыгнуть ему на ногу. Столкновение было неизбежно. Морель повернулся и попытался ударить паука сачком. Сетка сачка еще не прикоснулась к пауку, как он уже вскочил на нее и, как электрическая искра, пробежал по палке. Морель отбросил от себя палку в тот момент, когда косматая нога паука коснулась его руки. Теперь Морель выиграл несколько шагов, но положение его было по-прежнему безнадежным.

Русло сделало крутой поворот, и Морель вдруг увидел ручей в полтора метра шириной. Напрягая последние силы, Морель перепрыгнул через ручей и уже чувствовал себя спасенным. Но, посмотрев на врага, с ужасом увидел, что паук бросился вслед за ним в воду и поплыл. Течение отнесло паука на несколько метров ниже, пока он перебрался на сторону Мореля. Морелю ничего больше не оставалось, как прыгнуть обратно. Это повторялось несколько раз. Морель перепрыгивал через ручей, а паук переплывал, вылезая на берег несколько ниже Мореля.

Такая игра не могла продолжаться долго. Передышки были слишком коротки, чтобы отдохнуть, а Морель находился в последней степени изнеможения. И он решился на отчаянное средство. Вооружившись палкой, Морель вошел в ручей и стал поджидать врага. Оставалось принять бой и умереть или победить. Другого средства избавиться от паука не было.

В воде паук был менее подвижен и не мог делать прыжков. Когда косматый враг приблизился, Морель начал неистово его бить. Паук погружался в воду, но тотчас всплывал и пытался уцепиться за палку.

Несколько раз это ему удавалось. Тогда Морель бросал палку, выбегал на берег, брал новую и вновь погружался по пояс в воду. Он изумлялся живучести насекомого. Две передние ноги паука были повреждены, но это, казалось, только увеличило его ярость. Еще одна нога бессильно повисла. Пауку уже трудно было справляться с течением. Его относил все больше. Наконец Морель решился выйти из ручья. Паук вылез вслед за ним и все еще пытался пресле-

довать. Но он ковылял медленно, и Морель, наконец, отделался от своего преследователя и уже шагом пошел вперед.

— Битва окончилась в пользу человека, — сказал Морель, шатаясь от усталости. — Иначе и не могло быть. Иначе земной шар был бы населен одними пауками!

Несмотря на усталость, Морель прошел еще добрый километр, пока не нашел места, свободного от пауков; тут он свалился на поляне. Откинувшись на спину, он заметил, что солнце уже прошло через зенит.

«Опоздал к завтраку!..» — была его последняя мысль. Морель уснул крепким сном человека, уставшего до полного бесчувствия...

III. СНОВИДЕНИЯ НАЯВУ

«...Солнце — огромный золотой паук, пробегающий по небу, и радуга — паутина его. Я, Морель, первый открыл это!»

«Что за чепуха лезет мне в голову!» — подумал Морель и открыл глаза. Но он, вероятно, еще не совсем проснулся, потому что то, что он увидел, могло быть только сном. Морель как будто опустился на дно океана. Сквозь розоватый туман виднелись смутные очертания зеленых пятен. В этом тумане колыхались длинные полосы, подобно змеям необычайной величины. Темное огромное пятно, как сорвавшаяся с орбиты планета, сновало в этой розовато-зеленой мгле, закрывая собою чуть ли не четверть всего поля зрения. И удивительнее всего было то, что движение этого темного пятна напоминало суетливый бег паука.

Морель несколько минут с полным недоумением наблюдал этот новый загадочный мир.

«Неужели я с ума сошел? Или это бред?» Он закрывал глаза, открывал вновь, но видение не исчезало. Морель потрогал рукою лоб. Он был влажный, горячий, но не слишком. Нет, это не бред. Рука Мореля задела очки, и в тот же момент планетообраз-

ный черный шар закатился за горизонт, очистив поле зрения.

«Очки! Секрет открывается просто». Морель снял очки и посмотрел на стекла. Они были покрыты потом, испарениями и паутиной. По левому стеклу бегал паучок величиною с булавочную головку.

«Так вот она, сорвавшаяся со своей орбиты планета!» — с улыбкой подумал Морель, сбивая пальцем паучка и протирая стекла платком. Он надел очки и осмотрелся вокруг. «Неужели я все еще не проснулся?» Опять сон, но на этот раз сон изумительно прекрасный.

Был вечер. Косые лучи солнца золотили папоротники и пальмы, стоявшие вправо от Мореля. Левая сторона поляны была погружена в синюю тень. Воздух, освещенный солнцем, светился всеми цветами радуги, как калейдоскоп. Как будто радужная паутина «паука-солнца» разорвалась на мелкие части и закружилась вихрями самоцветов. Это был танец бриллиантов и алмазов. Каждый бриллиант был окружен легкой дымкой самых нежных цветов. В непрерывном движении они прорезывали воздух, изменяя на пути полета окраску, вспыхивая то глубоким зеленым, то ярко-красным, то синим огнем, и как будто оставляли после себя светящийся след — так быстро резали они воздух. Фейерверк, калейдоскоп, северное сияние, радуга — ничто не могло сравниться по красоте с этим волшебным зрелищем пляски жемчужной росы, сверкающих алмазов и летучих огоньков...

Один из этих бриллиантиков опустился на цветок. Туманная оболочка рассеялась. Сложились крылышки, и Морель увидел маленькую невзрачную птичку с единственным ярким пятном на оперении. Колибри! Но и после того как тайна раскрылась, Морель еще долго не мог оторвать глаз от воздушного танца пернатых балерин.

Однако проза жизни уже настойчиво стучалась в дверь. Морель почувствовал, что все тело его зудит. Он посмотрел на руки и увидел, что они искушены москитами, а в кожу впились мелкие красные клещи. Это вернуло Мореля к действительности.

Не только завтрак, но и обед давно были пропущены. Надо было спешить к своим, пока совершенно не стемнело. Морель почувствовал острый приступ голода и вспомнил о вкусных блюдах, которые обещал сегодня приготовить их повар (он же носильщик) негр Джим. Морель поднялся, потянулся и, посмотрев на солнце, пошел вверх по ручью. Он дошел до того места, где сражался со страшным пауком, и нашел брошенный сачок. Подняв его, Морель стал соображать, куда идти. После некоторого размышления он повернул налево и углубился в чашу леса. Здесь было уже почти темно. Только кое-где сумеречный свет проникал сверху, освещая змееобразные лианы. Вдруг словно неведомое существо погасило этот последний слабый свет. Ночь на экваторе наступает внезапно. Мореля окружила густая темнота. Он сделал несколько шагов и упал.

«Придется ночевать в лесу, — подумал он. — И хоть бы кусочек хлеба!..»

Испарения усиливались. Тропическое солнце нагрело за день исполинский котел Амазонки, наполненный душистыми травами, пряно пахнущими смолистыми и эфирными деревьями и болотными цветами, и теперь Морель дышал густым паром этой гигантской парфюмерной фабрики.

Тишина леса нарушалась только разноголосым тончайшим звоном комаров и москитов, которые мириадами кружились над Морелем. Скоро к этим флейтистам присоединились низкие голоса лягушек. Никогда еще Морелю не приходилось слышать такого громогласного концерта. Пение этих болотных певцов не напоминало отрывистого кваканья обычных лягушек. Оно было довольно мелодично и протяжно, как завыванье ветра. В конце концов оно нагоняло тоску.

Когда глаза привыкли к темноте, Морель увидел полосы фосфорического света — это летали светящиеся насекомые. Москиты, комары и клещи, которыми была усыпана трава, не давали Морелю уснуть.

«Хоть бы скорее рассвет!» — мучительно думал он, ворочаясь во мху и расчесывая руки и шею. Только под утро он заснул тревожным сном.

Его разбудил визг обезьян. Они сидели в ветвях над самой его головой и пронзительно кричали и визжали. На обезьяньем языке эти звуки, очевидно, обозначали крайнее удивление, потому что на шум сбегались новые стаи обезьян посмотреть на редкое зрелище — очкастую обезьяну, лежащую на земле. Более смелые спустились по лианам и, держась хвостом, размахивали «руками» на расстоянии какого-нибудь метра от головы Мореля с явным намерением познакомиться с ним поближе.

Но Морелю было не до обезьян. Он поднялся, махнул на них сачком и зашагал в глубь леса. Обиженные таким приемом, обезьяны загалдели с новой силой и долго преследовали Мореля.

Морель шатался от голода и усталости, но упорно пробирался сквозь чащу. Наконец он вышел к небольшой речке, струившейся в заболоченных берегах. Несколько огромных лягушек прыгнуло в воду при его приближении...

«Все дороги ведут в Рим, — рассуждал Морель. — Все речки впадают в Амазонку. Если я пойду по этой речке, то выйду на Амазонку немного выше или ниже нашей экспедиционной базы. Это будет дальше, но вернее, чем искать по лесу обратный путь».

И он отправился вниз по реке.

Однако через час пути он с разочарованием увидел, что речка впадает в одно из болот, которыми так изобилует бассейн Амазонки.

— Неужели я заблудился? — прошептал Морель. И эта мысль впервые заставила его подумать обо всей серьезности положения.

Он был один среди девственного леса. На тысячу миль вокруг нет человеческого жилья. Сачок для ловли насекомых был его единственным оружием, а в небольшом мешке и фанерном ящике лежали только его научные принадлежности: увеличительное стекло, шприц, булавки, пинцеты...

«*Ithomia Pusio*, — по привычке продолжал Морель заниматься определением пролетающих бабочек. — Слава дается нелегко!»

Небольшой ручей, впадавший в болото, пересек Морелю дорогу. На сырой земле были видны отпе-

чатки звериных следов. Здесь же валялись кости тапира, съеденного каким-нибудь крупным хищником, всегда подстерегающим животных в местах водопоя. Это открытие для Мореля было не из приятных. Морель перешел ручей и почувствовал под ногами более сухую и твердую почву. Здесь пальмы чередовались с фикусами и лавровыми деревьями, а еще выше поднимался лес фернамбуков, палисандров и кастанейро.

Морель поднял валявшийся на земле плод кастанейро величиною с детскую голову, разбил его, вынул орехи, заключенные в твердую кожуру, и начал поглощать маслянистые сердцевинки.

«Здесь по крайней мере не умрешь с голоду, — подумал он. — Подкреплюсь, отдохну и отправлюсь на поиски дороги».

И вдруг неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Солнце — огромный золотой паук! — и в тот же момент его охватил приступ сильнейшего озноба.

— Лихорадка! Этого еще не доставало! — проворчал Морель, щелкая зубами.

IV. «СУМАСШЕДШАЯ» ПУМА

Что было дальше? Много дней спустя, вспоминая это время, Морель с трудом мог восстановить в памяти последовательность событий.

Солнце — «золотой паук» спустился по вертикальной паутине с неба и впился в голову Мореля, охватив ее огненными лапами. Морель закричал от ужаса и бросился бежать. Отовсюду — с листьев пальм, из-под корней деревьев, из цветков орхидей — выбегали огненно-красные пауки, кидались на Мореля и впивались в его истерзанное тело. И тело горело как в огне, разрываемое бесчисленными челюстями огненных пауков. Морель кричал как безумный и бежал, бежал, отрывая от своего тела воображаемых пауков. Потом он упал и провалился в черную бездну...

Когда припадок лихорадки прошел, Морель от-

крыл глаза. Он не мог определить, сколько времени пролежал без сознания. Было утро. В траве и на листьях копошились пауки — серые, рыжие, черные, красные. Но это были обыкновенные пауки. И солнце было только солнце. Оно поднималось над лесом, освещая золотистых ос, пестрые крылья бабочек, яркие наряды попугаев. Мысли Мореля были ясны, но он чувствовал во всем теле такую слабость, что едва мог приподнять голову. Нестерпимая жажда томила его. У края поляны протекал ручей. Но Морель не мог добраться до него. Вид струившейся воды увеличивал его страдания, и Морель испытывал настоящие муки Тантала. А солнце поднималось все выше. Зной становился нестерпимым. Морель обливался потом, еще больше ослаблявшим его.

«Если я сейчас не выпью глотка воды, то погибну», — подумал Морель и сделал попытку подняться. Шатаясь и опираясь на руки, он сел на землю. Потом он опустился на четвереньки и пополз к ручью. Этот путь, в несколько десятков метров, показался ему бесконечно долгим. Но все же он дополз и, лежа на животе, прикоснулся почерневшими губами к воде и начал пить. Казалось, он хотел выпить ручей. Вода освежила его. Отдохнув у ручья, Морель почувствовал себя настолько хорошо, что смог подняться на ноги. Но в тот же момент он едва не свалился снова.

На поляну выбежал огромный зверь с густой короткой желтовато-красной шерстью. На спине шерсть была темнее, на животе — красновато-белая.

«Пума!» — с ужасом подумал Морель, напрягая все усилия, чтобы не упасть и этим не привлечь к себе внимания зверя.

Пума не могла не заметить Мореля, и тем не менее она не обращала на него никакого внимания, как будто желая продлить пытку человека, обреченного на смерть. Эта огромная кошка, достигавшая вместе с хвостом почти двух метров длины, вела себя как домашний котенок: она бесшумно прыгала по поляне, гоняясь за летавшими крупными бабочками. И надо сказать, что она это делала гораздо лучше Мореля. Несмотря на весь ужас своего положения, Мо-

рель невольно залюбовался изящными ловкими прыжками золотистого зверя. Испуганные бабочки поднялись выше, и пума, наконец, обратила внимание на Мореля. Час его настал. Мягкой волнистой походкой пума приближалась к человеку...

«Только бы не показать, что я боюсь ее!» — подумал Морель и сделал несколько шагов навстречу зверю. Пума махнула хвостом, сделала небольшой прыжок и остановилась перед Морелем. Глаза их встретились. Животное сощурило глаза, подобрав находившиеся под ними белые пятнышки. Оно будто смеялось...

«Да ну же, ешь скорее!» — подумал Морель, не будучи в силах перенести эту пытку. Но пума продолжала свою странную игру. Она подошла к Морелю вплотную и толкнула его пушистой головой, как бы ласкаясь. Этого мягкого толчка было достаточно, чтобы сбить Мореля с ног.

«Конец!» — подумал он.

Но это было только начало. Пума упала на землю рядом с Морелем, перевернулась на спину и начала толкать его в бок головой, как бы приглашая играть. При этом она мурлыкала, как кот.

«Это какая-то сумасшедшая пума! — думал Морель. — Она, вероятно, помешалась от жары, поэтому и делает такие безумные поступки: ласкается, вместо того чтобы сожрать меня».

Морель не был склонен поддерживать игру. Подражая животным, он решил притвориться мертвым. Пуме это не понравилось. Чтобы растормошить свою игрушку, она легла на грудь Мореля, слегка прижав его плечо одной лапой, другую подняла над его лицом и открыла пасть, обнаруживая ряд страшных клыков.

«Вот когда конец!» — подумал Морель. Но и на этот раз он ошибся. Неодобрительно фыркнув, пума вскочила и убежала в заросли кустарников.

Это было невероятно! Морель поднялся без единой царапины.

Оправившись от потрясения, он почувствовал сильный приступ голода и отправился на поиски орехов.

Вечером Морель вновь почувствовал приближение приступа малярии. Но прежде чем он потерял сознание, «сумасшедшая» пума еще раз навестила его. Она, как тень, выскользнула из кустарников, уже погруженных в сумрак, подошла к лежащему Морелю и обнюхала его лицо. Морель не шевелился. Пума улеглась рядом с ним и широко зевнула, как бы располагаясь на ночлег вместе с ним.

Почти совсем стемнело. Стихли крики обезьян, хлопотливо размещавшихся на ночлег в высоких ветвях, умолкли птичьи голоса. Не слышалось даже лягушачьих заунывных песен. Лес засыпал. Ни звука. Только тонкое жужжанье комаров, не нарушая безмолвия ночи, пронизывало воздух...

«Гаучосы называют пуму другом человека. Они уверяют, что она никогда не нападает на человека и не трогает ни спящего, ни ребенка. Неужели это правда?» — думал Морель, искоса поглядывая на своего косматого соседа. Пума лежала неподвижно. Только уши зверя едва заметно шевелились, точно он прислушивался к отдаленным звукам. Как ни напрягал Морель слух, он ничего не мог уловить, кроме жужжанья комаров. Лихорадка все сильнее овладевала Морелем. Он старался не дрожать, но от времени до времени его тело судорожно напрягалось, и его подбрасывало вверх, как на пружине. Однако, видимо, не это беспокоило зверя. Пума протянула лапы, выпустила когти и собралась в клубок, словно готовясь к прыжку на невидимого врага. Прошла еще минута напряженного ожидания, и Морель заметил в густых зарослях у ручья две светившиеся зеленоватым огнем точки. Это могли быть только глаза хищного зверя. Мысли Мореля мутились. Бред охватывал его, и ему казалось, что зеленые точки расширяются, на них вырастают мохнатые лапы... Два чудовищных зеленых паука приближаются к нему... Морель застонал и потерял сознание... Среди бредовых кошмаров ему слышались ужасающий рев, крики, стоны, словно тысячи злых духов сорвались с цепи, ревел ураган, завывал ветер, рычали звери, и кто-то хохотал громовыми раскатами. И опять черная бездна тишины. Небытие...

Зарево тропического утра. Солнца еще не видно, но небо уже пылает пурпуром. Морель открывает глаза. Он все еще жив. Кругом буйная жизнь играет всеми цветами, кричит тысячеголосым хором пернатых и насекомых. И опять жажда, нестерпимая жажда...

Морель тащится по земле, как змея с перешибленной спиной, к ручью. Здесь он видит необычайное зрелище. У самой воды лежит распростертый труп огромного ягуара — этого вечного врага пумы. Его красивая золотистая шерсть с черными продолговатыми пятнами изорвана в клочья. Правое ухо откушено. Один глаз вытек. На шее огромная рана. Земля залита вокруг кровью. Трава вырвана и разбросана, кустарник изломан. Здесь была страшная битва не на жизнь, а на смерть. Морель наклонился над убитым зверем и с жутким любопытством посмотрел в единственный сохранившийся глаз, тусклый, остекленевший. Неужели глаза этого зверя преследовали его по ночам? Морель вспомнил, что несколько раз замечал две фосфорические точки, мелькавшие в кустах. Но он не был охотником и думал, что это ночные светящиеся насекомые, которых так много в тропических лесах. Да, его подстерегал ягуар. И вот он лежит поверженный! Морель оглянулся кругом и увидел, что кровавый след уходит в сторону и пропадает в кустах. Ученый не верил своим глазам. Но все, что он видел, не оставляло сомнения в том, что пума спасла его. Она охраняла его во время болезни и, рискуя сама, храбро бросилась на врага, чтобы спасти жизнь человека.

Это была неразрешимая загадка инстинкта. Невольно Морель почувствовал благодарность и даже нежность к своему спасителю. Но спаслась ли она сама? Бедная необычайная пума! Она уползла в чащулизывать свои раны и теперь, быть может, издыхает, даже не сознавая своего героизма.

У. ВОЗДУШНОЕ ЖИЛИЩЕ

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на сла-

бость, он отправился по следу. Но кровавый след уходил в густую чащу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать поиски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, вдыхая душистый запах розовых и желто-белых цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свою лихорадку?» — подумал он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной корой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки начали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся даже печь лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось полакомиться даже печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнутой в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставлял мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел использовать дождливое время года: с ноября по март непрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где заставала его ночь. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю большие

страдания, чем живой, сосуший его кровь клещ. И Морель принужден был терпеть на теле целые колонии паразитов.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, как это делали далекие предки. Он влезал на высокое дерево, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но со временем он привык к своей воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше беспокоили его. Крупные хищники не замечали добычи, укрывшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетий культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его непрестанных забот. Однажды, когда он спал на земле, положив возле себя очки, какая-то птица, очевидно такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепалили уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опро-

кидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хворостом, как целые стаи обезьян собирались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вьющиеся растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи; муки из кассовы, орехов и меда медовых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освобождали его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносился мыслью в Париж. Но это было так далеко и так не похоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав камень в рогатину, Морель привязал его к топорищу тонкими лианами. Но камень соскочил с топорища при первом же ударе. Тогда Морель ре-

шил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаяньем бросил работу.

«Нет, видно, я не гожусь в робинзоны!»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начать с топорщика. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «игольное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обработке легче кремня. Скоро «игольное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский кремнь и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булавку с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревки», но все же это был топор. Он перерубал, вернее перебивал, ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометражем», Морель высчитал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был по крайней мере десяток деревьев. Морель приуныл. При такой быстроте работы ему не выбраться ранее чем через год.

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в руслах высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу, однообразном, несмотря на все расточительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Проливные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла речек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожидал Морель: высохшая почва впитывала в себя огромное

количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал небольшое прикрытие от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шеста с вилкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века».

И он забрался на свое дерево.

VI. НЕУДАЧНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни москитов нет — попрятались», — думал Морель, засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно; кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскаты, словно канонада пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленоватобелый свет зажегся на небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это был не дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошной массой.

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав свои пожитки, Морель спустился по дереву, цепляясь за сучья. Несмотря на то, что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидел, что вода залила половину

плота. Морель взбежал на плот и влез в шатер. К его удивлению, здесь было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устлая крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла щиколоток ног и прибывала непрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачного путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морелю ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спасти только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело, как щепку, и понесло. Не менее получаса ему пришлось бороться с течением, пока, наконец, на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солнцу. Но это не беда. Главное, плот. Почему он не поплыл?»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собаки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, делясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев; пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до но-

вого ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуро возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот по-прежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, черт возьми? — раздраженно крикнул Морель.

Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул:

— Есть ли еще на свете такой осел, как я!

Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде.

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел на кипящую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда.

Дожди шли почти непрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насыщенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался удушливый кашель. Его организм так напитался влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и moskitov. Клещи, смытые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и вырванных с корнем стволов бамбука, пльвших на поверхности. Легкие, полые внутри, они как бы самой

природой были предназначены для устройства плота. К тому же с этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо было делать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем он ожидал. Ему не приходилось даже искать и собирать бамбук: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот на несколько дюймов. Морель приходил в отчаянье. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоенная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего количества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощими.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накренясь набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествующе крикнул. Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высоко поднявшийся край плота, выровнял его и взялся за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот летел стрелой среди мусора, обломков деревь-

ев и вырванных с корнем пальм — туда, к людям, в двадцатый век.

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые рощи пальм стояли в воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев.

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленнее. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей.

Положение Мореля было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя ослом, однако это не помогало делу.

Морель попробовал отталкиваться шестом. Но как только ему удавалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна, и плот снова медленно относил в заводь. Морель решил отдаться на волю течения, надеясь, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и, наконец, дрогнув, остановился. Рискую надорваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погружившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями прошлого дня и бессонной ночью.

VII. «НЕБОСКРЕБ» В ЛЕСУ

Проснулся Морель только вечером. Обдумав свое положение, он решил, что ему ничего не остается, как высадиться на берег, вернее выйти на сухое место, так как он находился не в русле реки, а на затопленной поляне леса, окруженной со всех сторон деревьями. Ночью он не решился этого сделать, улегся на плот. Дождь прекратился, и тысячи комаров поднялись над водой. В заболоченной почве что-то чавкало, вздыхало, шевелилось... Из чащи леса доносился странный свист. Временами трещали кусты под чьими-то тяжелыми шагами. Морель яростно отгонял от себя тучи комаров, прислушивался к свисту и не мог уснуть.

Утром он посмотрел на почву, на которую должен был ступить, и содрогнулся от ужаса. Она вся словно дышала. От времени до времени на поверхности появлялась голова ужа или змеи-слепуна. Толстые жабы рылись в иле. Казалось, гады со всего света собрались сюда, чтобы полакомиться в жирном, напоенном водой или червями и личинками насекомых иле. Морель безнадежно посмотрел на плот. Нет, не сдвинуть. Выхода не было, и Морель, забрав мешок с инструментами и запасом пищи, вошел в грязную воду. Ноги увязли в тине; Морель с трудом вытаскивал их и медленно пробирался к берегу. Наконец он вышел из воды и добрался до полосы грязи. Змеи шипели на него и уползали в сторону. Огромные цветные жабы с угрожающим видом бросались ему вслед. К счастью, жидкая грязь была плохим трамплином для прыжка, и они не достигали Мореля.

Морель обошел заводь и пошел вниз по реке. Но чем дальше он шел, тем тинистее становилась почва, и течение воды в реке делалось все медленнее. Наконец перед ним открылось огромное пространство, залитое водою.

«Неужели река не впадает в Амазонку?» — с тревогой подумал Морель. Несколько дней употребил он на исследования этого лесного озера с заболоченными берегами, но воде, казалось, не было края. Конечно, этого озера не найти ни на каких картах, так как в сухое время года оно высыхает. К тому же едва ли здесь когда-либо ступала нога географа.

Морель окончательно заблудился. Он целые годы может бродить по этим неисследованным дебрям и не выбраться отсюда. Неужели всю жизнь он принужден будет жить в этом лесу? Правда, этот тропический лес дает неизмеримо богатый материал для научных работ. Но к чему трудиться, если его открытия погибнут вместе с ним? Нет, Морель должен выбраться отсюда! Рано или поздно ему посчастливится упасть на какой-нибудь приток Амазонки. То, что река, по которой он пустился в путь, никуда не впадала, было только несчастной случайностью... Однако он слишком устал. Ему необходимо переждать дождливый период, с этим надо примириться, — он отдохнет, со-

берет коллекцию редчайших насекомых и с новыми силами пустится в путь. Но, чтобы лучше отдохнуть, надо устроиться с большими удобствами, чем он это делал до сих пор. У него уже есть опыт. Он не новичок. Прежде всего надо выбрать хорошее место, потом построить настоящее жилище, конечно на деревьях.

И Морель начал бродить по лесу в поисках подходящего участка. В одном месте леса почва поднималась и была более твердой. Он пошел вверх. Скоро под ногами он почувствовал камни. Это уже не было сплошное царство пальм и папоротников. Здесь росли фернамбуковые деревья с двоякоперистыми листьями, мангровые, сандаловые, капайские, каучуковые, кустарники ипекакуаны. Хина, какао, чай — чего же еще больше? Даже табак рос на этой почве.

Морель поднялся еще выше, и перед ним открылась широкая поляна, освещенная солнцем.

«Здесь будет меньше комаров и москитов».

Посредине поляны находилась группа гигантских деревьев бразильского ореха. Их гладкие стволы достигали ста тридцати футов толщины.

«Вот то, что нужно. Под рукой и запасы пищи, и аптека, и даже сигары. На этой высоте я буду себя чувствовать в безопасности от зверей».

Однако на минуту Мореля охватило колебание. Справится ли он с задачей — устроить себе «небоскреб»?

«Времени много», — решил он и с жаром принялся за работу. А работы было немало. Нужно было сделать лестницу, чтобы взбираться на вершину. Нужно было заготовить прочные балки для остова дома и поднять эту тяжесть на огромную высоту. Для этого следовало свить прочные веревки из волокон растений. Кроме того, необходимы были блоки, чтобы облегчить поднятие балок. Нужно было, наконец, позаботиться и об инструментах для работы. Все это было чрезвычайно трудно для одного человека. Но, странное дело, с тех пор как Морель решил надолго обосноваться в лесу, у него как будто прибавилось энергии. Теперь все его мысли были сосредоточены на одном — Париж отодвинулся на задний план.

Так как дожди не прекращались, Морель выстроил временную хижину у подножия своего будущего «небоскреба», как он называл свое жилище.

Наибольшее внимание Морель уделил устройству надежной крыши. И это ему удалось. Теперь он мог иметь постоянный огонь, сохраняя в пепле тлеющие угли и раздувая костер ночью, чтобы отгонять диких зверей.

Работа подвигалась медленно. Первою была готова лестница. Но когда Морель попытался поставить ее, он убедился, что не в силах этого сделать. Она была слишком тяжела. Морель часами ломал голову над трудной задачей. Если бы можно было подтянуть ее на блоке веревкой! Но для этого надо было сперва влезть на дерево, чего нельзя было сделать без лестницы, так как ствол был толстый и гладкий. Однако Морель не падал духом. Он соорудил ряд подпорок, и в конце концов ему удалось водрузить лестницу на место. Дальше пошло легче. Правда, ему пришлось попотеть, втаскивая наверх тяжелые балки, но когда они были уложены на разветвления сучьев, половина дела была сделана. Морель, как птица, вил свое гнездо, принося ветку за веткой. И дом вышел на славу. Морель умудрился сделать две комнаты. Маленькая служила спальней, а большая — кабинетом, лабораторией и музеем. Здесь были сооружены стол, покрытый поверх бамбуковых палок листьями, и полки для коллекций.

Когда все было окончено, Морель подошел к открытому окну и с видом победителя посмотрел на расстилавшийся внизу лес. Морель мог гордиться. Это была победа. Морель больше не был беззащитным существом. Он сожалел, что у него нет фотографического аппарата, чтобы увековечить свое жилище и показать его потом своим ученым товарищам.

Морель вызывал в своем воображении лица друзей и знакомых и с удивлением заметил, что фамилии некоторых из них он не может вспомнить. «Что за странное ослабление памяти? — подумал Морель. — Может быть, это последствие болезни? Этак и говорить разучусь...»

Морель решил чаще говорить вслух. Он читал лек-

ции своим воображаемым слушателям, и в дебрях тропического леса слышались мудреные латинские слова, которые, видимо, очень нравились попугаям. Казалось, эхо отражало его речь в искаженном до неузнаваемости виде.

— Паук мигалес, — говорил Морель.

— А у иaes, — вторили попугаи, заливаясь хохотом.

— Кыш вы, горластые! — кричал Морель на своих недисциплинированных слушателей. Но они продолжали усердно повторять его лекцию, пока он не замолкал.

VIII. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

Морель усердно упражнялся в произнесении речей. Но постепенно эти занятия становились все реже. Заботы дня и научная работа по собиранию и классификации насекомых отвлекали его. Не замечал он и другого: с каждым днем его лексикон становился все беднее, речь суше, бледнее. Она все больше была испещрена научными терминами, и его лекции напоминали уже латынь средневекового ученого. Только раз, тщетно стараясь вспомнить забытое слово, он обратил внимание на этот «распад личности» и несколько обеспокоился: «Да, я дичаю», — подумал он, но и к этому факту подошел как натуралист.

«Естественный биологический закон, подмеченный еще Дарвином. Сложный организм, попавший в простейшую среду, должен или погибнуть, или «упроститься». То, что в культурном обществе было необходимо и составляло мою силу, теперь в лучшем случае является ненужным балластом, так же как в Париже мне не нужны были собачья острота обоняния и слух пумы. И если во мне пробудились инстинкты, дремавшие в человеке сотни тысяч лет, то, конечно, вернутся и мои «культурные» приобретения, когда я возвращусь в свою среду».

Так успокаивал он себя, и все же где-то в подсознании шевелились тревожные, едва оформившиеся мысли: «Я дичаю, возвращаюсь на низшую ступень

биологической лестницы. Если я проживу здесь несколько лет, то превращусь в дикаря».

Морель привык к одиночеству, был всегда углублен в себя, поэтому не очень страдал от отсутствия общества. Ему не приходило в голову приручить собаку или попугая, чтобы иметь общение с живым существом. Его единственным, но зато многочисленным обществом были насекомые и в особенности пауки. Он мог часами неподвижно сидеть, уставившись на какого-нибудь паука, и наблюдать за его работой. По-своему Морель был даже счастлив. Среди пауков, ос, муравьев он чувствовал себя в «своем обществе».

Бразилия в этом отношении была настоящим раем для ученого. Едва ли на всем земном шаре можно найти второе такое место, где волны жизни бушевали бы с такой неистощимой, ничем не сдерживаемой энергией. И Морель погрузился в этот безграничный океан; каждый день приносил ему что-нибудь новое, изумительно интересное. Морель был похож на золотоискателя и целыми днями, забывая о еде, подбирал свои «самородки» или бродил по лесам в поисках новых сокровищ. Морель-ученый спасал Мореля-человека от полного одичания, и все же в Мореле происходил незаметный для него, но огромный внутренний процесс упрощения психики. В его мозгу оставались нетронутыми только клетки, принимавшие участие в его научной работе. Во всем остальном он действительно дичал. Он был нетребователен, как дикарь, в пище, запустил свою внешность. Его волосы отросли до плеч. Костюм давно висел на нем лохмотьями. Только ногти он остригал маленькими ножницами или чаще откусывал зубами, чтобы они не мешали ему при работе над насекомыми.

Главное изменение его психики заключалось в том, что у него постепенно угасало самое чувство общечеловечности. Ему не только не нужно было общество людей, но и научная работа как бы потеряла для него общественную ценность. Она стала самоцелью. Он делал величайшие открытия, которые привели бы в восторг не только натуралистов, но и химиков. Он находил новые красящие вещества, растения, содержавшие огромное количество эфирных масел, арома-

тических смол, или такие, сок которых обладал свойствами каучуковых деревьев. Всего этого имелись здесь колоссальные, неистощимые запасы. Но ему ни разу не пришла мысль об эксплуатации находящихся здесь богатств.

Он только отмечал, регистрировал эти факты как интересные научные открытия. Если бы Морель узнал, что все человечество, до последнего человека, погибло от какой-нибудь катастрофы и на безлюдной Земле остался только он один — это едва ли потрясло бы его, и он продолжал бы заниматься своими научными работами по-прежнему. Даже честолюбие угасло в нем. Он уже не мечтал о славе. Мысль о возвращении к людям все реже посещала его. Только когда вторично наступил период дождей, Мореля охватило смутное беспокойство. Но он объяснил его тем, что дожди мешают ему совершать обычные экскурсии. Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекции.

Морель почти не замечал течения времени. Часы его давно стали. Календарь, который он вел одно время, вырезывая на палочках зарубки, был заброшен. Он стал отмечать только годы по периодам дождей, но вскоре оставил и это. К чему? Единственным измерителем времени мог служить его музей, который все пополнялся. Но и этот измеритель был неточен. Когда полки, стены и даже пол его рабочего кабинета переполнились собранными им насекомыми, как поле, покрытое саранчой, Морель начал выбрасывать одинаковые экземпляры, оставляя по одному каждого семейства или подсемейства. Но так как экспонаты все продолжали прибывать, ему пришлось выбрасывать одних насекомых, чтобы положить на их место других, более редких или впервые открытых им. Только феноменальная память Мореля сохраняла всю историю его научных исследований. Однако эти драгоценные знания были затеряны вместе с их обладателем в дебрях бразильских лесов.

Морель давно уже не говорил вслух и не читал лекций своим воображаемым слушателям. Незаметно для себя он утрачивал речь и превращался в бессловесное существо.

Однажды целый день его преследовало слово, значение которого он не мог припомнить:

«Морель!.. Что бы это значило? Морель... Морель...»

Его бесило, что он не может припомнить значения слова, которое казалось таким привычным, знакомым. Эти усилия припоминания мешали ему, вносили беспорядок в работу мысли, и он постарался запрячь надоедливое слово в глубокий ящик подсознания. Морель не знал, что в этот день он стал человеком без имени.

IX. БЕССЛОВЕСНОЕ СУЩЕСТВО

— Здесь мы не найдем красных ибисов, — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индейцем. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски, сын его учился в университете. Жил он в Рио-де-Жанейро, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для москитов, складные кровати, фляжки—словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон. Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессора. Одетый по-европейски, сухой, подвижной, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Манауса, пересели на плоскодонный речной пароход, по Риу-Негру поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали низменный бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом. По мнению Джона, в этом месте не могло быть красных ибисов.

— Ну, что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность! Тс...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — получеловека-полузверя, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря — если только это был человек — ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он намотал на себя паутину. Дикарь сидел спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения.

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная всклокоченная борода, достигавшая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана взвизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дичью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана с разбегу не раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена была останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следу, руководствуясь обонянием и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удалявшемуся лаю. Наконец они нагнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростно лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит в ветвях, видите?

Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и враждебно.

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь, крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники расположились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто он приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид пищи, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое своего мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово залаяла, но Сабатье заставил ее замолчать, и с недовольным ворчаньем она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, у него во рту давно не было мяса. Смо-

трите, как уплетает, — одобрительно сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул головой. Этот простой жест доказывал, что охотники имеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо, безусловно, принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же, старик носил очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выцветших голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорит о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные, зоркие глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за руку, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, удивляясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

Старик полез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены

инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготовления коллекций, — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, шприцы.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалеет бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и вперед, натягивая паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно сделанные из каких-то зерен или стеблей.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону. — Может быть, вы прочтете?

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол.

Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что же, попробуем обучить его. Интересно, на

каком языке он говорил, прежде чем его язык заржавел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чисткой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: стол, рука, голова, нож, дерево.

Старик понял их намерение и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходили до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой.

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторяющие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик, из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отвыкли от нужной артикуляции. Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: а, о, у, е, и. Это далось легко. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал, шипел.

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне удобопонимаемо произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно.

С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь слишком тесно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распростившись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зыбкой лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибисами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, старик — ученый. Но как попал он в этот лес? Хоть бы он скорее научился говорить!

— Вы прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

Х. ФЕССОР

Превращение старика в «словесное» существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени.

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье.

Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю, должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экземпляра, — сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

— Я долго искал моих спутников, конечно и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или что меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу.

— От такого страшилища, как он, вероятно, все звери бежали! — сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты? — продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню... Кажется, что да, — продолжал он после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил. Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели...

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужто уши ваши помнят дольше, чем глаза? — удивился Джон и, подойдя к старику, спросил:

— Не разрешите ли вы мне вас остричь?

— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил и Сабатье по-французски.

Старик не отвечал ни да, ни нет. Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия. — Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усадив старика на самодельную табуретку, принялся стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалывшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-нибудь окрестить его. Ведь он человек ученый, профессор. Кратко это будет «Фессор». Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согласился:

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор.

С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костюм был скоро сшит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну, что вы еще хотите с ним сделать? — с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джон. — Уж больно он худ!

— Вы чем питались? — спросил Сабатье Фессора.

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

— Ну, разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Не мудрено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыболов, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее. Он взял бутылку изпод виски, влил в нее на четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взор-

валась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить рыбу.

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а у меня нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил:

— Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят-шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дебри, что они с трудом пробирались.

— Вот там, вверху, видите — вьющиеся растения с белыми цветами. Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Даже Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами. Слезая вниз, он увидел на мохнatom стволе дерева роскошную белую орхидею и сорвал ее.

— Я не знал, что вы такой любитель цветов! — сказал Сабатье, наблюдая за Джоном. Но Джон вместо ответа отчаянно вскрикнул, кубарем скатился с дерева и, не переставая кричать, запрыгал по траве, хватаясь за лицо и руки.

Сабатье решил, что его укусила змея. Но Фессор бросился на помощь Джону и начал сбрасывать с его

рук и лица маленьких белых муравьев. Сабатье последовал за Фессором, и они втроем начали поспешно сметать с Джона муравьев. Несколько этих ядовитых насекомых упало на руку Сабатье, и он понял, почему Джон кричал так неистово. Боль от укусов муравьев была нестерпима, как от укола раскаленной иглой. Когда, наконец, Джон был освобожден от насекомых, Сабатье подошел к орхидее и увидел, что вся внутренность цветка была сплошь усеяна белыми муравьями.

— Эти злые инсекты (насекомые), — сказал Фессор, — могут съесть живого человека. Однажды они напали на меня. Я спасся, потому что бросился в воду. В воде они еще долго кусали меня, пока их не смыло.

Все тело Джона горело, как будто он принял ванну из красного кайенского перца. Тем не менее он настаивал на продолжении рыбной ловли.

— Мне необходимо искупаться в реке, иначе я сгорю в собственной коже! — уверял бедняга.

Лов вышел удачный. Растение Фессора действовало изумительно. Несмотря на то, что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого мало — Джону посчастливилось поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, а в действительности по кровожадности мало чем отличавшуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно мигнул.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чудовища, затем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлись весьма по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара.

Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал жизнь эти мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвижку я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребая из-под мух. Мед этих мух вкусней, чем пчелиный, а воск — белый-белый. Мухи дольше, чем пчелы, готовят воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрифугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

XI. НЕВЕДОМЫЕ БОГАТСТВА

Обычно Фессор уходил в лес на целые дни, и только вечером все собирались у костра за котелком чая, рассказывая друг другу события дня. За это время Фессор уже вполне овладел речью.

Однако в последние дни с Фессором стало твориться что-то неладное. Он возвращался в самые неопределенные часы, забираясь в свою лабораторию и то сидел неподвижно у стола, обхватив руками голову, в глубокой задумчивости, то вдруг срывался с места, что-то возбужденно бормотал и с такой поспешностью спускался с лестницы, что Сабатье каждый раз боялся за него. Старик был крайне рассеян. Он отвечал невпопад на вопросы, иногда даже не слышал их или обрывал разговор на полуслове.

— Совсем помешался старик, — говорил Джон, поглядывая на Фессора.

Фессор действительно был похож на сумасшедшего.

Однажды он сидел недалеко от дома, внимательно разглядывая в траве какое-то насекомое. Вдруг Фессор поднялся и побежал с такою быстротой, словно за ним гнался ягуар. Он бежал по поляне как испуганный, крича во весь голос:

— Почему она не хочет брать мою эфиппигеру?

Потом он поймал какое-то насекомое, с такой же поспешностью вернулся на прежнее место и, бросив насекомое, издал торжествующий крик:

— Взяла, каналья!

Сабатье подошел к ученому и осторожно спросил его:

— У вас, господин Фессор, кажется, какие-то неприятности с вашими насекомыми?

— Неприятности? — ответил повеселевший Фессор. — Я чуть с ума не сошел, вот какие неприятности! Но теперь все в порядке. Еще одна сложнейшая загадка природы разрешена!

И, усевшись поудобнее, он с жаром начал объяснять.

— Осы — это ученые убийцы. Своих жертв — жужелиц, эфиппигер и других насекомых — они поражают отравленным кинжалом жала в нервные центры и этим приводят их в состояние полного паралича. Эти живые трупы оса утаскивает к себе и складывает в кладовой — таким образом под рукой свежие продукты. Вот эта самая оса, лангедокский сфекс, едва не свела меня с ума! Она поразила свою жертву, эфиппигеру, на моих глазах и, ухватив за усики, не спеша потащила в свою норку. Я незаметно подкрался, ножницами обрезал усики, взял парализованную эфиппигеру и положил на ее место другую, только что пойманную мною. Оса, тащившая свою добычу, почувствовала, когда я перерезал усики, что ноша стала легче, и оглянулась. Конечно, она очень удивилась, увидев, что на месте парализованной лежит новая, живая эфиппигера. Моя оса не верила своим глазам и, помочив передние лапки во рту, начала ими протирать глазки. Убедившись, что это не обман зрения, оса начала искать первую эфиппигеру, а к моей даже не притронулась, хотя я сам подсовывал ей добычу. Почему она не брала мою эфиппигеру?

— Вам это показалось обидным? — спросил Сабатье.

— Не обидно, а непонятно, черт возьми! — вскричал Фессор. — Это противоречило инстинкту. Я был сам не свой, пока не разгадал загадку, которую мне задала оса.

— И в чем же было дело?

— В том, что я подложил ей самца. Оса же, как теперь я убедился, охотится на самок, потому что в их вздутом брюшке содержится большой запас сочных яичек — лучшее питание для личинок сфекса. Мне нужно было во что бы то ни стало найти эфиппигеру-самку, пока оса не утащила свою добычу. Вот почему я с такой поспешностью бегал по поляне.

Сабатье стало понятно настроение Фессора. Необъяснимое отступление от инстинкта, этого закона природы, для Фессора было столь же невыносимо, как для астронома непонятные ему возмущения в движении небесных светил. Теперь гармония космоса и души Фессора была восстановлена. Как будто тяжкий груз свалился с его плеч. Он стал общительней и даже предложил показать, каким способом он ловит насекомых.

— Я подсекаю стволы одного кустарника, из которого капля за каплей вытекает своего рода клей, который и служит приманкой для различных насекомых. Да вот вы сами увидите.

Фессор «слетал» на свое гнездо и принес оттуда горшочки и палочки, которые роздал Сабатье и Джону.

Фессор научил их, как нужно его клеем смазывать листья, ветви и даже мох, тщательно прикрывая те места, где расставлены ловушки.

Когда перед вечерним чаем они пришли к ловушкам, Сабатье увидел, что они действуют великолепно, — смазанные листья оказались сплошь покрытыми самыми разнообразными насекомыми.

— Это гораздо легче, чем бегать по полянам, как жеребенок. Да мне это уж и трудновато становится.

Фессор нагнулся, вынул из клея какую-то божью коровку и раздавил ее между пальцами. Пальцы его мгновенно окрасились в ярко-синий цвет.

— Эта краска по яркости цвета и прочности превосходит анилиновые краски и обладает одним замечательным свойством... Впрочем, позвольте пока не открывать вам секрета этой краски, — сказал он, о чем-то подумав.

В этот день Фессор был общителен, как никогда. После чая с медом он пригласил гостей к себе на дерево. Пройдя в свою лабораторию, он вынул из небольшого ящика образчики тканей, кусками в двадцать на тридцать сантиметров каждый.

— Эти кусочки материй, — сказал он, — сотканы из волокон растений или животных. Попробуйте. Никакая шерсть не сравнится по легкости, мягкости, прочности и теплоте с этой тканью. Но у меня есть кое-что поинтересней.

И Фессор протянул Сабатье кусок серой ткани. Когда Сабатье положил ткань на руку, он был поражен. Ткань была так легка и тонка, что казалась сотканной из паутины.

— Попробуйте-ка разорвать ее! — улыбаясь, сказал Фессор.

Сабатье сначала осторожно потянул ткань, опасаясь, что она расползется при первом натяжении. Но ткань не разорвалась. Тогда он потянул сильнее, наконец рванул изо всех сил. С таким же успехом он мог попытаться разорвать железный лист. Джон также захотел испытать свою силу, но ткань решительно не поддавалась. И вместе с тем она была легка и воздушна.

— Сам черт не разорвет этой ткани! — сказал Джон, протягивая кусок Фессору.

Глаза и губы Фессора улыбались. В своем длинном балахоне он казался алхимиком, Фаустом двадцатого века. Помахав, как флагом, тканью, Фессор сказал:

— Я удивлю вас еще больше, если скажу, что эта ткань сделана водяным пауком. Из этой ткани водяные пауки строят свои подводные дома. Ткань совершенно водонепроницаема. Если ее пропитать соком одного растения, она станет непроницаема и для воздуха. Недурная была бы оболочка для дирижаблей! А как она держит тепло! Из этой ткани вы можете сделать трико. Вы будете казаться голым и вместе с тем смело можете отправиться в этом трико на Северный полюс, не рискуя замерзнуть.

— А вот эта ткань, — продолжал старик, — продукт особого вида шелковичных червей. И знаете,

каким образом я добиваюсь, чтобы эти существа (мои ученики, как я их называю) изо дня в день работали на меня? Я избавляю их от всяких врагов и кормлю той пищей, какая им нужна, как это делают китайцы. Я месяцами, годами изучал нравы и инстинкты этих трудолюбивых насекомых и сделал из них прекрасных работников. Вот посмотрите на этого паука.

Сабатье еще в первый день обратил внимание на маленького паука, который наматывал паутину на деревянную рамку.

— Если бы у меня было больше места, я заказал бы этому ткачу целый костюм, и он бы соткал мне его по мерке без единого шва. Из этой паутины я делал себе рубашки. Ткань мне изготовляли пауки, а нитки — шелковичные черви.

— Но как вы добились этого?

— Наблюдением и терпением... Остальные образчики тканей сделаны из волокон разных растений, и все они очень прочны. Лучшие из этих растений те, волокна которых нужно долго разминать, отчего они делаются мягкими. Затем я их кладу в воду, смешанную с каким-нибудь дубителем, и это их делает еще более нежными. Я нашел также дикую коноплю из того же семейства, что растет в Индии. Ее волокна, погруженные в дубитель, также очень быстро приобретают большую прочность.

У Фессора словно прорвалась плотина молчания. Он готов был говорить целую ночь о новых, совершенно неизвестных цивилизованным людям материалах, об изумительных красках, тканях, о чудодейственных соках неведомых растений и о пауках — о пауках больше всего. Говоря о них, Фессор превращался в поэта.

Но Сабатье уж не мог слушать. Нельзя было в один вечер усвоить и переварить все то, что Фессор узнал и открыл за пятнадцать лет жизни, каждый час которой был посвящен упорному труду исследователя. Наконец старик отпустил своих гостей, сказав им на прощание загадочную фразу:

— Сегодня ночью дух леса снизойдет к вам! — И Фессор засмеялся странным, почти безумным смехом.

Когда они спустились по лестнице и разложили у подножия дерева походные кровати, Джон долго тер себе лоб и сказал, обращаясь к своему спутнику:

— Знаете что, господин Сабатье, я больше не могу! Если мы пробудем здесь еще неделю, я совершенно обалдею от этого старика!

— Вы не правы, Джон. За этот месяц мы узнали столько интересных вещей, сколько не узнать за годы. Фессор поделился с нами только небольшой частью своего богатого опыта. Но и этого было бы достаточно, чтобы поразить весь ученый и промышленный мир. Знаете ли вы, что за самое незначительное открытие Фессора любой фабрикант не пожалел бы миллиона? Некоторые из его открытий похожи на взрывчатые вещества необычайной силы. Они могут перевернуть вверх дном целые области промышленности и создать совершенно новые. Все это так грандиозно, что я не в силах разобраться в этом необычайном богатстве. Подумать только, что оно оставалось неизвестным миру целых пятнадцать лет!

— И останется неизвестным, — отозвался из темноты Джон.

— Этого не должно быть! — серьезно ответил Сабатье. — Мы попытаемся уговорить Фессора уехать вместе с нами. Мы захватим часть его коллекций и его самого.

— Едва ли он согласится на это, — возразил Джон. — Как бы там ни было, нам пора собираться в дорогу. Скоро начнется период дождей.

Они замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Сабатье думал о возможной эксплуатации «клада» Фессора, Джон же — о своем магазине.

— Однако пора зажигать костер и ложиться спать, — сказал Джон.

В этот момент легкий скрип дерева привлек их внимание. Они насторожились, но даже тонкий слух охотников не мог сразу определить, откуда исходит звук. Уловить его направление в самом деле было нелегко. Джон первый догадался поднять голову вверх и вскрикнул от удивления.

Можно было подумать, что во тьме тропической ночи к ним спускается звездный кусочек Млечного Пути. Джон увидел кучу звезд, которые горели спокойным, мягким фосфорическим светом.

— Что за наваждение! — воскликнул Джон.

Конечно, тут не могло быть ничего сверхъестественного. Млечный Путь не мог скрипеть легкими перекладинами лестницы.

Среди тишины ночи послышался короткий смешок Фессора.

— Лесной дух спускается к вам! — сказал Фессор.

Когда он спустился, Сабатье и Джон не могли не вскрикнуть от удивления. Весь балахон Фессора сиял фосфорическими пятнами.

— Недурной маскарадный костюм! — сказал, улыбаясь, Сабатье.

— Вы угадали, это мой маскарадный костюм, — ответил Фессор. — Помните божью коровку, содержащую синюю жидкость? Эта жидкость фосфоресцирует ночью. Я намазал ею костюм и превратился в созвездие, гуляющее по тропическому лесу.

— Но зачем вам этот маскарад? — спросил Сабатье.

— А вот зачем. Каждое светящееся пятно напоминает своей формой тело какого-нибудь фосфоресцирующего ночного насекомого, и насекомые летят на мой костюм. Светящиеся пятнышки покрыты легким слоем клея. И насекомые садятся на эту приманку. Таким образом, гуляя по лесу, я в то же время ловлю насекомых. Как видите, я весьма упростил свою работу.

И, пожелав гостям спокойной ночи, Фессор удалился, словно блуждающий огонек, то появляющийся, то исчезающий среди кустов.

Когда утром Фессор вернулся, он уже не был похож на кусочек звездного неба. Весь его костюм был сплошь покрыт прилипшими за ночь насекомыми.

— Хороший улов! — весело приветствовал он Сабатье.

— Вы прямо ходячая коллекция, господин Фессор! Не хотите ли чаю?

— Сейчас, только освобожусь от насекомых и приведу в порядок костюм, — ответил Фессор, поднимаясь по лестнице.

Когда Фессор вернулся, Сабатье налил ему кружку чаю и сказал:

— Дорогой Фессор, мы хотим похитить вас. Скоро наступит период дождей, и мы отправимся в путь.

— Желаю успеха.

— А вы?

— Мне и здесь хорошо, — решительно ответил Фессор.

— Неужели вы не испытываете никакого желания вернуться к людям? — спросил Сабатье. — Пятнадцать лет — как будто достаточный срок для научной экспедиции. Вы только подумайте, какую сенсацию произведут ваше возвращение и открытия! Ваше имя станет известным во всем мире.

Сабатье пытался играть на струнке тщеславия, но эта струнка уже не вибрировала в душе Фессора.

— Здесь есть кое-что поинтересней газетной шумихи. — И, подумав, Фессор добавил: — Нет, я не могу оставить леса.

— Но что вас удерживает?

— «Мертвая голова» — та самая бабочка необычайного вида, которую я встретил в лесу пятнадцать лет назад. Я думал о ней дни и ночи, искал ее все эти годы, но не мог найти. До тех пор, пока ее не будет у меня, я не уйду из этого леса.

— Но поймите же, — рассердился Сабатье, — вы сами давно превратились в мертвую голову, упрямый вы человек! Ну какая польза от всех ваших открытий, если о них не знает ни один человек на земле? Что толку от всех ваших коллекций и знаний? Не сегодня-завтра вас может съесть ягуар, проглотить удав. Наконец вы умрете естественной смертью и унесете в могилу все сокровища. Вне общества, без людей ваше существование бесцельно, ему грош цена! Наука для науки — это игра в бирюльки, чепуха, бессмыслица! Вы должны подумать о своем долге перед обществом, без которого вы были бы бессловесным животным!

Сабатье говорил долго, и Фессор, видимо, начал

склоняться на его доводы. Наконец старый ученый, опустив голову, сказал:

— Хорошо, я поеду с вами. Но только для того, чтобы вернуться сюда во главе хорошо оборудованной экспедиции и закончить свои работы. Мы, конечно, заберем с собою мои коллекции.

— Ну, разумеется, — ответил Сабатье, подумав: «Только бы его вытащить отсюда!»

Дожди стали выпадать все чаще, и маленькое общество начало деятельно готовиться к отъезду.

Однажды Сабатье, бродя у берега вздымавшейся реки, обратил внимание на валявшиеся стволы железного дерева. От них исходил крепкий аромат.

— Такому дереву позавидовала бы любая парфюмерная фабрика! — сказал Сабатье. — Что, если из этих деревьев сделать плот?

Фессор покачал головой:

— Это дерево сыграло уже со мной скверную шутку! — ответил он. — Оно не будет держаться на воде. Плот надо делать из легкого бамбука.

Скоро плот был готов. Он отличался довольно большими размерами. Джон устроил на нем поместительную палатку. Когда начались дожди, все трое переселились в палатку, ожидая момента отплытия. Коллекции еще находились в древесной хижине Фессора. Путники выжидали, пока небо прояснится, чтобы перенести огромное количество насекомых, не испортив их дождем. Фессор очень волновался и ежеминутно поглядывал на небо.

— Кажется, проясняется, — сказал он однажды утром.

Дождь перестал, проглянуло солнце. Лес начал оживать.

— Да, надо пользоваться случаем, — ответил Сабатье.

Все поспешили к хижине.

Вдруг Фессор громко вскрикнул и побежал как безумный.

— Мои коллекции! Мой дом! — кричал он.

Сабатье и Джон последовали за ним и увидели, что ветхий домик Фессора разрушен бурями и ливнями последних дней. У подножия деревьев лежала

груда трухи вперемешку с высохшими насекомыми.

Фессор в отчаянии бросился на останки своего жилища и начал ворошить мусор руками, крича:

— Мои коллекции! Мой труд! Моя жизнь!

Джон пытался оттащить старика, но он, казалось, помешался.

— Оставьте его, пусть он немного успокоится, — сказал Сабатье, взволнованный искренним горем ученого.

Набежала туча, сразу стало темно. Гремел гром, сверкала молния. Ветер трепал верхушки деревьев и свистел в бамбуковой роще. Дождь вновь полил как из ведра. Но Фессор не замечал ничего. В его настроении наступила реакция. Он сидел неподвижно, как маньяк, устремив взгляд на погибшие сокровища.

Сабатье нахмурился и, тронув ученого за плечо, сказал:

— Вот видите, мы вовремя решили увезти вас отсюда. Но не печальтесь. Вы вернетесь сюда, и тогда...

— Да, да! — Фессор пришел, наконец, в себя. — Надо начинать сначала! Я вернусь!

— С большой экспедицией, оборудованной наилучшим образом. Но нам надо спешить. Идемте скорей, Фессор!

— Да, да, надо спешить... Работы много. Все — сначала! Скорей же! Идем!

Фессор торопил своих спутников. Он спешил к людям, чтобы скорее вернуться в лес. Этот лес поработил его душу, сделался его стихией, его манией.

Они пришли на реку как раз вовремя. Неожиданно прибывшая вода уже поднимала плот.

Фессор ухватил шест и начал отталкиваться.

— Не делайте этого! — прикрикнул на него Джон. — Вы можете загнать острые концы плота в тину. Вода сама поднимет плот. Имейте терпение!

Фессор покорно положил шест и вновь погрузился в мрачное молчание, устремив взор на мутные воды. Мимо него, как много лет назад, мчались стволы деревьев, трупы животных, пальмы. Но он, казалось, ничего не замечал. Только один раз его глаза загорелись мыслью.

Путешественники увидели зрелище, которое могло привести в себя даже полупомешанного Фессора...

По реке мимо них тихо плыл остров с десятком пальм и папоротников. Огромные орхидеи спускались к самой воде. В ветвях пальм прыгали и беспокойно кричали обезьяны.

— Плавающий остров! Неужели это не мираж? — воскликнул удивленный Сабатье.

— Наводнение смывает целые группы деревьев, — ответил Фессор таким тоном, как будто читал лекцию в университете. — Случается, что такие острова выплывают в море далеко от берега и долго носятся по волнам; сплетенные корнями деревья долго не распадаются. Многие мореплаватели встречали в океане такие плавающие острова. Здесь нет ничего... — он оборвал на полуслове и ушел в свои мысли, внезапно позабыв об острове.

— Вот бы на таком острове совершить плавание! — сказал Сабатье.

— Индейцы проплывают иногда на этих странствующих островах значительные пространства, — ответил Джон. — Помню, в детстве я сам пускался в такие путешествия.

Плот сильно качнулся, и его понесло течением.

— Наконец-то! — ожил Фессор. — Скорей бы, скорей! Столько работы!.. — И он снова замолчал, низко опустив голову. Джон посмотрел на Фессора, потом на Сабатье и тихо сказал:

— Пожалуй, нам не следовало брать с собой старика. Смотрите, он совсем спятил.

— Ничего, отойдет. Нельзя же было оставить его в лесу!

. . . . .

— Удивительная история! — сказал французский консул в Рио-де-Жанейро, когда Сабатье окончил свой рассказ. Затем консул открыл шкаф, порылся в старых газетах, аккуратно сложенных в стопки, вынул пожелтевший номер и протянул Сабатье.

— Вот посмотрите.

Сабатье раскрыл газету. Она была от 12 сентября 1912 года. На третьей странице была помещена за-

метка о гибели в лесах Бразилии французского ученого Мореля, написанная одним из его спутников по экспедиции. К статье был приложен портрет человека в очках, с гладко выбритым лицом.

— Да, это он, наш Фессор! — сказал Сабатье. — Время сильно изменило его, но глаза те же.

— Глаза человека не знают старости, — ответил консул. — И вы говорите, что он жив и здоров? Приведите его ко мне. Интересно взглянуть на этого нового Робинзона!

Однако привести Мореля к консулу было не так-то легко.

Когда Сабатье вернулся в номер гостиницы, его встретил Джон, сильно расстроенный.

— Опять ушел! — сказал Джон. — Этот Фессор совсем помешался, должно быть, от городского шума. Он бредит, говорит какие-то непонятные латинские слова. Убежал в городской сад, прыгает по траве и ловит бабочек, а сторожа ловят его. Он собрал вокруг себя целую толпу. Я пытался его увести и сам едва ушел: сторожа хотели отвести меня в полицию. Они говорят: «Если это ваш помешанный, то вы должны за ним следить и не выпускать его из дома». Нечего сказать, хорошую сделали мы находку! Я говорил вам, что не надо было увозить его из леса.

— На него повлиял слишком резкий переход от одиночества в лесу к жизни большого города. Ему, вероятно, придется полечиться. Но я надеюсь, что постепенно он придет в нормальное состояние, — сказал Сабатье.

За окном послышался шум, и они услышали голос Мореля-Фессора:

— Зачем вы преследуете меня? Что вам от меня нужно? Не мешайте мне, я ищу «мертвую голову»!

А. Беляев

МИСТЕР СМЕХ

НА РАСПУТЬЕ

Спольдинг вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он — инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубо-

глазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить немного денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу. Это, конечно, не легко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлекался спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной жажды богатства, такого гомерического аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, пустив в ход и волю, и жажду, и зубы, и когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой прорвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоедал и ожесточался: он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве для ращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал по узкой комнате с окном во двор и слушал, как за стеной кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звуки напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем, очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнить музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг слышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену. Звуки умолкли.

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг. Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адамс, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адамс свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался.

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адамс!

Но миссис Адамс не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адамс повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез» — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адамс позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходившая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами.

Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адамс. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусственные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был большой, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер.

Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучал ее. Аттестация, данная миссис Адамс, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставлять людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей не начинают ноги сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горячие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал

он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом.

Люция Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописы и звукозаписей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже удалось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии.

Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно, вместе с нотами, выпал из портфеля один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за кабалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал:

— Интересно. Пожалуй, из этого может выйти толк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монопольно. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, не обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удастся написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламы-

вает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждаюсь бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами посыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?

Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно.

— Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прекрасно заменяют работу мозга. Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено.

Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адамс. Был поздний час, веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольдингу покойной ночи и ушла.

ЭВРИКА!

После того как Спольдинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольдинг однажды, возвращаясь домой в вагоне подземной железной дороги, прочитал в газете:

«Концерну Бэкфорда угрожает крах».

Спольдинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось, что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских конферансье. Это Спольдинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляпи или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он начал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, граммофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и острот. Заказчик требовал, чтобы в программах, составленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнил это требование: слушатели смеялись от девяноста до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать. Все, что требуется для профессионала, — умело подобрать старые остроты.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере дела «концерна» шли успешно. Бэкфорд

оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими и даже обзавелся банком. И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной. По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят-шестьдесят-сорок-двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти-девяноста-ста «обязательных». Сбыт сокращался...

Почему? Спольдинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств. Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался осветить вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть природу смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение и к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может, они сводятся к пяти-шести основным «формулам». И если их найти и умело применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принципы прекрасного! И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставлять хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы то ни стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гегману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон:

— Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взглянув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады

на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок. Под смех пассажиров он кинулся к выходу.

С того дня Спольдинг засел за работу...

ПУТЬ К СЛАВЕ

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Ды, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было две недели от роду, нас купали в одной лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, задумался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

— В чем тут секрет смешного?

Спольдинг открыл книгу Анри Бергсона «Смех». «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действенность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адамс подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял

перед зеркалом и делал страшные гримасы. Стук в дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну, конечно, это миссис Адамс идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адамс открывает дверь. Спольдинг делает навстречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адамс не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь, прошу вас, на кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, идиотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адамс окончательно испугалась. Растерянно заметалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса, вызвала не смех, а испуг.

Когда, наконец, хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причина неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адамс равнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собиравшегося на веранде: он вновь начал появляться там. Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пансионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе все более трудные за-

дачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В пансионе Адамс появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. Притом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг начал демонстрировать свои испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колено здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может, Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание: ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал острот и анекдотов всех времен и народов. Не мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адамс и, к ее величай-

шему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, поговорить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых остроумцев и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и поэтому Спольдинг принялся изучать «среднего американца» — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового «среднего американца» Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвока-

там, конференсье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педагогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шутками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней». «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много клиентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотразимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею, принимавшему разнообразные облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха глазами и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином. В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд

платит Спольдингу ежемесячную твердую плату. Сверх этого, как только доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньшее желание проявлял Бэкфорд соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.

Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

ВВЕРХ ДНОМ

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок мучительного смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду, наконец, удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляю-

щаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог толком сообразить, что, собственно, произошло.

Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым, щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завyli, залаяли, зафыркали, закашляли, заохали, захохотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безденежных людей.

Бэкфорд постарался восстановить в памяти происшедшее, но это не легко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый мертвый час Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключить временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалились нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся набрасывать краткие, но точные приказы

своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам министерства финансов, редакторам газет, как вдруг... — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря слышался непристойный шум, который мог нарушить стройное течение его мыслей, тем самым причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу.

Глава фирмы уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, пронизывающим взглядом, от которого приходили в смущение самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожиданное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времени своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордовского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты? Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вызвавшая у Бэкфорда неудержимый смех.

— Чек пишите на предъявителя.

Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы мистера Бэкфорда. Астмического телосложения, он начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках кололо и не хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Бэкфорд попросил пощады. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смешить, Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов это и не так страшно: Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали. Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу, чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал не-

медленно арестовать предъявителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать! Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставить стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо!

«Тысячу чертей! Так он успеет убежать!...» Наконец ему удалось выговорить вторую фразу:

— Арестуйте молодого человека в сером костюме с плоской соломенной шляпой на голове. Спольдинга! Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно!

Бэкфорд позвонил личному секретарю. В кабинет вошел высокий худой человек, согнутый, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, залихватским смехом, и тело его так дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и, обессиленный, уселся на ковер. Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам.

Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон. Бэкфорд снял трубку. Первое, что он услышал, был смех — буйный, неудержимый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первый этаж.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались говорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались,

но неудачно задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три полисмена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских домашней охраны и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд.

И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

КОРОЛЬ СМЕХА

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное происшествие в небоскребе Бэкфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ищеек бросились по городу разыскивать следы Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскались очень просто. Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычайное. Стены дома превратились в экран дневного кино, а на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукторы. И «нападающие», роняя вечные перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты. Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской атаки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению, экраны погасли и рупоры замолчали. Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не

бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг, наконец, богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам.. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и надо было сделать все, чтоб не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разыскать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт.

Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое стеклянное платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с бриллиантовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за меня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смешить меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. И я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого. Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонируйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... ваш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь без спуска.

Опустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка.

— Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.

Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, какие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового

мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак, она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. Тоже сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация! — Файт женится на Короле смеха в небесах. Неделью, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои «смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила на низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унижительное положение без звука протеста. Решительно с ним делалось что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким залихватным смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт, с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове прерывая себя смехом. — Как это говорил старик Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, по-

ставленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным. Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то оборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увы, понял сразу слишком много. И поистине я попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я смеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шутки, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите, наконец, в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих.

Его пришлось отвезти в больницу. Главный врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинга убил дух американской машинизации.

Г. Гребнев

НЕВРЕДИМКА

КАТАСТРОФА НА УЛИЦЕ СВЯТОГО ДУХА

В Зурбайле, на улице Святого духа, от светофора до светофора — полкилометра, а шириной своей эта улица известна на всем континенте. Шоферы ведут машины по улице Святого духа в несколько рядов и почти всегда на высшей скорости. Правила уличного движения здесь особенно точные, и малейшие отклонения от них грозят серьезными неприятностями. Но пятнадцатого июля, когда красный сигнал задержал пешеходов и от ближайшего перекрестка ринулась вперед лавина автомобилей, высокий

молодой человек вдруг шагнул на мостовую и спокойно направился к противоположному тротуару.

Шоферы уже заметили неосторожного ротозея и сигналили издали. Вряд ли кто из них затормозил бы: шоферы надеялись, что молодой человек в последний момент славирует между автомобилями. Но он по-прежнему брел через улицу не спеша, безмятежно глядя в небо, и придерживал рукой какую-то темную вещицу, висевшую у него на груди. Внезапно пешеход остановился. Машины были в нескольких шагах, гудки их ревели, шоферы неистовствовали. И в этот момент он... чихнул. То, что произошло потом, показалось многим сверхъестественным: раздался чудовищный грохот. Несколько передних машин были отброшены от странного пешехода каким-то могучим неведомым ударом. Оглушительный треск и крики раненых смешались со свистками полицейских. Люди бежали к месту катастрофы.

Молодой пешеход мгновение стоял, удивленно оглядываясь по сторонам. Вдруг он схватился за голову, затем сорвал с себя темный предмет, висевший у него на груди, яростно покрутил что-то в нем, сунул в карман и побежал к месту катастрофы.

«ДОРОГА КАЖДАЯ МИНУТА»

— Вы должны спасти Эгнаса, Год. Ведь он ваш лучший друг!

Голубоглазая девушка выжидательно и просительно смотрела на своего собеседника. Он был бледен и стоял потупившись.

— Слишком много событий в один день, Гертруда. — Год поднял голову. — Лишь час назад я стал виновником ужасной катастрофы. О чем-то задумавшись, я проходил улицу Святого духа при закрытом семафоре. Один миг — и я был бы убит машинами. Но вдруг я чихнул. «Эмасфера» от толчка о грудь стала действовать, она висела у меня на ремешке. Дальше произошло нечто страшное. Вы не можете себе представить, Гертруда... Изувеченные люди, разбитые машины...

— Вам удалось скрыться? — быстро спросила девушка.

— В первые минуты обо мне забыли. А когда я увидел, что меня ищут, я ушел. Вряд ли кто поймет, в чем дело.

— Ну, а как же с Эгнасом? Неужели этот случай мешает вам помочь ему, Год?

На лице Года отразилось страдание.

— А теперь это известие об аресте Эгнаса. Это значит, что я должен использовать свой аппарат, свою «эмасферу» для насилия над людьми.

— Не над людьми, Год, а над тюремщиками!

— Я плохо разбираюсь во всем этом, Гертруда. Я не политический деятель, я ученый. И Эгнас ученый. Зачем он связался с коммунистами?

— Сейчас не время спорить, Год! Дорога каждая минута.

Год, видимо, колебался. Гертруда не сводила с него тревожных, ожидающих глаз.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я включу свою «эмасферу», я пройду с нею сквозь тюремные стены. Но это будет первый и последний случай, когда мое изобретение используется для политической борьбы. Вы должны меня понять, Гертруда...

— Я понимаю вас, Год. Но и вы меня и Эгнаса поймете немного позднее, — сказала девушка и протянула ему руку.

В ТЮРЬМЕ ЛЕЯТ КИРПИЧИ

— Гм... У вас есть какие-нибудь бумаги, предписывающие мне освободить заключенного Эгнаса Чармена? — спросил начальник тюрьмы.

— Нет... — Год с сожалением развел руками. — Это только личное мое убеждение. Видите ли, Эгнас Чармен отличный химик. И я убежден, что его место не в тюрьме, а в лаборатории.

— А вы убеждены в том, что вы не спятили с ума? — резко спросил начальник тюрьмы.

Год покраснел.

— Я здоров и говорю вполне серьезно.

— В таком случае убирайтесь отсюда вон, пока я вас не посадил в одну камеру с вашим дружкой-коммунистом, — прокаркал тюремщик, наливаясь лиловой кровью.

Году стоило большого труда сохранить спокойствие. Стараясь быть кратким и понятным, молодой человек объяснил взбешенному чиновнику, что он, доктор физико-математических наук Санто Год, почтитель и продолжатель работ великого Герца, является изобретателем сверхмощного вибратора «эмасферы», создающего на некотором расстоянии от себя сферу циркулирующих по кругу электромагнитных волн совершенно нового, доселе в науке неизвестного вида. Частота колебаний этих волн стоит где-то далеко, за рядом частот космических лучей, и так велика, что никакое постороннее тело не может проникнуть сквозь энергетическую броню «эмасферы». Снаряд, пуля, автомобиль, человеческое тело, соприкоснувшись с невидимой броней, будут с силой отброшены и повреждены. Он, доктор Санто Год, не хотел бы прибегать к помощи «эмасферы», но если его друг Эгнас Чармен не будет немедленно освобожден...

— Задержите этого шарлатана! Я сейчас созвонюсь с полицией, — сказал начальник тюрьмы двум надзирателям, внезапно появившимся у двери. Пока Год говорил, чиновник успел незаметно нажать кнопку на столе.

При виде надзирателей Год быстро вскочил со стула и схватил в руки «эмасферу», висевшую у него на груди. В следующее мгновение начальник тюрьмы вместе со своим письменным столом был отброшен к стене.

Год сделал шаг вперед, и чудовищная сила вышвырнула обоих надзирателей вместе с дверью из комнаты. Вслед им полетели кирпичи и штукатурка, как будто могучий ветер выдувал стену в коридор...

ГАЗЕТЫ СООБЩАЮТ

Имя Санто Года появилось в печати на другой день после событий в городской тюрьме Зурбайля,

и с тех пор оно уже не сходило со страниц газет. Намеренно извращая обстоятельства происшествия, газеты рассказывали, как какой-то коммунист, называющий себя доктором физико-математических наук Годом, вооруженный таинственным разрушительным аппаратом, ворвался в тюрьму. Срывая с петель и запоров массивные железные двери, Год добрался до камеры, где сидел коммунист Эгнас Чармен, и увел его, поставив позади себя. При этом чудовищном нападении был убит один надзиратель. Он выстрелил в Года из револьвера, но пуля отскочила обратно и убила надзирателя на месте.

В связи с событиями в тюрьме, газеты Зурбайля вспомнили об автомобильной катастрофе на улице Святого духа. Теперь загадка этой катастрофы разъяснилась — в ней, несомненно, был повинен все тот же Год. Вся буржуазная печать требовала ареста Года и суровых мер против коммунистов.

Но об одном факте буржуазные газеты не написали ни слова — о разгроме физического кабинета Года. Варварская расправа полиции с кабинетом молодого ученого была подробно описана в тот же день в других газетах Зурбайля — в подпольных коммунистических. Полиция проникла в квартиру Года в его отсутствие. Взломав дверь, полицейские испортили все приборы и сожгли рукописи Года. Очевидно, полиция рассчитывала на то, что Год, лишенный своих приборов и чертежей, не сможет в дальнейшем использовать силу «эмасферы» и его легче будет арестовать.

«ЭМАСФЕРЕ» УГРОЖАЕТ АВАРИЯ

После разгрома его научного кабинета, молодой ученый тайно поселился в тридцати километрах от Зурбайля, на даче у родственников Гертруды. Целыми днями он копошился над своим аппаратом, не выходя из отведенной ему комнаты. Гостеприимные хозяева не расспрашивали его ни о чем, но они отлично видели, что Год очень озабочен.

Однажды Года навестил Эгнас Чармен.

— Хэлло, Санто! Как поживает «эмасфера»? — сказал он, войдя в комнату друга.

Год отложил в сторону части своего аппарата.

— Плохо, Эгнас. Эти вандалы-полицейские уничтожили экраны конденсатора «эмасферы». Мне потребуется несколько дней на их изготовление. Это особый сорт пластмассы.

— А разве они так важны, эти экраны?

— «Эмасфера» — весьма точный аппарат, Эгнас. Энергия, излучаемая моим телом, может нарушить работу ее конденсаторов. Для отражения этой посторонней энергии служили особые маленькие пластинки-экранчики.

У Года был очень огорченный вид. Он зашагал по комнате.

— Не могу себя простить, что вынул их из вибратора в тот день!

— Обидно! — Эгнас вздохнул с сожалением. — А я хотел пригласить тебя для одного интересного дела.

— Опять возня с полицией?

— Возможно. Ты разве не хотел бы?

— А что это за дело? — спросил Год.

— Охрана пикета забастовщиков.

— Я согласен.

— А как же экраны твоей «эмасферы»? — удивленно спросил Эгнас.

— Ничего! Нагрузку одного человека мои конденсаторы выдержат. Вот если мне придется принять еще кого-нибудь под защиту «эмасферы», тогда будет хуже.

НАПАДЕНИЕ НА ПИКЕТ

Год сидел подле завода Стронхо на уличной скамейке и делал вид, что читает газету. На самом деле он внимательно следил за двумя людьми, стоявшими поодаль, — коренастым усатым стариком в рабочей блузе и молодой женщиной с голубыми глазами. Из-за угла вышла группа человек десять и решительно направилась к воротам завода. Все шли вразброд, но в ногу. По выправке видно было, что это

переодетые в штатское военные. Когда группа поравнялась с усатым стариком и женщиной, Год встал и спрятал газету.

— Завод бастует, — сказала женщина, загораживая дорогу всей группе.

— Вы не пойдете на работу, — хмуро прибавил старик, становясь позади нее.

Это развеселило штрейкбрехеров. Кто-то протянул руку к женщине.

— Девчонка с огоньком. Ха-ха!

Все дальнейшие события развернулись с кинематографической быстротой. Одним прыжком Год оказался подле пикета.

— Гертруда, в сторону! — крикнул он.

В следующее мгновение штрейкбрехеры уже летели вверх тормашками в разные стороны, отброшенные могучей энергией «эмасферы».

— Невредимка! Драпай, ребята! — крикнул кто-то из них.

В этот момент раздалась оглушительная пулеметная стрельба. Полиция, засев на балконе соседнего дома, пробовала силу своих пуль на Невредимке.

«МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ»

Результаты пулеметной стрельбы по Году оказались плачевными прежде всего для переодетых солдат-штрейкбрехеров, не успевших оправиться от оглушительных ударов «эмасферы». Один из них был ранен рикошетной пулей, другой, в которого угодили осколки отброшенной «эмасферой» бомбы, остался лежать на мостовой бездыханным.

Гертруда и старик оказались припертыми к железным воротам завода. Стоило Году уйти со своей защитной сферой, и оба пикетчика были бы убиты пулями полицейских.

Год оглянулся. Кто-то изнутри отпирал ворота. Несомненно, Гертруду и старика хотели взять с тыла. Стрельба с балкона прекратилась, полиция, видимо, выжидала.

Это был отчаянный шаг, но иного выхода Год

не видел. Он выключил «эмасферу» и крикнул пикетчикам:

— Сюда, ко мне!

В одно мгновение Гертруда и старик перебрались под защиту «эмасферы», прильнув к спине Года.

— Эй, вы там, за воротами! — крикнул Год. — Это говорю я, доктор Год, Невредимка! Убирайтесь, пока целы!

Возня за воротами прекратилась.

— Эй вы, снайперы на балконе! — крикнул он, обернувшись к пулеметчикам. — Я похороню вас под обломками дома, если вы не оставите меня в покое!

«А что, если они наберутся духу и выпустят по нас еще одну очередь?» — мелькнуло у него в голове.

Но нет, вот они втаскивают пулемет в квартиру, вот захлопнулась дверь. Ни одного человека на улице. Великолепно!

Только тогда, когда Год привел Гертруду и старика рабочего к такси Эгнаса Чармена, он сказал:

— Мы дешево отделались, друзья. Могло быть хуже.

Эгнас взглянул на кожаный футляр «эмасферы», висевшей у Года на груди.

— Авария?

— Да. Вибратор перестал действовать еще там, у завода, когда Гертруда и старик стали за моей спиной.

ПИСЬМО ДИКТАТОРА

Год разорвал конверт и пробежал глазами небольшую записку. Эгнас и Гертруда подозрительно поглядывали на пакет с правительственной печатью.

— Я получил письмо от генерал-капитана Санхорто, — сказал Год с едва заметной улыбкой. — Вот что он пишет мне:

«Жду доктора Санто Года сегодня вечером к себе для делового разговора за чашкой кофе...»

Друзья совещались недолго. Все было ясно. Санхорто хочет переманить к себе Года с его изобре-

тением. То, что «эмасфера» не действует, ему, очевидно, и в голову не приходит. Хотя Гертруда и отговаривала Года, он все же решил отправиться к Санхорто. Доктор хотел потребовать амнистии политических заключенных и восстановления свободы печати и слова как предварительных условий для переговоров о продаже государству своего изобретения. Это была рискованная затея, — Год отправлялся прямо в волчью пасть с бездействующей «эмасферой».

Год снял трубку телефона.

— Говорит доктор Год, — сказал он, когда убедился, что Санхорто у телефона. — Я принимаю ваше приглашение. Но я могу явиться только под защитой сферы своего аппарата. Поэтому благоволиите принять меня под открытым небом и предупредите всех, кто будет присутствовать при переговорах, что приближаться ко мне ближе чем на четыре метра опасно.

СВИДАНИЕ С ГЕНЕРАЛОМ САНХОРТО

Год вошел в широко распахнутые стальные ворота и оглянулся. Перед ним был просторный двор, посыпанный гравием. В глубине двора стоял сумрачный железобетонный дом Санхорто. Вокруг — ни души. Два офицера, вооруженные с ног до головы, вышли из дома и направились навстречу Году. Они остановились на почтительном расстоянии, и один из них сказал ледяным тоном:

— Его высокопревосходительство генерал-капитан сейчас примет вас...

Внезапно Год услышал позади себя шум мотоцикла и оглянулся. В коляске мотоцикла сидел маленький сморщенный старичок с обезьяньей физиономией, одетый в военную форму. Он с опаской разглядывал Года издали, не вылезая из коляски.

— Доктор Год?

— Да, генерал. Я воспользовался вашим приглашением, — с достоинством ответил Год.

«Смешно. Он залез в мотоцикл, чтобы удрать от меня в любой момент. О, если бы он знал!..»

— Доктор Год! — визгливо крикнул старичок генерал, подпрыгнув в коляске. — Правительство и родина нуждаются в вашей помощи!

Диктатор говорил торопливо и нервно. Ему очень нужна «эмасфера» Года. Он хочет с ее помощью усмирить восстание в колониях, а затем навести порядок в соседних странах, где хозяйничают коммунисты. Он простит Году его преступления, он хорошо заплатит Году, наконец он наградит Года государственной медалью.

— Дальнейшие переговоры излишни, — сказал Год. — Я ошибался, воображая, что вы захотите использовать мое изобретение на благо людям. Я сам распоряжусь своей «эмасферой».

— В чем вы видите это благо? — спросил Санхорто.

— В том, чтобы бороться за свободу и культуру.

— Ах, так! Вы хотите при помощи своего аппарата совершить революцию в моей стране?

Аудиенция превращалась в обыкновенный полицейский допрос.

— Вы наивны, генерал, — сказал Год, презрительно улыбнувшись. — Революция в моей стране произойдет независимо от того, буду ли я участвовать в ней со своей «эмасферой» или нет. Это я понял внезапно, вот сейчас, когда внимательно разглядывал вас, генерал.

Год сделал шаг вперед, намереваясь уйти.

— Не подходите! — завизжал диктатор и с силой пнул своего мотоциклиста.

Мотоцикл сорвался с места, унося Санхорто в открытые ворота.

Год иронически поглядел ему вслед и двинулся к выходу...

НЕВРЕДИМКА ХОДИТ ПО ГОРОДУ

После случая с пикетом забастовщиков и свидания с генералом Санхорто Год убедился, что фашисты окончательно поверили в его неуязвимость.

Шепотом из уст в уста передавался рассказ о поворном бегстве генерал-капитана на мотоцикле. Га-

зеты иначе не называли Года, как «Невредимка». Полиция перестала его трогать после того, как молодой доктор опубликовал свою угрозу пройти сквозь стены всех правительственных зданий и разрушить их до основания, если его и его друзей не оставят в покое.

Молодой доктор как заколдованный ходил по улицам Зурбайля на виду у полиции, заботясь, видимо, лишь о том, чтобы никто не пострадал от ударов его невидимой сферы. Ходил он обычно по мостовой, предупреждая поднимая руку и восклицая:

— Станьте в сторону!

— Осторожно! Уберите ребенка.

И народ провожал его восхищенными взглядами. Многие мужчины поднимали шляпы и кланялись ему, когда не было вблизи полицейских. Женщины показывали его детям.

— Вот, деточка, — говорили они, — это доктор Год. Невредимка. Он лучший друг народа...

И никто, кроме Эгнаса и Гертруды, не знал, что Год ходил с пустым футляром на груди и что он проводит бессонные ночи, стараясь оживить свою угасшую чудесную «эмасферу».

«ОНИ ВСЕ ЗНАЮТ»

— Короче!..

Начальник тайной полиции смотрел на агента № 115 с нетерпением.

— Эта дача стоит в лесу, ваше превосходительство. Я подслушал разговор хозяев. Они уверены, что его аппарат не действует. Он целыми ночами возится со своей шкатулкой.

— Ты в этом убежден?

— Так точно, ваше превосходительство. Однажды я шел за ним и видел, как кошка перебежала ему дорогу. У самых ног. И ничего...

Начальник тайной полиции снял трубку телефона:

— Генерал у себя? Это я... Мне нужно быть у него по особо важному делу.

Агент № 115 набрел в коридоре управления тайной полиции на агента № 116.

— Неужели это все правда? — спросил агент № 116.

— Что? — подозрительно спросил агент № 115.

— Насчет Невредимки?

— А ты откуда знаешь?

— Начальник поручил мне проверить.

— Я никогда не ошибался, — с достоинством ответил агент № 115.

В тот же вечер Гертруда получила записку:

«Они все знают. Нападение готовится ночью. Примите меры. № 116».

Гертруда сожгла записку и побежала к Эгнасу Чармену.

ЧТО ИМЕННО ПОНЯЛ ДОКТОР ГОД

Полицейские остановили машину метрах в двухстах и пошли цепью на освещенную прожектором дачу. В этот момент Гертруда пустила ракету. Прожектор и ракета превратили ночь в день.

— Пли! — скомандовал Эгнас.

Это был великолепный залп: рабочие парни, присев за оградой, стреляли не хуже военных снайперов. Несколько полицейских уткнулись носом в траву, остальные успели уползти за деревья. Дальше последовала беспорядочная стрельба, во время которой Эгнас послал Гертруду в дом к Году.

— Санто, — сказала девушка, — мы отбили первое нападение. Но их машина удрала в город. Они ждут подкрепления. Эгнас просит вас уходить с пятью вооруженными рабочими. Мы задержим полицию еще часа на полтора.

— Задержите их еще на полчаса, и тогда я сам вам помогу! — крикнул Год, лихорадочно собирая части «эмасферы».

Танки вынырнули из темноты, освещенные ракетой. Их орудия молчали. Может быть, они хотели предложить сдаться? Но вдруг из дома выбежал взлохмаченный человек без пиджака. Это был Год. Он мчался к танкам, придерживая на груди свою

«эмасферу». Через минуту дружинники услышали чудовищный грохот и лязг стали.

— За мной! — крикнул Эгнас и бросился вперед.

Они стояли среди разбитых и опрокинутых танков. Дружинники извлекали из-под обломков искалеченных танкистов-полицейских.

— Странно, — сказал Год.

— Что тебе кажется странным, Санто? — спросил Чармен.

— Странна судьба моего изобретения, Эгнас. Ведь я изобрел скафандр. Глубинный энергетический скафандр — и только. А он оказался грозным военным оружием. Кстати, Гертруда, вы помните наш с вами разговор в день катастрофы на улице Святого духа?

— Помню, — отозвалась из темноты девушка.

— Вы сказали, что понимаете меня, но я вас и Эгнаса пойму позднее... Мне кажется, я вас понял... Я понял, что мы живем в такое время, когда решается судьба свободы и культуры во всем мире. И в эти исторические дни не только моя «эмасфера», но даже обыкновенные ножницы не смогут оставаться мирным предметом домашнего обихода.

Э. Зеликович

ОПАСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Шуточная фантазия

Вы знаете, конечно, студента Горюнова, Петра Михайловича, моего двоюродного брата?

Нет? Не может быть! Ведь его же знают все, весь город!

Мы, школьники, очень любим его: когда он появляется, сразу становится интересно и весело. У Петра неисчерпаемый запас замечательных историй. И заметьте: не о замечательных вещах, а о самых простых, обыкновенных. Вы можете заговорить с ним о чем угодно, и всегда он сумеет рассказать

о любом предмете так и такие вещи, что, слушая их, застываешь, открыв рот и развесив уши.

Рассказывает же он не просто, а всегда с каким-нибудь фокусом: то поразит какой-либо неожиданностью, то введет в заблуждение и оставит в дураках, то сочинит увлекательнейшую повесть с приключениями.

Прошлой зимой в первый день каникул у меня собрались товарищи. Стали думать, чем бы заняться. От скуки достали с полки кипу старых журналов. Только собрались стереть с них пыль, как кто-то пришел. Все понеслись ватагой в сени. Там стоял Петр. С бурным гиканьем окружили мы его и взяли в плен. «Попадешь вот к таким готтентотам, — проворчал он. — Даже раздеться не дадут».

Мигом содрали мы с Петра шинель и сразу же набросились на него. Чего только не требовали: и устрой, и Расскажи, и выдумай, и сочини, и займи, и развесели, и удиви, и рассмеши!

Володя Орлов писал пальцем свое имя на пыльной поверхности журналов.

— Но что рассказать? Как, о чем? — спросил Петр.

— О пыли! — брякнул Володя.

— Да, да! Идет! Хорошо! О пыли, Петр Михайлович! — не задумываясь, подхватили все.

Петр снял очки и протер носовым платком стекла. Сразу все смолкли. Из опыта мы знали, что это хороший признак: во время протирки очков в голове Петра всегда зарождались великие идеи. Покончив с этим плодотворным занятием, Петр водворил очки на надлежащее место и сказал:

— О пыли так о пыли. Что же именно вы хотите услышать о пыли?

Тут опять все заговорили разом. Каждый из нас предлагал свое, стараясь перекричать товарища. Когда мы, наконец, перестали галдеть и вопросительно взглянули на Петра, он строго сказал:

— Вы совсем с ума сошли. И лекцию вам и повесть. И чтобы была одновременно и приключенческой, и веселой, и серьезной, и фантастической, и на-

учной, и смешной, и подлиннее... Что же выбрать из всей этой кучи?

— Все сразу вместе! — дружно воскликнули мы, окончательно разбаловавшись.

— Ладно, пусть будет все сразу вместе, черт с вами, — добродушно сказал Петр.

Мы захлопали в ладоши.

— Но, — прибавил он, — вам придется подождать несколько дней: уж очень вы мне сложную задали задачу. Рассказ я на этот раз сначала напишу, кстати, его тогда смогут прочесть в будущем и другие.

Прошло восемь дней. Все ребята снова собрались у меня. Точно в назначенный час явился Петр.

— Ну? — встретили мы его, горя любопытством.

— Ужасно хочется пить, — хладнокровно сказал он. — Чай есть?

Все усадились за стол. У Петра из-за пазухи высовывалась клеенчатая тетрадь. Он вытащил ее, помахал ею в воздухе, как бы дразня нас, и снова спрятал. Не вытерпев, я спросил:

— Петя, когда дело происходит в тетрадке: через тысячу лет или тысячу лет назад?

— Ни то, ни другое, — ответил он, поразительно медленно отхлебывая чай. — Всего лет пятнадцать назад. Примерно — в 1922 или в 1923 году. Должен предупредить, что у меня события происходят не за границей, как большей частью в фантастических повестях, а где-то в нашей области.

Петр попросил у мамы еще стакан чаю. Удивительно много может выпить этот человек!

— И участвуют в событиях, — продолжал он, аппетитно поглощая ложку варенья, — не какие-нибудь мистеры, к которым вы привыкли в переводной литературе, а обыкновенные русские люди. Правда, обстановка получилась не совсем естественная и правдоподобная для наших условий, но ничего не поделаешь: иначе пропали бы самые забавные приключения.

— О, это пустяки! — закричали все. — Раз сказка, повесть фантастическая, то в ней может быть что угодно и как угодно!

Петр закончил чаепитие и со злостной медлительностью стал протирать очки. Водворив их на место, он раскрыл, наконец, тетрадь и приступил к чтению.

1. КАК КОЛЯ СНИМАЛ ДАЧУ И ЧЕМ ЭТО ОКОНЧИЛОСЬ

Коля Реостатов недавно окончил электромеханический техникум. Он мечтал еще учиться, изобретать, работать не покладая рук, как вдруг — туберкулез. И вот он сидит в кабинете доктора, бледный, худой, глухо покашливая.

— Вы не представляете себе, — говорит ему доктор, — каким страшным бичом человека является пыль. Пыль строительная, дорожная, от ремонта мостовых, копоть фабричных труб и так дальше. Все это загрязняет наши легкие и вызывает заболевания дыхательных органов. Задача культурного человечества — бороться с пылью всех видов вплоть до космической.

— Но мне-то что же делать? — робко произнес Коля. — Неужели мне... так и погибать?

— Ну-ну... — Доктор улыбнулся. — Ваши дела совсем не так уж плохи. Соблюдайте строгий режим, поселитесь за городом. Теперь как раз весна. Снимите комнату в селе Чистом, — я уже направил туда с десятка больных. Местность высокая, сухая. Только подальше от пыльных дорог. Итак, всего хорошего!

В ближайший выходной день Коля отправился в Чистое. Он долго бродил по селу в поисках комнаты, но всюду было уже занято. И вдруг его внимание привлекла стоявшая далеко в стороне очень странная на вид дача. Вернее, не сама дача, а то, что находилось на ее крыше: на ней росла большая ель серого цвета. К даче были подведены электрические провода высокого напряжения.

«Что бы это значило?.. — подумал Коля. — Попробую-ка зайти туда».

Его впустила невысокая полная женщина.

— Нельзя ли у вас снять...

— Чшш... — прошипела женщина. — Говорите

тише — профессор дома. Снять можно, только чтобы профессор не знал.

Коля осмотрел комнату и шепотом сговорился с хозяйкой. Двигаясь к выходу, они прошли мимо закрытой двери, на которой красовалась дощечка с надписью «Не входить и не стучать».

Итак, дача есть. Коля страшно доволен. Забыв о предупреждении хозяйки, он громко спросил:

— А как у вас насчет пыли? Врач предписал мне...

Докончить эту фразу Коля не успел. Произошло нечто неожиданное: дверь со строгой надписью шумно распахнулась, и из таинственной комнаты стремительно выскочил маленький тщедушный старичок с огромной копной седых волос на голове.

— Черт бы вас всех побрал, — закричал он, отчеканивая слова, — с вашими разговорами о пыли!

— Потап Скафандрыч... — укоризненно перебила его хозяйка.

Но старичок был взбешен и не унимался.

— Что, Потап Скафандрович! — набросился он на хозяйку. — Я уж три недели бьюсь над уточнением коэффициента вязкости тропосферы, а эта непрекращающаяся дурацкая болтовня о пыли...

— Потап Скафандрыч! — настойчиво повторила хозяйка.

Старичок рассвирепел еще больше. Его маленькие черные глазки мигали и беспокойно бегали под густыми седыми бровями.

— Это невозможно, невыносимо! Сегодня уже пятый идиот лезет сюда с пылью! Вон отсюда! — взвизгнул он и угрожающе шагнул вперед.

Коля инстинктивно схватил старика за грудь и отшвырнул его назад. Затем опрометью выскочил наружу и, задыхаясь от кашля, бросился бежать. В нем кипело чувство отвращения.

— Молодой человек! Молодой человек! Погодите! — кричала, догоняя его, хозяйка.

Коля остановился. Тяжело дыша, полная женщина подбежала к нему и сбивчиво заговорила:

— Молодой человек! Не сердитесь, он не всегда такой, он только последние недели ужасно нервничает... Он очень много работает, дни и ночи, все ищет в своей машине какой-то фицъент, совсем помешался...

Коля молча слушал.

— Сегодня он уже пятого съемщика выгоняет. Раз сняли, то поселяйтесь, комнаты все равно нигде больше не найдете. Нужды мне нет, он хорошо платит, но одной теперь страшно с ним, сам с собой все говорит... «Найду, — говорит, — фицъент, и все человечество осчастливорю».

— Марья Ивановна! — слышалось со стороны дачи, и в окне показалась голова с копной седых волос. — Ма-арья Ивановна! Идите сюда и ведите молодого человека!

— Идемте! — отрывисто прошептала Марья Ивановна и ухватила Колю за руку.

Коля повиновался. Через минуту они вошли в дом.

— Пожалуйте ко мне в лабораторию, — обратился старик к Коле, не глядя на него.

Коля попал в таинственную комнату с надписью «Не входить и не стучать».

— Сядьте, — небрежно проронил старик, не поднимая головы, и указал на кресло.

Коля сел и оглянулся. В лаборатории господствовал полнейший хаос: мебель в беспорядке, этажерка опрокинута, на полу валяются куски дерева, опилки, обрезки жести, проволока; на столах громоздятся батареи бутылок, разбросаны инструменты, тряпки, колбы, реторты, коробки; стены увешаны полками, занятыми множеством пробирок и склянок с порошками пыльного цвета.

Темный бревенчатый потолок покрыт сетью проводов; около одной из стен — мраморная доска с рубильниками и электроприборами. А в углу — огромное сооружение, похожее на радиостанцию. От сооружения подымается столб, уходящий в отверстие в потолке.

Старик тоже сел, откинулся на спинку кресла и вперил в Колю острый, испытующий взгляд. Коле

стало не по себе. Он приготовился уже к защите, как вдруг старик расхохотался.

— Ха-ха-ха... как это вы... хо-хо-хо... ловко схватили меня... хи-хи-хи... ха-ха-ха!..

Смеялся он долго, весело и раскатисто, мотая головой и трясясь всем телом. Коле стало жутко. Он видел перед собой сумасшедшего.

Внезапно старик стал серьезным.

— Вот что, молодой человек, — строго сказал он, встав с кресла. — Я решил впустить вас, потому что, во-первых, иначе я не избавлюсь от праздношатающихся дачников и разговоров о пыли. Я уже тридцать лет занимаюсь ею, и она надоела мне. Так что ежедневная болтовня о пыли за стеной с хозяйкой раздражает меня. Во-вторых, мне как раз нужен домашний электромеханик...

— Откуда вы знаете? — удивился Коля.

— У вас на лице написано. Ну-ну, не пугайтесь, я шучу... я слышал ваш разговор с хозяйкой. В-третьих, вы мне понравились; энергичный молодой человек, сумевший одним движением отбросить к стене великого изобретателя, профессора трех кафедр и действительного члена одиннадцати ученых обществ, чего-нибудь да стоит! Будем знакомы, будем друзьями! — и старик протянул Коле руку.

Коля смущенно встал, тоже протянул руку и хрипло произнес:

— Коля Реостатов.

— Перенасыщенский, — отрекомендовался старик. — Потап Скафандрович Перенасыщенский, доктор философии, медицинских и математических наук, специалист по всем видам пыли солнечной системы. А теперь смотрите.

Профессор схватил Колю за руку и потащил его к полкам с пробирками.

— У меня собраны здесь некоторые образчики пыли земного шара. Вот это (профессор указал на желтоватый порошок) — китайская пыль из провинции Хэнань, а это — из Французского Марокко, а вот пыль из окрестностей Калькутты, тут — коллекция лучших сортов австралийской пыли...

Коля не знал, как это все понимать. А безумный старик продолжал демонстрацию своих странных сокровищ. Перед глазами Коли мелькали склянки с пылью камчатской, мексиканской, скандинавской, каракумской, канадской, ирландской, азорской, порториканской, абиссинской, метеоритной, космической...

— Всю эту пыль я убую! — объявил профессор тоном, не терпящим возражений. — Я облагодетельствую человечество. Миллионы исцеленных воздвигнут мне великолепный памятник. Я излечу вас от туберкулеза.

— Откуда вы знаете?..

— У вас на лице написано. Но, — мрачно добавил профессор, — прежде всего необходимо очень точно определить коэффициент вязкости воздуха: я должен знать, на какую волну настроить вибратор. Иначе произойдет несчастье. Вот он, результат работ всей моей жизни!

Коля повернул голову в сторону огромного сооружения в углу.

— Стоит только включить рубильник, — продолжал старик, — как мощные волны профессора Перенасыщенского понижут земную атмосферу и произойдет чудо.

От всего виденного и слышанного у Коли стала кружиться голова. «Сумасшедший, — подумал он. — А может быть, и нет — кто его знает...» Кроме того, сосало под ложечкой — мучительно хотелось есть. Внезапно Коле пришла мысль, что вся эта чепуха только снится. Он потянул себя за ухо.

— Не сомневайтесь! — воскликнул профессор, как бы поняв его жест. — Вы на самом деле видите перед собой величайшее изобретение нашего века! Но я замучил вас, и вы, наверное, очень проголодались...

«Он видит все насквозь!» — подумал Коля.

Профессор захлопал в ладоши.

— Марья Ивановна! Алло!

Дверь слегка приоткрылась, и показалась голова хозяйки. На ее лице застыло выражение страха.

— Завтрак на двоих!

2. КАК ДАЧНИКИ ВЗБУНТОВАЛИСЬ И КАКОЕ РЕШЕНИЕ ОНИ ПРИНЯЛИ

Получив отпуск, Коля переселился на дачу. Он узнал, что ель на крыше — металлическое сооружение тончайшей работы и что профессор Перенасыщенский — предобрый старик.

В Чистом жило немало дачников. Большинство из них были больны туберкулезом и по совету одного и того же врача спасались здесь от пыли. Всем им, и некоторым по собственному опыту, был известен крутой нрав профессора Перенасыщенного. Они ненавидели старика и наградили его прозвищем Ржавый Пылесос.

Дачники обычно собирались после обеда на крокетной площадке. Когда Коля впервые пришел туда, его окружили со всех сторон и закидали вопросами.

— Как вам удалось попасть на ту дачу? — удивился слесарь Гайкин-Болтовский.

— А он не дерется? — спросила продавщица кондитерского магазина Леля Конфеткина.

— Вероятно, тяжело жить с таким грубияном, — сочувственно произнес инженер-электрик Штепсель.

— Но ведь он же совершенно сумасшедший! — воскликнул радист Ультра-Коротков.

— Просто с-скотина, — раздраженно пробасил электромонтер Сопровивленский.

— Нет, я не могла бы с ним ужиться! — взволнованно заявила ткачиха Ниткина.

— Вздуть бы этого Ржавого Пылесоса, — злобно проворчал чертежник Готовальский.

Коля счел своим долгом вступить за старика.

— Товарищи, вы не правы, — сказал он. — Потап Скафандрыч совсем не такой, как вы думаете. Сначала я тоже так думал. Но он вовсе не сумасшедший, он только чудака. Он очень умный человек. Он и в самом деле построил машину для уничтожения пыли. Я сам видел ее.

— Если он построил такую машину, то почему же он не приводит ее в действие? — заметила пожилая фельдшерица Селезенкина.

— Верно! Верно! — закричали все.

— Потому что сначала нужно уточнить коэффициент вязкости воздуха, — ответил Коля. — Иначе, говорит профессор, произойдет несчастье.

Раздался хохот. Кое-кто ехидно улыбнулся.

— Вот что, товарищи, — резко сказал Гайкин-Болтовский. — Все это чепуха. Или такой машины не существует, или же надо немедленно пустить ее в ход. Не помирать же нам от пыли, пока он будет там искать свой коэффициент! (Гайкин-Болтовский глухо закашлял). А может, он его и в десять лет не найдет?

— Правильно! Правильно! — поддержали его остальные.

— По-моему, — продолжал Гайкин-Болтовский, — надо пустить машину силой, против его воли. Согласны со мной, товарищи?

— Согласны! Вполне! Правильно! — раздалось со всех сторон голоса.

— И товарищ Реостатов должен нам помочь в этом деле. Ведь он тоже страдает от туберкулеза, — закончил Гайкин-Болтовский.

Коля не знал, что на это ответить. Неожиданная атака дачников совсем сбила его с толку. В полном смятении он вернулся домой, решив пока ничего не говорить профессору.

Несколько дней спустя, после вечернего чая профессор сказал Коле:

— Завтра утром я уезжаю на неделю на Кавказ. Мне необходимо собрать несколько видов средневековой пыли, чтобы изучить изменения в вековых отложениях. Лабораторию я оставляю на вашем попечении. Имейте в виду, дачники что-то замышляют. Берегите же лабораторию как зеницу ока.

«Быть может, рассказать ему все? — молниеносно пронеслось в голове у Коли. — Нет... чепуха... Не стоит. Он высмеет меня или же огорчится. Не поедет, устроит скандал на все Чистое, и выйдет сплетня. Нет, нет...»

Отъезд профессора был совсем некстати. На ду-

ше у Коли было беспокойно. Ночью он никак не мог уснуть. Лицо у него горело, температура подскочила на целый градус.

— Вы осунулись и побледнели за ночь, — сказал профессор Коле утром за завтраком. — Вы что-то переживаете. Конечно, ваши личные переживания меня не касаются. Но боюсь, — прибавил он многозначительно, — что они вовсе не личные... А?

Коля кашлянул в кулак и твердо ответил:

— Личные, Потап Скафандрович. Не тревожьтесь... это пройдет. Поезжайте спокойно — я буду охранять лабораторию.

Подали машину. Старик напялил на копну седых волос мягкую шляпу с большими полями и пожал Коле руку.

Машина быстро набрала ход и через мгновение исчезла в густом лесу. У изгороди сада стоял Гайкин-Болтовский. Коля сделал вид, что не заметил его, и тотчас же поднялся к себе в комнату. В этот день он не пошел на крокетную площадку. И напрасно...

— Товарищи! — обратился к собравшимся Гайкин-Болтовский. — Ржавый Пылесос уехал. Настало время действовать. Но я не доверяю Кольке Реостатову. Надо как-нибудь выкурить его и хозяйку из дому, и тогда мы пустим машину в ход. Я думаю, мы справимся с этим. Среди нас есть такие специалисты, как товарищи Штепсель и Сопротивленский. Испытаем машину. Это может принести только пользу, а вреда — никакого. Чем мы рискуем? Ничем! Если ничего не получится, выключим ток, и дело с концом.

В этот момент взоры собравшихся обратились в сторону дороги. К площадке приближался доктор Лейкоцитов — тот самый, который лечил Колю и других дачников.

— Как вы попали сюда, доктор? Какими судьбами? Откуда? — посыпались вопросы. — Вы появились как раз в нужный момент!

— А вы разве не знали? — сказал доктор. —

У меня здесь постоянная дача, и я ежегодно провожу один-два месяца в Чистом. Ведь я сам туберкулезный...

Доктора немедленно посвятили во все местные дела.

— Напрасно вы недооцениваете профессора Перенасыщенского, — сказал он. — Я знаком с ним: он первоклассный ученый и, несомненно, гениальный изобретатель.

Пристыженные, слушатели молчали.

— И знаю его машину, — продолжал доктор. — Она давно готова и испытана. Вас удивляет, что он не пускает ее в ход? Объясняется это тем, что он не только медик и физик, но, к несчастью, еще и философ. Он считает, что полностью обеспыливать атмосферу земного шара не следует. Он все боится, как бы не случилось чего-нибудь... В этом отношении я с ним совершенно не согласен. Меня интересует только гигиеническая сторона дела. Я утверждаю: пыль следует уничтожить совершенно.

Больные громко зааплодировали.

— Сегодня я встретил его на станции и откровенно высказал ему свой взгляд. Я сказал: «Как вы отнесетесь к тому, что я включу в ваше отсутствие вибратор, уважаемый Потап Скафандрович?» На это он ответил с премилейшей улыбкой: «И будете, почтенный Гормон Ферментьевич, нести ответственность за все последствия». Так вот, дорогие товарищи, эту ответственность я решил взять на себя.

Последние слова доктора вызвали у дачников бурный приступ восторга.

— Правда, — сказал доктор, — забираться в чужой дом во время отсутствия хозяев — действие преступное... Однако Перенасыщенский простит нам эту маленькую вольность. Ведь это же не более как шутка, эксперимент... Итак, приготовим к его возвращению небольшой «антипылевой сюрприз». Решаем?

Предложение доктора было принято с огромным энтузиазмом, единогласно и без прений. Организовать дело заговорщики решили так: доктор уводит под каким-нибудь предлогом Колю и Марию Ивановну из

дому, а в их отсутствие Штепсель и еще трое дачников пускают в ход бессмертное творение великого изобретателя, действительного члена одиннадцати ученых обществ и доктора философии, медицинских и математических наук профессора Потапа Скафандровича Перенасыщенного.

3. КАК МАШИНА БЫЛА ПУЩЕНА В ХОД И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

— Некрасивое мы делаем дело, — сказал Гайкин-Болтовский, отвинчивая замочные петли. — Я сознаю это. Но великое изобретение есть достояние общества, а не частная собственность упрямого изобретателя.

— Тем более, — вставил Сопровитленский, — что представитель науки доктор Лейкоцитов вполне одобрил наше решение.

— А главное, — добавил Ультра-Коротков, — мы делаем это не в личных корыстных целях, а для блага всего общества.

— Не философствуйте, товарищи, — оборвал их Штепсель. — Рассуждать теперь поздно. Давайте скорее. Нас могут заметить.

Через минуту четверо заговорщиков очутились перед таинственной машиной. Они быстро обследовали проводку и освоились с электрической аппаратурой. Непонятны были только приборы специального назначения, но, по всей видимости, они были в полном порядке и в рабочем состоянии. В центре распределительной доски помещалась шкала, градуированная от нуля до ста процентов.

— Будем действовать осторожно, — сказал Штепсель. — Поставим стрелку сначала на нуль и включим ток. А затем уж будем постепенно передвигать ее к ста процентам.

Перевели стрелку на нуль. Но когда дело дошло до рубильника, все молча переглянулись: им стало как-то не по себе. Штепсель предложил бросить жребий. Включение тока выпало на долю Сопровитленского.

— Он электромонтер, — сказал Гайкин-Болтовский. — Ему и карты в руки.

Сопротивленский подошел к распределительной доске и быстрым движением повернул ручку рубильника.

Коля и Марья Ивановна сидели в гостях у хозяйки доктора и мирно пили чай.

— А я с ним совершенно не согласен, — говорил доктор. — Как врачу мне ясно, что его доводы не выдерживают никакой критики. И вот мы решили устроить в ваше отсутствие маленький эксперимент...

Доктор взглянул на часы.

Колю как будто что-то ударило. Он сразу понял все и опрометью выскочил из-за стола. Задев людей и наскакивая на мебель, он бросился бежать.

Поднялась суматоха.

— Что с ним? Что случилось? Стойте! Погодите! Молодой человек! — кричали ему вслед.

За ним погнались. К бегущим с громким лаем присоединилось несколько собак.

Коля бежал без оглядки. Бешено билось сердце. Кололо в боку. Задыхаясь от кашля, он временами останавливался, но тотчас же бежал дальше.

Темнело. Горизонт был затянут сплошной пеленой свинцовых туч.

«Они натворят там черт знает что!» — с ужасом и тоской думал Коля.

Вот он добежал уже до конца села. Вот показалась лужайка, а на другом конце ее, на опушке леса, знакомый домик со стройной елью на крыше. Очертания домика расплываются на фоне надвигающейся ночи. Все в порядке.

Догоняющие стали настигать Колю. Одна из собак схватила его за брюки.

В этот момент ель на крыше дома ярко вспыхнула, озарив всю местность фиолетовым светом. В воздухе разлилось молочно-голубое сияние, и тотчас же раздался оглушительный взрыв. Атмосфера наполнилась гулом. Задрожала почва.

Коля упал. Ему показалось, что небо сомкнулось с землей.

В лаборатории профессора Перенасыщенного в это время погасли электрические лампы. Мощное гудение вибратора вызывало в ушах физическую боль. Аппарат колебался и сотрясал пол. Трещали стены и потолок. Дребезжала крыша. С полок падали пробирки и склянки. На столах звенели бутылки и колбы. Казалось, весь дом понесся в пространство и, не выдержав огромной скорости, вот-вот развалится.

Первым опомнился Штепсель.

— Выключите рубильник! — дико закричал он.

Распределительная доска стояла задней стенкой к окнам. Слепленный неожиданным наступлением тьмы и лиловым светом в окнах, Сопротивленский не видел ручки рубильника. Шарить рукой он боялся, опасаясь, что его ударит током.

Нестерпимый грохот продолжался. Звон, лязг, треск, завывание вибратора и жуткое фиолетовое сияние снаружи наводили ужас.

— Спички! Спички! У кого есть спички?! — вопил Штепсель, напрягая все силы.

Ультра-Коротков и Гайкин-Болтовский вытащили спички и стали зажигать их. Судорожными движениями терли они одну спичку за другой о коробку, но сера, вспыхнув, сразу же гасла.

— Прекратить! — хрипло скомандовал Штепсель. — Подойти вплотную к доске! — и, оттолкнув в сторону Сопротивленского, он бросился к ней сам.

— Зажигать по несколько спичек сразу!

При второй вспышке серы Штепсель увидел рубильник, ухватился за его ручку и изо всех сил дернул ее.

Шум сразу прекратился. Зажглись лампы. Фиолетовое сияние померкло. Окна почернели. Настала тишина.

Все молчали, не решаясь взглянуть друг на друга. Наконец, жмурясь от света, они подняли глаза. Штепсель все еще сжимал в кулаке ручку рубильника, Ультра-Коротков и Гайкин-Болтовский держали наготове спички, у Сопротивленского отвисла нижняя челюсть.

— Мы что-то натворили, — мрачно сказал Штепсель. — Даром это пройти не может. Мы ответим перед судом.

Собаки оставили Колю и с воем бросились в сторону. Люди замерли как в столбняке. Они стояли не шелохнувшись до тех пор, пока не погасла ель, не померкло фиолетовое сияние и не прекратились грохот и гул. Лишь тогда они подбежали к Коле. У него шла горлом кровь. Его подняли и бережно понесли.

Воздух терял прозрачность — быстро спускался, вернее падал, густой туман. Почувствовалась пронизывающая сырость. Стало моросить.

Через минуту доктор и остальные вошли в дом Марьи Ивановны. Странное дело: все они были с головы до ног покрыты грязью. Грязь текла у них по лицу, рукам, одежде. Но они были так возбуждены, что не обратили на это внимания.

В помещении Коля очнулся и тотчас же, шатаясь, устремился в лабораторию. Застигнутые на месте преступления «экспериментаторы» стояли бледные, взъерошенные, с понурыми физиономиями.

— Кто дал вам право вломиться сюда? — обратился к ним Коля.

— Мы хотели для пользы, — тихо сказал Ультра-Коротков. — Мы не думали, что...

— Не думали? — эхом повторил Коля. — А что же вы думали? Что вы больше профессора понимаете в его изобретениях? Он дурак, а вы умные? Особенно стыдно вам, товарищ Штепсель. Вы инженер. Должны были понимать, что делаете.

— Я понял это, — глухо ответил Штепсель. — Но, к сожалению, слишком поздно.

Четыре незадачливых благодетеля человечества покинули лабораторию с видом побитых собак. А доктор Лейкоцитов остался на всю ночь дежурить у постели Коли и старался ни единым словом не напоминать о происшедших событиях.

Светало. Молодой геолог Диабазов проснулся, дрожа от холода и пронизывающей сырости.

— Отчего так холодно, Потап Скафандрович?

— Не понимаю, — ответил профессор, ежась под тоненьким одеялом. — Как будто снег выпал в начале июня на Кавказе.

Занялась заря. На стене появились отблески солнечного света. Диабазов вышел на балкон.

— Потап Скафандрович! — воскликнул он. — Как необычно окрашен восток!

Заря была бледно-лилового цвета.

— И небо какое-то удивительное, — добавил профессор.

Небесный свод и в самом деле был странный: темно-синий, повсюду однотонный.

Показалось солнце, но не красное, как обычно при восходе, а ярко-золотистое. Диск его отчетливо вырисовывался на посиневшем востоке, не расплываясь на фоне неба.

Профессор накинул пальто поверх пижамы и вышел к Диабазову.

— А на это вы обратили внимание? — спросил он, обводя рукою пространство.

Балкон, крыши соседних домов, деревья и улицы были покрыты густым слоем какого-то влажного вещества цвета грязи.

Прошло около часа. Быстро теплело. Вскоре лучи солнца стали необыкновенно жаркими, палящими.

Перекинув через плечо полевые сумки, профессор и Диабазов отправились на изыскания. Они были уже за пределами городка, когда их обогнал автомобиль. Диабазов отскочил в сторону и машинально поднес ладонь к глазам, чтобы защититься от пыльного вихря. Но — удивительное дело — автомобиль не поднимал клубов пыли, несмотря на то, что она устилала дорогу толстым слоем. Казалось, что автомобиль движется по луже, разбрызгивая мельчайшие капельки воды, которые сразу же тяжело оседают. Над дорогой не видно было и следа пыли — воздух оставался кристально прозрачным.

Диабазов изумленно следил за уходящей машиной.

— А это еще что такое? Как вам это... но что с вами, Потап Скафандрович?!

Профессор стоял бледный, нервно мигая и не сво-

дя глаз с поразившей его дороги. Внезапно он повернулся и бросился бежать обратно в город. Диабазов кинулся за ним.

— Потап Скафандрович! Куда?

В это утро жители провинциального городка стали свидетелями необычайного зрелища: по улице, разбрасывая вороха пыли, мчался что есть духу маленький старичок; шляпу он дорогою потерял, густая копна его седых волос развевалась по ветру; за ним гнался молодой человек, у которого болталась сбоку полевая сумка; обоих со свистом и гиканьем преследовала толпа мальчишек.

— Страшное несчастье... Эти идиоты поставили на нуль... Я думал, он шутит... — бессвязно бормотал профессор.

— Н-ничего н-не понимаю!

— И не надо... Вязкость уничтожена абсолютно... Цепная реакция... Никакая сила в мире не остановит теперь...

Профессор не обращал внимания на мальчишек и удивленных обывателей, глазевших ему вслед с раскрытыми ртами. Рысью пробежал он мимо гостиницы, забыв, что там остались его чемоданы. Наконец он вместе с Диабазовым добрался до вокзала.

У кассы стояла длинная очередь.

— Билет на север! — крикнул профессор еще с порога.

Но оказалось, что скорый поезд отправляется только вечером. В полном изнеможении профессор опустился на скамью.

4. ПРОФЕССОР ВОЗВРАЩАЕТСЯ

В селе Чистом весь день только о том и говорили, что о событиях предшествовавшего вечера. Группами бродили люди по селу и ходили по домам, рассказывая друг другу небылицы о самых невероятных чудесах.

А в природе и в самом деле творилось что-то неладное: зелень исчезла — трава и деревья покрылись густым слоем грязи (огородники боялись, что

погибнут всходы овощей и ягоды); пруды затянуло серой мутью. Воздух же был кристально чист и прозрачен.

Через два дня приехал профессор.

Соскочив с машины, он сразу же побежал в лабораторию.

«Так и есть, — с отчаянием подумал он, — индикатор на нуле. Что же теперь делать!»

Выслушав доклад Коли, он приказал ему созвать всех, кто принимал участие в налете. И через полчаса в сад Марьи Ивановны под предводительством Коли и доктора вступила колонна дачников.

— Вы не представляете себе, — обратился к ним профессор, — что вы натворили. Если бы вся земля была покрыта порохом и вы поднесли бы к нему зажженную спичку, катастрофа была бы еще не так велика, как та, которую вы вызвали, повернув ручку рубильника.

Профессор смолк.

— Меня безгранично угнетает, — снова зазвучал его голос, — та чудовищная ответственность, которую мы несем перед человечеством. Трагедия в том, что я не в силах восстановить нормальное состояние атмосферы. Но, надо признать, что в конце концов виноват во всем я сам. Я не должен был замыкаться в стенах своей лаборатории. Мне следовало широко ознакомить общественность с содержанием моих работ и предупредить о тех опасностях, которыми чреват безобидный, казалось бы, опыт по уничтожению пыли. Я этого не сделал — и вот результат налицо.

Все были потрясены словами профессора и его неожиданным великодушием. Доктор и Штепсель готовы были провалиться сквозь землю.

— Нам всем предстоит теперь тяжелые испытания, — продолжал профессор. — И я хочу хотя бы теперь сделать то, что должен был сделать гораздо раньше: разъяснить вам, как и для чего я намеревался уничтожить на земле пыль.

Тридцать лет моей жизни я отдал борьбе с пылью. Почему? Вы удивитесь, если я скажу, что в кубическом сантиметре воздуха большого города со-

держатся или, вернее, содержались до позавчерашнего дня миллионы пылинок! Их обычно не видно было, эти мириады ничтожных пылинок. Но вспомните, что представлялось вашему взору, когда косой солнечный луч проникал в вашу комнату, и вы поймете, что я не преувеличиваю. И заметьте — с каждым вдохом мы втягиваем в легкие около пятисот кубических сантиметров воздуха, то есть сотни миллионов пылинок.

Атмосферная пыль — это мельчайшие песчинки, частицы камней и глины, сажа, микробы. Микробы туберкулеза, холеры, чумы, столбняка, сибирской язвы, брюшного тифа могут долго носиться в воздухе и заражать людей и животных страшными болезнями.

Есть много хороших средств борьбы с пылью в городах — поливка улиц, асфальтовые мостовые, зеленые насаждения, дымоуловители. Эти средства применяются во все большем масштабе, и воздух наших городов с течением времени становился все чище и здоровее. Но это требует постоянных усилий, большой работы. Поэтому я искал способ уничтожить пыль почти без затраты труда, сразу, и притом одновременно на всем земном шаре. Этот способ я нашел, а вы, к несчастью, осуществили его. «К несчастью» потому, что пыль не только вредна: она имеет в жизни природы еще и огромное положительное значение. Вскоре вы узнаете об этом на собственном печальном опыте.

Уничтожить пыль в буквальном смысле слова, конечно, невозможно. Поэтому я пошел по другому пути: я решил уменьшить вязкость воздуха. Что такое вязкость? Вы знаете, что можно завязнуть ногою в грязи, рукою в тесте. Но для мельчайших пылинок и воздух оказывается достаточно вязким: он сопротивляется их движению в нем, он удерживает их во взвешенном состоянии, как размокшая глина удерживает завязшую ногу человека.

Так вот, я пришел к выводу, что надо уменьшить вязкость воздуха, и тогда наиболее тяжелые и вредные пылевые частицы, витающие в пространстве, осадут. Точно так же, как если бы грязь лишилась

вязкости, то ваша нога не вязла бы в ней, а мгновенно провалилась бы.

Но насколько нужно уменьшить вязкость воздуха? В этом-то все и дело. Это надо было подсчитать с исключительной точностью. Два года подряд я непрерывно вел подсчеты. Вы же, не дождавшись результата моих работ, включили вибратор. Мало того, вы поставили индикатор на нуль, вы довели вязкость воздуха сразу до нулевой степени, то есть уничтожили ее совершенно. И теперь вся пыль, как железные опилки, целиком осела на почву. Отныне ни одна пылинка — ни одна! — не может больше витать в атмосфере.

Самое же страшное здесь — это цепная реакция. Вы поймете, что это такое, на примере огня. Достаточно одной искры, чтобы сжечь целое селение: раз появившись, пламя распространяется самопроизвольно. Так вот, реакция, вызываемая моим прибором, — как раз цепная реакция. Молниеносно распространившись, она охватила в течение нескольких секунд всю мировую атмосферу.

Вы видите теперь сами, к чему это привело. Атмосфера потеряла свою белесоватость, потому что нет больше пыли, которая рассеивала солнечные лучи. Теперь небо над нами вечно темно-синее. Исчезли зори, и вот почему. Когда солнце находится на горизонте, световым лучам приходится пересекать гораздо более толстый слой воздуха, чем в полдень. Пыль, содержавшаяся во всей этой толще воздуха, задерживала частично синие и фиолетовые лучи, хорошо пропуская лишь оранжевые и красные. Этим объяснялась великолепная игра красок при восходе и закате солнца, особенно на фоне дымной и пыльной атмосферы города. И вот теперь нет больше зорь.

Но все это еще ничто по сравнению с тем, что нас ожидает завтра.

— Что же теперь делать? — почти шепотом произнес Гайкин-Болтовский.

— Надо искать способ восстановления вязкости воздуха. Я буду работать не покладая рук. Вероятно, и вы могли бы мне кое-чем помочь.

Все, волнуясь, окружили профессора и заговорили наперебой о том, что они умеют делать и чем они могли бы ему быть полезными.

5. ВЕЛИКОЕ БЕДСТВИЕ

Всемирная катастрофа, которую предрекал профессор, вползала в жизнь незаметно, коварно, как медленно действующий яд. Несмотря на кристальную чистоту воздуха, с каждым днем все более нарастала духота. Жителям Чистого быстро надоело вечно безоблачное темно-синее небо с неизменно ярким солнцем.

Дожди во всем мире совершенно пропали. Их заменили более редкие, но бешеные ливни, низвергавшиеся с неба при ясном солнце. В одних областях они наблюдались довольно часто, зато в Чистом и других местах их совсем не было. Каждый ливень, как сообщали телеграммы с разных концов света, производил огромные разрушения и кончался наводнением. Несмотря на это, многие равнинные реки стали пересыхать.

Палящий зной был невыносим. Все увеличивавшаяся влажность воздуха превратила мир в огромный парник. При движении люди и животные обливались потом, который, однако, не приносил облегчения. Также и от ветра не становилось легче — только капли пота росли при этом быстрее.

Мучительно жаркие дни сменялись холодными ночами. С наступлением вечера температура воздуха быстро падала. Тотчас же после захода солнца начиналось бурное образование росы. Невообразимая духота сменялась не более приятной промозглой сыростью, от которой все спешили укрыться в закрытых помещениях. За ночь почва и все находящееся на ней так же обильно покрывались влагой, как после хорошего дождя. С наступлением дня вся эта влага быстро высыхала, и снова вступали в свои права невыносимые жара и духота.

Странно вели себя растения. Казалось, они впали в какую-то необыкновенную спячку — жизнь остано-

вилась в них, совершенно прекратился рост. Наименее устойчивые хирели и от непонятных причин гибли. Ничто не помогало: ни поливка, ни пересадка, ни удобрения. У агрономов появилось для этого явления новое выражение — «мокрая засуха». Миру грозил небывалый неурожай.

Наблюдая эти страшные явления, старый профессор с горечью бормотал про себя:

— Да, да, я ожидал это... Так это и должно быть. Природа точно следует своим законам.

В этот год ни одно фруктовое дерево не принесло плодов, ни один куст не дал ягод, ни одно растение не родило семян. Не заколосились хлебные злаки, на соснах и елях не выросли шишки, под картофельными кустами не набухли клубни.

Положение ухудшалось с каждым днем. Жить, дышать и работать становилось все труднее. К концу лета воздух стал жарко-влажным и душным, как в бане. Люди выглядели так, словно их только что вытащили из пруда: в тени с них непрерывно текла вода, одежда была насквозь пропитана ею и прилипала к телу. Текли потоки и с теневых сторон домов и гор. Бушевали и разливались горные реки. Сухих предметов в тени не было — все стало отвратительно мокрым.

Люди возненавидели жгучее солнце, передвигавшееся по вечно безоблачному темно-синему небу. Несмотря на жару и духоту, приходилось проводить все время в домах при закрытых окнах. В комнатах непрерывно топились печи и горели керосиновые лампы — это был единственный способ поддерживать воздух в относительно сухом состоянии.

Профессор был беспросветно мрачен. Его угнетала мысль: «А что, если мы не найдем способа восстановления вязкости?.. — думал он. — Если это вообще невозможно?»

Дни и ночи в доме Марьи Ивановны шла кипучая работа. Эксперименты следовали за экспериментами. Доктор, Штепсель и остальные виновники катастрофы принимали горячее участие в этой работе, стремясь хоть как-нибудь загладить свою вину.

Страшные изменения, происшедшие в мире, наводили ужас. К тому же все было так неожиданно, непонятно.

— Потап Скафандрович, — тихо обратился однажды доктор к профессору. — Мы поражены, с какой трагичной точностью жизнь подтверждает ваши слова. Да, безмерно велико наше преступление. Я и остальные товарищи совершенно ошеломлены теми неожиданными последствиями, которые повлек за собой наш поступок. Но, сказать правду, многого мы просто не понимаем. Жара, духота, сырость, гибель растений... Неужели же все это из-за... пыли?

— Да, — глухо ответил профессор. — И сырость, и жара, и неурожай — все это из-за отсутствия пыли. Если вы сомневаетесь в этом, то позвольте напомнить вам кое-что из физики.

Присутствовавшие в лаборатории участники рокового эксперимента робко подняли головы, приготовившись слушать.

— Видите ли в чем дело, — сказал профессор, — в воздухе, как вам, наверно, известно, всегда имеются водяные пары. Чем выше температура воздуха, тем больше паров он может содержать. При температуре в плюс двадцать градусов в одном кубическом метре воздуха может содержаться самое большее семнадцать и двенадцать сотых грамма водяных паров. Воздух тогда насыщен парами до предела. А если он перенасыщается, то происходит конденсация — избыток паров сгущается в воду. Но пар может конденсироваться, оседать только на чем-нибудь — на каких-нибудь телах, с которыми соприкасается воздух.

Раньше испарения почвы, рек и морей, поднимаясь в холодные слои атмосферы, конденсировались вокруг пылинок: каждая пылинка обрастала мельчайшей, не видимой невооруженным глазом капелькой воды. Витая массами в пространстве, эти капельки образовывали облака и туманы, что одно и то же. Облако — это туман вдаль, а туман — облако вблизи. В облаках капельки сливались во все более крупные капли, выпадавшие в виде дождя.

Теперь в атмосфере нет более пылинок, вокруг которых могли бы конденсироваться пары. Поэтому

нет облаков и дождей. Теперь воздух не только насыщается паром, но и сильно перенасыщается. В воздухе теперь может накапливаться в четыре раза больше пара, чем раньше. И когда в такой перенасыщенный воздух попадает какое-либо тело, пары жадно охватывают его и бурно конденсируются на нем. Вот почему все мы мокрые. Мы не только потеем, мы все время конденсируем на себе атмосферную влагу. А ветер не только не увеличивает испарение влаги с тела и не охлаждает, как это бывало раньше, а наоборот — он нагоняет на нас новые массы перенасыщенного воздуха, то есть новые массы той же влаги.

Когда же перенасыщение превосходит все возможные пределы, пары конденсируются в атмосфере сразу, наподобие взрыва, и вот мы имеем в наиболее влажных местностях катастрофические ливни. Их приносят главным образом теплые ветры с юга. Отсутствие дождей приводит к обмелению равнинных рек. Горные же реки, наоборот, разливаются сокрушительными потоками, потому что перенасыщенный воздух, достигнув гор, сразу отдает всю свою влагу, конденсируясь на их поверхности.

Облака и пыль как бы одеялом окутывали нашу планету, не давая ей слишком нагреваться и остывать. Теперь атмосфера кристально прозрачна. И вот, днем — палящий зной, а ночью — холод из-за усиленной теплоотдачи почвы. Климат стал резко континентальным.

Все это тяжело, мучительно. Но, на худой конец, с этим как-нибудь еще можно было бы мириться. Гораздо страшнее гибель растений.

Вы думаете, это из-за того, что не выпадают дожди? Вовсе нет. Тут дело сложнее. Раньше поверхность листьев непрерывно испаряла влагу, а из почвы постоянно в растения поступала новая вода вместе с растворенными в ней питательными солями. А теперь испарение влаги с растений прекратилось — воздух и так перенасыщен ею. Растения стоят налитые до отказа водой и поэтому не могут тянуть ее больше из почвы. Следовательно, они не получают и нужных им для жизни солей. Наконец, поскольку воздух перенасыщен паром, он за-

держивает ту часть солнечных лучей, которая помогает растениям разлагать углекислоту и строить из нее крахмал.

Лето близится к концу, и если мы в ближайшее же время, в сентябре, не сумеем восстановить вязкость воздуха, то все растения неизбежно погибнут, а с ними и животные и все мы, — жестко закончил профессор.

Каждое его слово действовало на слушателей подобно удару молота.

6. ПОСЛЕДНЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ПРОФЕССОРА ПЕРЕНАСЫЩЕННОГО

Было утро 29 сентября.

В лаборатории заканчивалась подготовка к очередному эксперименту.

— Закройте плотно ставни! — сказал профессор. — Так. Дайте ток.

Он подошел к одному из измерительных приборов и стал медленно передвигать стрелку вправо по шкале. Послышалось гудение; миниатюрная елочка, стоявшая на столе, начала излучать голубой свет.

Профессор продолжал передвигать стрелку. Гудение усилилось, свечение померкло и вскоре совсем прекратилось. Воздух в комнате как-то изменился. Профессор несколько раз потянул носом и быстро перевел стрелку на нуль. Затем он осмотрелся. Присутствующие механически повторили его жест, но не увидели ничего особенного. Профессор улыбнулся — в первый раз за лето.

— Собрать всех сюда, — сказал он. — И принести с улицы кастрюлю пыли. Хорошо прогреть ее на примусе. Герметически закупорить.

Все собрались в лаборатории.

— Погасить керосиновые лампы и раскрыть настежь ставни и окна, — скомандовал профессор.

Трое бросились исполнять приказ. Как только окна были открыты, лаборатория наполнилась душным влажным воздухом. Все тотчас же промокли.

Вскоре Коля и Гайкин-Болтовский принесли сосуд с пылью.

— Включить электрический свет! — громко сказал профессор. — Еще раз плотно закрыть двери, ставни и окна!

Когда это было сделано, он взял охапку пыли и бросил ее вверх. Подобно металлическим опилкам, вся пыль сразу упала на пол.

— Рубильник!

Коля повернул ручку. Профессор передвигал стрелку по шкале до тех пор, пока вспыхнувшая елочка не померкла. Воздух снова изменился. Все стояли не шелохнувшись. Профессор забрался на стол и принялся забрасывать пыль мелкими охапками как можно выше. Часть ее стала медленно оседать, а часть повисла облачком в пространстве. Комната наполнилась туманом. Казалось, что моросит мелкий осенний дождик. Повеяло свежестью. Дышать стало легче. Профессор бросил еще несколько охапок пыли, и одежда на всех стала обсыхать. Тогда он спрыгнул со стола и обвел всех сияющим взглядом.

— Поняли?

Вместо ответа раздались громкие аплодисменты.

— Сегодня мир будет спасен, — сказал профессор. — Волны «ВВ-147» сделают свое дело.

Понадобилось около часа, чтобы переключить аппаратуру «ВВ-147» на большой вибратор. Коля, Гайкин-Болтовский, Сопротивленский и Ультра-Коротков работали, как на пожаре. Штепсель придирчиво проверял каждую клемму. Никто не хотел отлучаться из лаборатории хотя бы на секунду.

— Смотрите наружу, — сказал профессор, когда все было готово.

Все бросились к окнам. На темно-синем безоблачном небе немилосердно сияло беспощадное солнце.

Послышалось гудение. Оно усиливалось, превращаясь понемногу в гул и рев. Подул ветер, подняв с земли пыль. Атмосфера стала терять прозрачность. Появился легкий туман. Солнце начало меркнуть. В первый раз за лето ясный день становился пасмурным.

Рука старого профессора едва заметно передвигала

стрелку по шкале. Природа послушно следовала его указаниям.

Гул нарастал. Ветер усиливался, поднимая в пространство облака пыли. Небо затянулось сплошной темно-серой пеленой. Солнце скрылось.

Стрелка все более скользила направо. Профессор довел ее до определенной точки и подошел к окну.

Ветер превратился в ураган. Завыли печные трубы. Пыль пропитала собою атмосферу. Небо приняло свинцовую окраску. Стало темно — пришлось включить электрический свет. К мощному гудению вибратора примешались глухие раскаты отдаленного грома. На крыше застучали первые крупные капли дождя. В ушах истрадававшихся людей этот шум прозвучал восхитительнейшей симфонией.

Непроглядный мрак подступал к окнам, и разразилась гроза — сильнейшая гроза в истории села Чистого. Вода низвергалась с неба сплошными потоками, как из ведра заливавшими оконные стекла; ослепительные молнии раздирали небосвод; дача сотрясалась от непрерывного громового грохота и бушевания водной стихии.

— Отойдем от окон, товарищи, — громко произнес профессор. — Я хочу сказать вам несколько слов.

Все прошли в глубь лаборатории и уселись. Чтобы быть услышанным, профессору приходилось кричать.

— Товарищи! — начал он. — Итак, задача, которую я себе поставил, решена, хотя это и обошлось всем нам чрезвычайно дорого. Теперь мы сможем обеспыливать земную атмосферу в любой момент и до требуемой степени. Мы сможем периодически очищать ее от вредных видов пыли, восстанавливая затем прежнюю вязкость воздуха.

Взявшись за ручку рубильника, профессор продолжал:

— С помощью одного поворота вот этой руч...

Фраза оборвалась на полуслове — в комнате что-то страшно сверкнуло, и одновременно грянул необычайно резкий удар грома. Электрический свет на мгновение померк. Профессор застыл, прислонившись к своему детищу — большому вибратору. Ослеплен-

ные яркой вспышкой люди не сразу увидели, что на нем горят одежда и копна седых волос.

— Молния ударила! — закричал, побледнев, Коля и бросился к горящему человеку.

Но едва он прикоснулся к нему, как тело профессора Перенасыщенского, пораженное молнией, рассыпалось в прах.

М. Зувев - Ордынец

«ПАНУРГОВО СТАДО»

Я говорю лишь — предположим это.
Байрон, «Дон Жуан».

1. ФЕЯ РИДНОЙ КУБАНИ

Утро было тихое и солнечное, но море еще не вполне успокоилось после вчерашней бури. Где-то далеко, в бескрайних просторах Атлантического океана, не угасла еще ярость шторма, и отголоски его — тяжелые волны таранами обрушивались на песок пляжа. Соленые брызги их обдавали холодным дождем купающихся, заставляя нервно вскрикивать женщин и испуганно плакать детей.

Босые ножки девушки, искусно лавировавшей между кабинками, складными стульями, плетеными

лонгшезами, оставляли на сухом горячем песке крошечные, тотчас заплывавшие следы. Ее холщовая украинская рубаша с вышитыми воротом и рукавами, такая же юбка и широкополая шляпа резко выделялись среди цветных купальных костюмов, полотняных хитонов, шелковых халатов курортной толпы. Под мышкой девушка несла толстую книгу в ярком красочном переплете. Мониета на груди девушки тихо звякали от ее быстрых энергичных шагов.

Она глядела прямо перед собою, вдаль, на кедровые леса, зеленой тяжелой мантией одевшие каменные плечи обрывистых предгорий. Она любила этот кедровник. Он напоминал ей российский бор.

И чем это не Россия? Кругом русская речь, русские остроты. Иностранные слова слышатся как исключение! Да ведь это Сестрорецк, Лебяжье или Стрелка! Но это не Россия! Слева голубой простор Атлантики, справа, подобно гигантскому удаву, извиваются Пиренеи. За ними знойная, полуафриканская Испания. Это не Россия, а курорт Вермона, где российская эмигрантщина спасается от душного парижского лета.

Компания молодых, но достаточно потрепанных людей, забавлявшихся серсо, увидав девушку, загалдела:

— Долина Григорьевна! Долли! Мадемуазель Батьянова! К нам! Фея ридной Кубани! Казачка! Сюда! сюда!

Кто-то запел:

Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит...

— А ну вас! — звонко крикнула девушка. — С вами скучища!

— Ах, так? Изменница! Запорожец в юбке! Держите ее! В плен!

— Жевжики лядашие! — рассмеялась девушка. — Да вам меня вовек не догнать!

— А вот посмотрим! — крикнул, бросаясь к ней, тощий, жердеобразный юноша.

— Поручик, не осрамись! — закричала вслед ему компания.

— Поручик не осрамится! Бегать умеет!

— Красные научили! Два раза от них «драпал»!

Девушка подпустила поручика на несколько шагов, нагнулась, схватила горсть мелкого, как пыль, песку и бросила ему в лицо. Пока поручик протирает глаза, она была уже далеко. Звонкий смех ее звучал где-то вдаль, и громадным цветком мелькала в толпе ее вышитая рубаха.

Огибая кабинку, девушка с разбегу остановилась: мимо нее проходила группа крепких, мускулистых людей. Заметно было, что в среду пляжников-эмигрантов компания эта внесла переполох и растерянность. Многие поспешно одевались и уходили, словно их застал внезапный дождь. Это было понятно. Ведь мускулистые ребята были отдыхающими рабочими из соседней летней колонии рабочей организации.

— Андрей! — радостно вскрикнула вдруг девушка.

Шедший в группе рабочих молодой человек обернулся и, вытянув приветливо руки, быстро пошел к девушке. Энергичное лицо его выражало искреннюю радость.

— Долли! Вот неожиданность! — сказал он, беря ее за руки. Одно только пожатие его рук с ладонями, жесткими от каустической соды, сразу напоминало, что он металлист.

— Давай сядем! Я сегодня сделал не меньше десяти километров.

Долли, тоже не отдышавшаяся еще после бега, с удовольствием опустилась на мягкий песок. Грудь ее прерывисто поднималась от глубоких, жадных вдохов; глаза цвета спелой вишни блеснули. Расплетшуюся во время бега тяжелую косу она перекинула через плечо и, купая пальцы в золотистых струях волос, вплетала в них голубую ленту.

— Фу, черт возьми! — с комическим ужасом воскликнул вдруг Андрей. — А ты, пожалуй, и впрямь «фея ридной Кубани», как прозвали тебя твои бомондистые знакомые! Уж очень ты красива. Не мешало бы даже чуть убавить. Белокурые волосы, карие глаза — картинка!

— Злючка! Завидно? Жаль, что ты вчера не был

здесь. Папа тоже был на пляже. Он очень интересуется твоими посещениями вечерних лекций университета.

— Долли, — сказал серьезно Андрей, — я очень благодарен тебе за твое старание смягчить все удары по моему самолюбию. Но это ни к чему! Я ведь знаю, что твой отец не переносит меня, а потому и не интересуется он нисколько моими занятиями. Полковник Батьянов не может мне простить прошлого.

— А ты мне ни разу не рассказывал, Андрей, — проговорила девушка, — давно ли ты знаком с папой.

— До войны я и не подозревал об его существовании. Мы познакомились лишь в армии. Ведь ты знаешь, что он командовал нашей танковой бригадой.

Андрей замолчал. Пересыпая с ладони на ладонь песок, он глубоко задумался. Перед ним мелькнуло пережитое.

Давно это было! И вместе с тем так недавно. Хмурый Архангельск. На транспорты грузят «белый Сенегал» — русские дивизии, отправляющиеся во Францию. Затем море. Потушенные огни. Всего лишь несколько дней тому назад в этом районе германские подводные лодки устроили настоящий погром. Две недели ожидания ежеминутной смерти, взрыва мины под кормой или у носа. И вот Марсель. Цветы! Овации! Воздушные поцелуи женщин! И сразу же грязные окопы Шампани. Громовые разрывы «чемоданов». Жуткая «высота 801». Горы трупов. Затем 1917-й. И, наконец, ля Куртин, кровавый ля Куртин*!..

Долли дотронулась пальчиком до его лба.

— Я знаю, что здесь! Не надо думать об этом.

Андрей встряхнул головой, словно отгоняя тяжелую дрему.

— Да! — заговорил он. — Именно в ля Куртин и разошлись наши дороги, полковника Батьянова и капитана Араканцева. Я бежал, не желая попасть на

---

* В лагерях близ ля Куртин русские реакционные генералы в сговоре с французским правительством расстреляли русских солдат, отказавшихся после Февральской революции драться за интересы французских биржевиков.

алжирскую каторгу, долго скрывался, а потом стал зарабатывать хлеб собственными руками. Для меня это, как для бывшего электротехника, дело знакомое. А полковник Батьянов продолжал «класть живот» во славу Франции, был тяжело ранен, получил за это командорский крест Почетного легиона и отставку без пенсии.

— Я знаю это, — сказала Долли.

— Не все знаешь. Это было уже после Версальского мира, когда в Россию отправляли пресловутый «легион чести»*. Твой отец — он, по-видимому, любил меня, — придя ко мне, сказал: «Капитан, вот случай загладить ваше позорное прошлое. Записывайтесь в «легион чести». Меня, к сожалению, не приняли, я инвалид. Но за меня пошел мой сын!» Я ответил, что у меня нет ни малейшего желания отправляться в добровольческую армию. Отвоевывать для господ помещиков их вишневые сады нет охоты. В Красную Армию — иное дело! Он ушел, и наши пути разошлись. А ты толкуешь об его интересе к моим вечерним университетским занятиям... Что ты читаешь, что это у тебя за книга?

2. ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ

— Это?.. Это?.. Ой, батюшки, да что же я такое взяла? — с удивлением воскликнула девушка, глядя на толстую книгу, лежавшую у нее на коленях. — Я хотела взять новый роман Харди, а схватила по ошибке это.

— Что это? — и Андрей взял книгу.

— Зоологический каталог фирмы Гагенбека!

— Ты что же, хочешь открыть зоосад?

— С ума сошел! — расхохоталась Долли. — Да это и не мой каталог. С ним таскается в последние дни Пфейфер.

---

* Французское правительство с помощью угроз и обещаний сформировало из оставшихся в живых и не угнанных на каторгу русских солдат так называемый «легион чести» и отправило его к Деникину.

— Пфейфер? — удивленно вскинул голову Араканцев. — Фридрих Пфейфер?

— Ты знаешь его? — удивилась, в свою очередь, Долли.

— Очень хорошо, — улыбнулся недобро Андрей. — Я целых три года проработал на его гамбургской фабрике. Да кто же не знает Пфейфера, второго Юлия Бармата? «Толстый Фридрих» — так прозвали его в Гамбурге, — вечно занятый, всегда кипящий, как щелок, промышленник, банкир и авантюрист. А разве он здесь?

Говоря это, Араканцев перелистывал гагенбековский каталог, с удовольствием рассматривая прекрасно исполненные цветные фотографии животных.

Мелькали отвратительный крокодил, полосатый житель джунглей тигр, грустный вологодский мишка, добродушный слон, пестрые, разноцветные попугаи.

— Да, он здесь, — ответила девушка, — он приехал к папе по делу.

— Ого! — удивленно поднял брови Араканцев. — Полковник Батьянов работает для черного интернационала? Я слышал, что Григорий Николаевич, выйдя в отставку, опять как инженер-механик начал работать в своей области, но чтобы он согласился на сотрудничество с Пфейфером — этого я не ожидал!

— Андрей! — с укором проговорила Долли. — Что ты говоришь? Сотрудничество не служба.

Араканцев, не поднимая глаз и делая вид, что рассматривает в каталоге «корабль пустыни» — белоснежного дромадера, ответил резко:

— Не служба! А по-моему, не иначе: Пфейфер — хозяин, а его высокоблагородие полковник Батьянов — служащий. Мне кажется, в один трудный для твоего отца момент жизни Пфейфер купит его целиком навсегда и со всеми потрохами! — закончил Араканцев и, испугавшись своего почти враждебного тона, поспешно повернул страницу каталога, сменив дромадера на образец гордой красоты — круглоглазого беркута.

Долли молчала, рассеянно перебирая бусы. Растерявшийся Араканцев усиленно перелистывал каталог.

Добравшись до флегматичного пингвина, начал разглядывать его с преувеличенным интересом.

— Ты имеешь основания говорить так, — тихо произнесла Долли. Видно было, как трудно давалось ей каждое слово. — Ты же знаешь проклятую, неизлечимую страсть папы!

— Карты? — быстро спросил Араканцев. — Да, знаю! За зеленым столом он буквально невменяем. Ну, если Пфейфер узнал эту слабость Григория Николаевича, то...

Араканцев резко оборвал фразу. Поймав тяжелый вздох Долли, заволновался и снова обратился к каталогу. Пролетел отдел птиц, пресмыкающихся, четвероногих и ворвался в отдел четвероруких. А Долли снова молчала, опустив голову. На лице Араканцева изобразилось отчаяние, а пальцы его перелистывали отдел приматов, человекообразных обезьян.

— Что такое?!

Это восклицание Араканцева заставило Долли поднять голову. Она увидела на странице каталога кошмарную морду гориллы. И тотчас же Араканцев с треском захлопнул каталог.

— Скажи, Долли, — странно задрожавшим от сдерживаемого чувства голосом заговорил Андрей, — для чего у вас в вилле болтается орангутанг? Это опасная забава!

— Гамилькар опасен? — с улыбкой спросила девушка. — Наоборот, благодаря ему мы чувствуем себя в полной безопасности. Осенью, когда кончается курортный сезон, здесь бывает жутковато. Бродят какие-то подозрительные типы. А за Гамилькаром мы как за каменной стеной. Он так любит меня и папу! Он уже два года живет у нас. Его подарил папе Пфейфер для каких-то опытов. Фантазия богача! Гамилькар даже помогает мне по хозяйству. Мы считаем, что у нас двое слуг: черкес Абдул-Земиль и Гамилькар. Но Абдул больше шофер, чем слуга, а Гами, как мы его зовем, моет полы, убирает постели, колет и таскает дрова, откупоривает бутылки. О, если бы ты видел, с какой комичной важностью выполняет он свои обязанности! О, Гами душка! — оживив-

шись, воскликнула девушка. — А кроме того, он помогает папе в его опытах.

— Орангутанг помогает инженеру-механику? — скрывая под беззаботным смехом настороженность, спросил Араканцев. — Это любопытно! Расскажи, в чем же заключается помощь обезьяны?

— Подробности мне неизвестны, папа держит это в секрете. Знаю лишь, что он проделывает сейчас массу сложных опытов в области механизации производства. Его очередная *idée fixe* — такое усовершенствование, упрощение производства, при котором почти не нужен был бы разумный труд человека. Он как-то сказал мне, что когда Гамилькар заменит у конвейера человека, тогда папа удовлетворится, что тогда можно будет посылать на фабрики даже слабоумных, идиотов и тихопомешанных. Поэтому Гамилькар под присмотром папы часто торчит у конвейера, что-то свинчивает, развинчивает, а что именно — не знаю! Но почему ты это спрашиваешь?

— Вот почему, — раскрыл снова каталог Араканцев. И Долли снова увидела жуткую морду гориллы. — Читай. *Gorilla gina!*.. Проще говоря, горилла! А теперь смотри карандашную надпись: «Плохо переносят наш климат, быстро умирают от чахотки, все же для опыта выписать сто экз.».

— Да ведь это рука Пфейфера! — вскрикнула заинтересованная Долли. — Но зачем ему столько обезьян?

— «Толстый Фридрих» найдет дело и для горилл. Пустит их по Берлину и Гамбургу сандвичами с рекламными произведений своей промышленности. Фурор! Но смотри дальше. *Pithecus satyrus!*.. Это родственники твоего Гамилькара — оранги. И снова карандашная надпись той же рукою: «Эти крепче. Затребов. двести».

— Ничего не понимаю! — сказала Долли.

— Дальше, смотри дальше! *Troglodytes niger!*.. Это шимпанзе. Тут, кроме знака вопроса, ничего. А вот ниже: *Troglodytes tschego!*.. Эти, видимо, больше понравились Пфейферу. Он пишет: «По справкам, шимпанзе-чего отличаются большой величиной, почти с гориллу, а следовательно, обладают большей силой

и выносливостью. Выписать полтора ста шимпанзе-чёрго». Теперь сверх всего красным карандашом: «Не забыть — лучше самцов, выносливее. Самок как можно меньше». Затем внизу чернилами: «Запросить Гагенбека: сколько приблизительно будет стоить поимка и перевозка с Суматры, Борнео, из Верхней и Нижней Гвинеи всей партии?» Видимо, все эти надписи сделаны в разное время. Но что все это значит? — закончил вопросом Араканцев, бросая каталог на песок.

— Не знаю. Шарада какая-то, — проговорила Долли, вставая. — Андрей, мне пора. Я пойду.

— Уже? — вскочил на ноги Андрей. — Долли, прости меня. Я, кажется, наговорил лишнего. Но поверь, лишь желание...

— Не надо говорить об этом, Андрей.

— Когда и где я снова увижу тебя?

— Если хочешь, сегодня же вечером в казино «Ритца». Я буду там после девяти.

— Долли, зачем ты посещаешь этот кабак?

— Ты же знаешь, что папу нельзя оставлять одного за картами, — вспыхнула девушка. — Он окончательно с ума сойдет. Прощай или... до свиданья, как ты хочешь.

Араканцев, закусив до крови губу, долго смотрел ей вслед. Когда гибкая фигура скрылась за зданием курзала, он опустил глаза и увидел... гагенбековский каталог. Он быстро поднял его и бросился было вслед за девушкой; потом остановился и, оглянувшись по сторонам, как вор, поспешно сунул каталог за пазуху и зашагал навстречу подходившей группе рабочих.

3. ПРЕДОК И ПОТОМКИ

Гамилькар скучал. Развалившись на диване, с презрительным равнодушием глядел он, как втягивает мух электрический вентилятор. Маленький моторчик, скрытый за ширмами, двигал ленту конвейера, но с пустыми ковшами. Монотонная песня динамо, видимо, раздражала оранга. Он слез с дивана и встал на ноги, как человек. Теперь особенно броса-

лись в глаза его широкие плечи, сутулая спина и руки в клочьях шерсти, спустившиеся ниже колен. Вперевалку, как чуть подвыпивший человек, прошел он за ширму и дернул на себя рубильник.

Вой динамо смолк. На голом серовато-голубом лице оранга расплылась гримаса удовлетворения. Даже отдельные белые волосы на его подбородке, переходившие в реденькую седую бороденку, встопорщились как-то особенно задорно. Словно он хотел, но не мог сказать: «Вот какой я молодец!»

Но тотчас же отчаянная скука с быстротой, свойственной только обезьяньему лицу, сменила самодовольство. Он лениво прошелся по комнате, всем своим видом говоря: «Ну, и скучища же зеленая! Чем бы заняться?»

Большой гребень привлек его внимание. Гамилькар схватил его и начал расчесывать и без того правильный пробор на голове. Увлечся и незаметно для самого себя перешел к черной с бурым оттенком шерсти, покрывавшей его тело. Когда добрался до ляжек, где шерсть свисала особенно густыми, похожими на панталоны космами, послышалась сирена авто. Гамилькар вздрогнул и насторожился. Через секунду в передней задребезжал звонок. Оранг сорвался с места и вприпрыжку, помогая руками ногам, понесся к дверям. Легко, без затруднений, открыл он французский замок и по-прежнему, наполовину на четвереньках, убежал в комнату с конвейером.

Вслед за орангом вошли трое мужчин. Первым, четко отбивая шаг, появился высокий, плечистый старик: Во всей походке его замечалась военная выправка, как будто он носил еще мундир. Остриженные «под горшок» волосы и борода «а ля мужик» придавали ему сходство с Бехтеревым. При виде старика Гамилькар оттянул углы рта и сузил веки, что отдаленно напомнило человеческую улыбку.

За стариком бесшумно мячом вкатился толстенький господин с багровым бритым лицом. На толстяка Гамилькар не обратил ни малейшего внимания, но зато поспешно подбежал к третьему, остановившемуся в дверях красивому кавказцу в алой черкеске, об-

шитой галунами, и в шоферских «консервах». Оранг с детской радостью цапнул его за серебряные ножны кинжала и вместе с ними потащил к себе.

— Вай, савсэм шайтан! — крикнул Абдул-Земиль. — Пусти, ишак, брухо вспорю!

Гамилькар отошел, обиженно ворча что-то на обезьяньем своем языке.

— Абдул, авто к восьми, — сказал старик. — А пока ты свободен.

Абдул ушел, бесшумно ступая мягкими чувяками. Старик подошел к орангу и почесал ему ласково складки шеи. Гамилькар издал урчание, похожее на смех.

— Ну-с, господин Батьянов, а как ваши успехи на зеленом поле? — спросил толстяк, видимо продолжая разговор.

— Плохо! — мрачно ответил Батьянов. — Полоса невезения!

Видно было, что Пфейфер доволен. Но он искусно разыграл удивление:

— Как, а мой гонорар за экономическую форсунку?

— Эва! — улыбнулся безрадостно Батьянов. — Продул еще весной!

— А реорганизация сложной сборки втулки? Между прочим, вы правы. Теперь сборка ее требует всего восьми секунд. При моем масштабе работы это семьдесят пять процентов чистой прибыли.

— Ну и танцуйте! — буркнул Батьянов. — А я в прошлом месяце спустил последние крохи этой втулки.

Лицо «толстого Фридриха» откровенно побагровело от радости:

— Значит?..

— Значит, что я снова без гроша. И, как назло, уверен, что теперь счастье повернется ко мне лицом. Можно отыгаться. А денег нет. Поэтому вы их мне дадите! — с грубой бесцеремонностью закончил Батьянов.

— Почему нет? — откликнулся Пфейфер и с наглой независимостью опустился в мягкое кресло. — Но расскажите сначала о деле. Есть результаты?

Батьянов заговорил бесстрастным, деловым тоном:

— Результаты есть. Не только результаты — полная победа.

— Вышkolены все пять моих питомцев? Верно я вас понял? Дрессировка кончилась полной удачей?

— Нет, вы неверно меня поняли. Какая дрессировка? Когда я говорил вам о дрессировке?

— А что же вы делали с обезьянами, которых я купил для вас? — удивился и насторожился Пфейфер. — С Гамилькар, например?

— Выдрессировать пять животных, которых вы купили, можно. И десять можно. Но мы же не собирались ограничиваться десятком. Для ваших цехов нужно стадо таких зверей. А выдрессировать стадо невозможно. Какую бы работу ни проделывал дикий дрессированный зверь — прыжки через обруч в цирке или операцию на конвейере, чего мы хотим добиться, — все же во время этого рабочего процесса необходим самый тесный контакт зверя с дрессировщиком. Иначе зверь отвлечется, заупрямится, заленится, и вся работа пойдет к чертям! Сколько же дрессировщиков должно быть в ваших цехах?

— Тогда я не понимаю...

— Сейчас все поймете! — резко перебил фабриканта Батьянов. — Я не дрессирую зверей, я переделываю их.

— Что? Как? — изумленно округлил глаза «толстый Фридрих». — Вы, правда, инженер, можете переделать втулку, форсунку, любой другой механизм. Но животное...

— И все-таки я их переделываю! — не изменил Батьянов резкого тона. — Но с первых слов вношу ясность. Идея и метод переделки зверей не мои. Это гениальное открытие или изобретение, называйте, как вам больше нравится, принадлежит моему другу, французскому военному врачу Пьеру Ло.

— Ему тоже придется платить гонорар? — поморщился Пфейфер.

— Не придется. Он уже умер. Пьер долго служил в колониях. Там, в джунглях, наблюдая зверей, он увлекся зоологией, зоорефлексологией, экологией, на-

чал производить опыты и постепенно пришел к своему открытию. Он умер семь лет назад, родственников у него не было, и открытие свое он завещал мне. Я законный наследник Пьера Ло.

— А что переделывал в обезьянах ваш друг Ло и, следовательно, что переделываете в них вы, полковник?

— Мозг!

— Мозг! О, это очень интересно! Прошу, рассказывайте дальше! — уселся Пфейфер поудобнее в кресло и вдруг шлепнул жирными ладонями по подлокотникам. — Постойте! В юности я читал фантастический роман. Названия не помню. Написал его, кажется, англичанин, а содержание такое. Какой-то полусумасшедший доктор переделывал зверей, самых различных. Он фабриковал звериных людей.

— «Остров доктора Моро»? — улыбнулся холодно Батьянов.

— Да, да, «Остров доктора Моро»! — обрадованно всплеснул руками Пфейфер. — Вы тоже, оказывается, читали этот нелепый роман?

— Нелепый? А что именно в нем нелепого?

Лицо Пфейфера стало строгим, деловым:

— А какая цель выпуска этой продукции? Как, где можно использовать звериных людей? Разве что показывать в зверинце или цирке. Но это грошовый бизнес. У этого Моро мозги были закручены не в ту сторону. Выдумал какую-то нелепость. Он не делец, вот что я скажу!

— Да, не делец, — тихо произнес полковник. — И Пьер был не делец. Дельцы мы с вами, Пфейфер!.. А вы помните в этом романе жуткие страницы, где один из героев слышит отчаянные вопли пумы, оперируемой доктором Моро? Будто страдание всего мира звучало в этих кошмарных криках! И не думаете ли вы, что и я переделываю обезьян с такими же муками для несчастных зверей? Долблю им черепную коробку, вырезаю мозг или еще что-нибудь в этом роде? Нет, нет и нет! Мои обезьяны чувствуют только укол медицинской иглы.

Батьянов говорил ровным, бесстрастным тоном, полузакрыв устало глаза.

— Открытие моего друга тем удивительнее, что он сумел снять, разрушить защитные функции живого организма, сломать так называемый гемато-энцефалический барьер, ограждающий мозг, его входные ворота. И одновременно вмешаться в жизнь и работу головного мозга, в его химические процессы. Великий, гениальный ум! И глупая, бессмысленная смерть от желтой лихорадки!..

Батьянов помолчал, опустив скорбно голову.

— Все так просто в открытии Пьера, — снова говорил полковник. — Затылок обезьяны выбрит, смазан йодом. Тонкая и длинная игла шприца, проколов кожу, дошла до желудочков мозга. Сильный нажим на поршень! Ничтожная капля жидкости, состав которой знал только один Пьер, а теперь знаю один я, впрыснута в мозг, смешалась с мозговой жидкостью. И все! Дело сделано! — торжествующе крикнул Батьянов.

— Что сделано? — шепотом спросил Пфейфер.

— Мозг обезьяны очищен от всех наслоений прожитой жизни, от звериных рефлексов, привычек, инстинктов, желаний. Теперь мозг обезьяны *tabula rasa* — чистый лист. У обезьяны не сохранилось никаких воспоминаний о том, кем она была раньше. Впрочем, вспомнить о своем зверином прошлом она может, но только при условии... Однако это совсем другая тема, и сейчас она нас не интересует. А теперь мы можем на этом чистом листе написать многое нужное нам, мы можем не дрессировать обезьян, как думали вы, а приучать их к тем действиям, которые нам нужны. И обезьяны удивительно быстро схватывают, подражают, воспринимают все то, чему мы их учим.

Пфейфер надул щеки и шумно, сердито выдохнул:

— Я вас понял! Из обезьян вы сделали людей и предлагаете их мне в рабочие. За коим чертом они мне нужны? Не нужно мне людей! Я их ненавижу!

Грубый выкрик «толстого Фридриха» не вывел Батьянова из равновесия. Глядя рассеяннo на багровое от волнения лицо фабриканта, он сказал спокойно:

— Превратить обезьяну в человека невозможно.

Прощаю вам эту вопиющую безграмотность. Мои обезьяны еще не люди, но уже не обезьяны. Может быть, это то недостающее звено между питекантропом и австралопитеком, которое так жадно ищут антропологи всего света. Не знаю, не знаю!.. Впрочем, оставим эту ученую терминологию, это не по вашему носу табак. Пьер не смог создать из обезьяны разумное существо, но выжечь в ней все звериное — этого он блестяще добился.

Батьянов прошелся по комнате. Пфейфер вытащил толстый портсигар и протянул полковнику сигару. Увидев это, Гамилькар взял с окна пепельницу и поставил ее на маленький курительный столик перед фабрикантом. Затем зажег спичку и поднес ее обоим, вежливо склонив голову с безукоризненно расчесанным пробором.

— Вот смотрите, — указал полковник на оранга. — А добился я этого от Гами очень легко. Он знает, кроме того, как обращаться с ключами, отпирает и запирает двери, включает и выключает радиоприемник, с наступлением темноты зажигает свет. Он умеет даже считать. В обмен на три апельсина он дает три спички, в обмен на пять — пять. Но пока не свыше пяти. А главное, он кроток, послушен и мягок характером. Теперь о четырех остальных — о двух гориллах, шимпанзе и гиббоне. Вскоре после укула я приказал выпустить их в вольер, чтобы не ослабили их мышцы. А затем мои ассистенты показали им, как построить примитивный шалаш. Через полчаса обезьяны тоже начали строить шалаши и строили, строили, строили, пока не застроили всю площадь вольера. А сейчас они работают в отеле «Беренгарди». Выполняют самые различные обязанности: швейцаров, горничных в номерах, откупоривают бутылки и консервные банки на особых приборах, работают грузчиками на складе, носильщиками багажа и даже не берут на чай! Администрация не нахвалится ими. Но они лишены, конечно, малейшей способности к абстрактному мышлению. Никаких логических связей, ассоциаций, идей. Хотя бы революционных идей! — нервно, неприятно засмеялся Батьянов. — На ваших фабриках будут работать классические ра-

бы. Наши предки! И как еще работать! Им не надо платить за труд, они не войдут ни в какие профсоюзы и не организуют забастовку. Ловко, а? — продолжал полковник смеяться горько, обреченно.

Пфейфер вскочил в радостном возбуждении.

— О, если бы это возможно было! Это... это моя золотая мечта! Война и революция вызвали черт знает какую встряску. Стачки, забастовки — будничный бытовой факт во всех областях производства. У меня в Гамбурге, например, уже не спокойно! Ясно, дело в резком «большевистском ветре».

— Но не довольно ли разговоров? — спросил Батьянов. — Переходим к делу!

— Переходим к делу, — согласился Пфейфер, вытирая платком вспотевшее от возбуждения лицо.

— Гами, включи мотор! — Голос Батьянова прозвучал резко и повелительно, как удар маленького гонга. Оранг одним прыжком очутился за ширмой и рванул рубильник. Динамо завывало.

— На место! — крикнул снова полковник, и Гами встал послушно у конвейера.

— Мы продлеваем опыт со сборкой моей экономической форсунки для паровых котлов. Внимание, я начинаю!

Батьянов шагнул было к ширме, но, поколебавшись, подошел к Гами и, полуобняв, ласково дернул его за ухо:

— Гами, дружище, давай поработаем, и хорошо поработаем! Умница моя, ведь это наш последний экзамен!

В голосе полковника переплелись нежность и строгость. Ласково шлепнув оранга по спине, он скрылся за ширмой.

— Начинаю! — раздался оттуда его голос, и тотчас же конвейер вытащил части форсунки. — Ну, Гами, валяй! Так, молодчина! Заканчивай! Раз, два, три! Правильно. Этот процесс надо делать в три секунды. Теперь второе! Хорошо! Положи на место! Правильно! Ты работаешь совершенно автоматически, что и требовалось доказать!

Гамилькар действительно работал четко и уверенно, без малейших колебаний и заминок, от усердия

посапывая своим уродливым носом, переходящим непосредственно в губу.

— Обратите внимание, — крикнул Батьянов, — что он уже проделал три различных производственных процесса, тогда как у вас на фабрике антропиды будут проделывать каждый лишь один процесс! А последнее в тысячу раз проще. Однажды я и Абдул, сменяя друг друга, заставили Гами проработать восемь часов с часовым перерывом на обед. Вот вам и восьмичасовой рабочий день! И Гами не пытался даже отойти от конвейера. Работа его затягивает. Его злит и удивляет, что части, которые он свинтил, тотчас же возвращаются к нему в своем прежнем виде. И он с еще большим остервенением работает, желая выйти победителем, свинтить их наконец-таки! Вот на этом-то животном упрямстве и держится вся моя система.

— Вы гений, Батьянов! — не вытерпев, восхищенно воскликнул Пфейфер. — Я уверен, что только ваша гениальная голова смогла разрешить эту мировую проблему. Вы человек «с золотым мозгом» из рейнских сказок!

— Боюсь, что моя гениальная голова скоро кончит свое существование, — донесся из-за ширмы голос Батьянова, — и мой «золотой» сказочный мозг превратится в кусок разложившегося тухлого студня.

— Ну, ну, зачем так мрачно? — бодро крикнул Пфейфер, подходя к орангу. — Нет, вы посмотрите только, как работает этот паренек! Красота! Ах ты, дорогой мой сыночек, — умилился «толстый Фридрих» и, разнежившись, погладил оранга по голове.

Гами вдруг щелкнул зубами и, не глядя назад, цапнул Пфейфера за ногу. Затем тотчас же, словно ничего не случилось, принял прежнюю позу, согнувшись над конвейером.

— Дьявол длиннорукий! — злобно крикнул испуганный Пфейфер. — Урод заморский!..

Гами в ответ на слова фабриканта резко повернулся, не прерывая, однако, работы, и звучно плюнул в его сторону.

— Ловко! — расхохотался за ширмой Батьянов. — Это вам за урода заморского! Да посмотрите внима-

тельнее, какой же он урод? У него правильные черты, смелый взгляд, а темные волосы, обрамляющие его лицо, придают ему томную бледность. Среди обезьян он, наверное, считался неотразимым красавцем.

— Ну, и целуйтесь с этим красавцем! — прокричал Пфейфер, потирая ногу. — А я бы хотел поговорить теперь об условиях. Что же вы возьмете с меня за полную постановку работы в моих сборочных цехах при помощи таких вот неотразимых красавцев?

— Условия будут несколько необычайные! Вы даете мне сейчас чек на десять тысяч долларов и проваливаете ко всем чертям до завтра, до утра. Я хочу попробовать сегодня вечером отыгаться.

— А потом? — насторожился Пфейфер.

— А потом будет видно! Если я отыграюсь, то отдаю вам ваши десять тысяч и вообще кончаю работать на вас. И не видать вам тогда уж наших предков в своих цехах. А проиграюсь — поговорим окончательно об условиях.

— Это значит, — вскрикнул Пфейфер, — вам все выгоды, а мне никаких? Такую фору я вам не дам! Так не заключают серьезных сделок.

— Смею вас уверить, что из всех наших серьезных сделок эта самая серьезнейшая!

— Да вы же грабите меня! — взвизгнул Пфейфер. — Я и так уже разорен. Инфляция! Дауэсовский план!

— А коли так, — ответил Батьянов, появляясь в комнате; — кончай, Гами, работать! У нас стачка, и пусть Пфейфер проваливается к черту!

Оранг радостно юркнул за ширму, остановил мотор и вышел оттуда, потягиваясь и широко зевая, как человек, собравшийся насладиться заслуженным отдыхом после оконченной работы.

4. КЛЮЧИ МАВРОВ

— Что вы говорите? — подбежал к Батьянову перепугавшийся Пфейфер. — Какая стачка может быть сейчас, в разгар работы?

— Но мы-то, и я и Гами, решили больше не рабо-

тать. До свиданья, вернее прощайте, господин Пфейфер! — поклонился с военной сухостью Батьянов.

— Слушайте, — умоляюще протянул руки фабрикант, — давайте же поговорим обстоятельно и серьезно. Прошу вас, успокойтесь! Мы оба немного погорячились, но, надеюсь, это делу не помешает. Говорите же ваши условия, я, пожалуй, соглашусь на них. Ну, я весь — внимание.

— Условия мои я уже сказал, — ответил Батьянов. — И, поверьте, они весьма легкие. Я бы запросил впятеро, вдсятеро больше, если бы не одно обстоятельство, которое...

Батьянов нервно провел по голове рукой, взлохмачивая свои седые кудри.

— Знаете, Пфейфер, иногда мне кажется, что и в вас есть крохотная хотя бы частичка человека, что и вам не чуждо все человеческое, что и вы способны бываете изредка понять муку и страдание вашего ближнего. Может быть, я и ошибаюсь, не знаю! Но я все-таки расскажу вам предание о ключах мавров.

— О ключах мавров? — опешил Пфейфер, а на лице его отразилось брезгливое удивление.

— Да, о ключах мавров! — тихо сказал Батьянов. — Есть такое предание: когда Фердинанд Католик, окончательно победив мавров, изгнал их из Испании, они, отправляясь в Африку, унесли с собой ключи от своих домов в Европе. И ключи эти, как величайшая святыня, передаются в родах от поколения к поколению. Даже сейчас живущие в Африке праправнуки халифов бережно хранят эти ключи. Домов то уже нет, а ключи целы, потому что, по поверью, пока они не утеряны, не утеряна и надежда на возвращение туда, — показал Батьянов в сторону Пиренеев, видневшихся в окне, — в дорогу для их сердца Испанию, родину их предков! Мы, — вы понимаете, надеюсь, что я говорю о нас, эмигрантах, — мы тоже сейчас очутились в положении мавров.

Вот, глядите, мой сын, мой единственный сын!.. — поднес он к Пфейферу портрет молодого офицера в походном снаряжении, с черными орлами на погонах Дроздовского полка. — Я сам послал его с «легионом чести» к Деникину. А к чему, к чему все

это?—с мукой крикнул Батьянов.—Это была ошибка, страшная, непоправимая ошибка!.. Нет, неправда!.. Ее можно поправить, я поправлю ее! Я хочу, я должен, и я вернусь в Россию! Я не умру спокойно, пока не увижу снова родной Екатеринодар, кубанскую нашу столицу, город, одними своими черешнями замечательный. У меня есть ключ мавра, которым я отомкну дверь на родину, у меня есть надежда, что меня примут там! Этот ключ — мое изобретение, вернее — пока еще теоретическая работа, которая произведет полнейший переворот в области советской тяжелой индустрии. Это будет моя расплата за мое прошлое, за мою ошибку!.. Но чтобы воплотить в действительность мои теоретические выкладки, нужно проделать массу опытов, а для опытов нужны деньги, а денег у меня нет! Как быть? Авансироваться у вас? Ни в коем случае! И я поэтому беру у вас в долг десять тысяч в надежде отыграть средства на работу. Так я решил этой ночью! Вот теперь вы знаете все! Я веду дело начистоту. Ну, а теперь что скажете вы?

— Что же говорить мне? — с деланным сочувствием ответил Пфейфер. — Добавлю лишь, что теперь я соглашаюсь особенно охотно на ваши условия, потому что узнал, какие высокие мотивы руководят вами.

— Не издевайтесь! — с укором проговорил Батьянов. — А я вот не благодарю вас, ибо чувствую: вы надеетесь, что ваш дар превратится в дар данайцев, погубивший Троя.

— Вы правы! — с внезапной резкостью сказал Пфейфер. — Сентиментальности не в моем характере! Да, я надеюсь, что вы проиграете! И вот еще что, еще один пункт к нашему будущему договору. Сейчас я даю вам десять тысяч, и пусть это будет, как вы хотели, долговая ссуда. Но затем, если вы просадите эти деньги, я плачу вам еще двадцать тысяч долларов за то, что вы оборудуете мне обезьяньи цеха, которые я приобретаю в пожизненное пользование, а также и монополию на это открытие. Никакого процентного вознаграждения с эксплуатации вашего открытия вы уже не получите. Ни пфеннига! Согласны?

— Ого! — улыбнулся Батьянов. — Условия-то буквально пфейферовские. Как ты думаешь, Гамилькар, — обратился он к орангу, — придется согласиться, потому что есть надежда все разом порвать с господином Фридрихом Пфейфером? Ладно, согласен!

— Нет никаких оснований, дорогой мой друг, порывать со мной навсегда, — протягивая Батьянову чек, сказал Пфейфер. — О, мы еще поработаем! Обезьянье дело я поставлю сразу на широкую ногу. Потихоньку от вас, будучи уверен, что вы своего добьетесь, я уже подготовил покупку партии наших предков, как вы выражаетесь, в четыреста пятьдесят экземпляров. Сведения о цене и прочее у меня уже имеются вот здесь, в каталоге... Позвольте, а где же каталог?

— Какой каталог? — удивился Батьянов.

— Гагенбековский каталог! — вскрикнул с испугом Пфейфер. — Я прекрасно помню, что забыл его вчера у вас. Я оставил его вот здесь, на подоконнике, а где он теперь?

В передней раздался звонок. Гамилькар забеспокоился, а Батьянов и Пфейфер по-прежнему растерянно смотрели друг на друга.

— Стойте, стойте! Вспомнил! — потер лоб полковник. — Совершенно верно, каталог с мордой льва на обложке, так ведь? Лежал он вчера вот здесь, но куда он мог деваться? Я его не брал! Может быть, Гами заташил его куда-нибудь? Найдем, не беспокойтесь!

В это время за дверью раздались торопливые шаги, и в комнату вбежала Долли. Лицо Батьянова ментально просветлело:

— Звездочка моя! — протянул он руки к дочери. — Где ты пропадала так долго?

Но полковник не успел обнять Долли. Его предупредил Гамилькар. Увидев девушку еще в дверях, оранг захлопал в ладоши, а затем в бешеном восторге начал бить себя кулаками в грудь. Мощная грудная клетка гудела от ударов, как громадная бочка. И прежде чем полковник успел сделать шаг к дочери, Гами уже подлетел к девушке, обнял ее и, ласкаясь,

положил ей на грудь свою кошмарную голову. А Долли гладила его, как ребенка.

— Гами, животинка ты моя милая! Соскучился, да?

Эту идиллию прервал Пфейфер. Обойдя осторожно оранга, он дотронулся до плеча девушки:

— Послушайте, фрейлен Долли, вы не видели случайно в этой комнате гагенбековского каталога?

— Ах, да, да! — расхохоталась Долли. — Я его схватила вместо своего романа. Мы еще, рассматривая его, удивлялись...

Девушка вдруг смолкла. И, глядя растерянно то на отца, то на Пфейфера, добавила упавшим голосом:

— Прошу вас, не сердитесь, но... но я забыла его на пляже.

— А с кем вы рассматривали мой каталог? — с грубой злостью спросил Пфейфер. — И чему вы удивлялись?

— Я не отвечаю на вопросы, задаваемые таким тоном! — оскорбленно вскинула голову девушка. — Вы получите свой каталог через час. Я пошлю за ним сию минуту Абдула! — резко повернулась к фабриканту спиной Долли.

Пфейфер развел руками и пожал плечами. Затем с видом оскорбленного достоинства он взял котелок и сделал общий, умышленно небрежный поклон:

— Прошу прощения. До свиданья! Ах да, чуть не забыл! Господин Батьянов, я сам сегодня буду играть против вас. Вы будете отыгрывать ключ мавров, а я своих бессловесных рабов!..

Давно уже захлопнулась дверь за Пфейфером, а Долли все еще смотрела с тревогой и недоумением на виновато понурившегося отца.

5. СНОВА О КЛЮЧЕ

— Долли, ты любишь нашу Кубань?

— О, еще бы! Бывало, в школе, как только попадется в руки карта России, сейчас же ищу Кавказ. Нашупав Эльбрус, бултыхнусь в Кубань и по синей

ее ниточке поднимаюсь вверх к Черному морю. А там, где в Кубань пала Лаба, смотрю свою родную Усть-Лабинскую станицу. И если найду, то-то радость! Но почему ты это вдруг спросил, Андрей?

Араканцев ответил не сразу. Казалось, он прислушивался к тихому верещанию цикад, доносившемуся снизу, из темного, почти не видимого в ночной тьме парка. Там, в кустах, вспыхивали какие-то странные зеленоватые искры. Они двигались, чертили в воздухе колеблющиеся огневые линии, рассыпались словно в фейерверке, фантастическим светящимся дождем. То светлячки плясали в воздухе свою сарабанду, радуясь густой темноте летней безлунной ночи.

— Почему спрашиваю? — ответил, наконец, Араканцев. — Да потому, что тебе скоро представится возможность вернуться на Кубань!

— Вернуться в Россию? Но как же? Одной, без отца? Ведь он-то не может реэмигрироваться! Ему сказали об этом в советском полпредстве. Какие странные вещи говоришь ты, Андрей, за последнее время!

В голосе Долли слышалось недоумение. Она подошла к Араканцеву, сидевшему на каменной балюстраде балкона, и положила на плечи ему руки.

— Андрей, ты что-то скрываешь от меня. Скажи, зачем тебе понадобилось самому передавать гагенбековский каталог Пфейферу? Почему ты десять минут тому назад назвал работу папы подлой работой? Ну, говори же!

— Долли, ты меня не поняла! Твой отец, безусловно, честный человек, я в этом уверен, но когда за спиной его стоят Пфейфер и вообще все эти господа, — кивнул Араканцев головой на ослепительно освещенные окна казино, — тогда картина получается совсем иная. Не забывай и того, Долли, что между твоим отцом и Пфейфером стоят еще тысячи рабочих, а также... также этот проклятый орангутанг!

— Опять Гами?

— Да, опять Гами! Все дело именно в Гами, — твердо ответил Араканцев. И с нетерпеливой дрожью в голосе добавил: — У меня столько вопросов, столь-

ко самых разнообразных вопросов к Григорию Николаевичу! Ах, если бы он согласился ответить на них!

Долли молча отошла к стеклянным дверям балкона и заглянула внутрь казино. Полуциркульный зал с мраморными колоннами густо забила интернациональная толпа. Основные посетители — американцы, уважающие себя и не уважающие Европу. Американцев чуть разбавляли пресыщенно-равнодушные англичане, французов было совсем мало, а русские, если не считать полковника Батьянова, сидевшего недалеко от двери, являлись только в виде крупье, выкрикивающих свой утомительный рефрен:

— Господа, делайте вашу игру!

За столиками сидело много женщин, старых и молодых, но одинаково оголенных, покрашенных и возбужденных видом золота и ассигнаций. Глаза их осовели, волосы растрепались, губы расслабленно обвисли: сказывался азарт.

— Я сегодня почему-то особенно боюсь за папу, — сказала Долли словно про себя, но глядя туда, где в темноте чуть белел фрачный вырез Араканцева. — Меня беспокоит также разговор, происшедший между папой и Пфейфером перед игрой: «Так, значит, борьба?» — спросил Пфейфер, усаживаясь за игорный стол. «И самая жестокая!» — ответил ему папа. А сколько злобы было в этих двух коротких фразах!

Араканцев подошел, стал рядом с Долли и через ее плечо тоже заглянул в зал.

— Мне не нравится физиономия твоего отца, — сказал он. — Смотри, сколько муки, сколько скрытой боли в его глазах! Они встают, очевидно, игра кончена! Но посмотри на отца, Долли, — так может глядеть только человек, у которого нет никакой надежды!

Долли отшатнулась. Араканцев взял ее ласково за плечи и отвел в глубь балкона. Звякнули стекла дверей, выпустив Пфейфера и Батьянова. Фабрикант сиял, полковник был бледен как мертвец. Когда глаза его встретились с испуганными глазами дочери, он низко опустил голову.

Араканцев шатнул вперед и, поднося почти к самому носу Пфейфера развернутый каталог, резко спросил:

— Кажется, вы потеряли эту вещь?

Глаза Пфейфера скользнули по злобной морде гориллы и задержались на многочисленных карандашных пометках, испещривших поля каталога. «Толстый Фридрих» жалко сгорбился, словно ожидая удара, и попятился назад, опустив беспомощно руки. Из рукава его смокинга вывалилось что-то белое, прямоугольное. Араканцев быстро наступил ногой на это «что-то», резкостью своего движения заставив Пфейфера снова попятиться.

— Где вы нашли это? — спросил робко фабрикант, напрасно пытаясь дрожащими руками засунуть каталог в карман смокинга.

— Вы его опять потеряете! Да не кладите же мимо кармана! — насмешливо воскликнул Араканцев. И лишь после этого ответил сухо: — Я его не нашел. Каталог передала мне мадемуазель Долли!

— Фрейлен Долли? — окончательно опешил Пфейфер. И, ища выхода, со злобным отчаянием затравленного зверя крикнул Батьянову: — Ну что же, едем мы в конце концов?

— Едем, коли ваша взяла, — глухим голосом ответил полковник и, ни на кого не глядя, начал спускаться с балкона. На середине лестницы он вдруг остановился и засмеялся:

— Ну не забавно ли? Черт увозит продавшегося грешника. Что же вы не смеетесь, господа?

— Папа, что все это значит? Мне страшно! — перегнувшись через перила, крикнула Долли.

— Не больше как шутка, детка моя! — уже снизу, из парка, донесся спокойный голос Батьянова.

...Когда мощный бесшумный авто Пфейфера свернул с парковой аллеи на гладкое, как шелковая лента, шоссе, Араканцев растерянно развел руками:

— Этого я не ожидал! Неужели это произойдет сегодня же?

Тут взгляд его упал на «что-то», вывалившееся из

рукава фабриканта. Араканцев, быстро нагнувшись, поднял потерю Пфейфера и только хотел рассмотреть ее повнимательнее, как с шоссé прилетел слабый, удаляющийся гудок авто. Араканцев не глядя сунул находку в карман фрака.

— И все-таки я бы скорее их добрался до виллы, — прошептал он с горечью. — Тропинка рыбаков вдесятеро укорачивает путь. Но как попасть в кабинет полковника?

И вдруг он обратился к девушке:

— Долли, ты веришь мне во всем?

— Верю! Если не верить и тебе, то что мне остается? — ответила девушка.

— Если ты веришь, что я хочу только добра твоему отцу, то, не спрашивая ни о чем, дай мне ключ от вашей виллы!

Долли молча нагнулась над сумочкой. Холодный металл ключа коснулся ладони Араканцева.

6. ТЕНЬ НА СТЕНЕ

Батьянов не говорил, а почти кричал с больным, лихорадочным возбуждением. Подействовала, видимо, только что выпитая бутылка шампанского. А может быть, он криком этим хотел заглушить нудную боль, щемившую его сердце.

— Пью за ваше здоровье! Пейте же, Пфейфер, какого черта!

До слуха Араканцева долетел характерный заглушенный звон наполненных бокалов.

— Вот так! Теперь нальем еще. А об остальном не беспокойтесь! Я доволен вами, Пфейфер, чрезвычайно доволен! Вы теперь купили меня целиком, до могилы. Жаль, моя загробная жизнь недоступна для вас. А вы, наверное, и ее не отказались бы купить! Эх вы, скупщик душ!

Но чем громче, чем возбужденнее кричал Батьянов, тем спокойнее и холоднее делался тон Пфейфера.

— Итак, решено! Вы едете со мной в Гамбург. Дрессировать вашу ораву вы будете в саду Гаген-

бека. Там спокойнее, никто не обратит внимания на такую массу обезьян. А затем уж, когда мы откроем карты, я завожу свою ферму...

— И назначаете меня директором этой обезьяньей фермы? Нет, пастухом! Это звучит шикарно! Да, да, пастухом панургова стада! — кричал Батьянов, и в крике его слышалась оскорбленная гордость. — Вы приобретаете, Пфейфер, буквально панургово стадо, готовое идти куда угодно и делать что угодно. А первым своим заместителем я назначаю Гамилькара! Он будет тем выброшенным за борт бараном Дендено, который увлек за собой все стадо. Вам это непонятно? Жаль, что вы не читали «Пантагрюэля». Тогда вы убедились бы, что «толстый Фридрих» — вылитый купец Дендено, владелец стада. Жадный, тупой, самодовольный и безжалостный Дендено! — зло, клокочуще рассмеялся Батьянов.

До Араканцева донеслось сердитое сопенье Пфейфера, затем его жирный, высокомерный голос:

— С этого дня, полковник, вы должны запомнить разницу между нами. Твердо уясните себе, кто вы и кто я! С этого дня кричать на вас буду я, а вы будете молчать. Ясно или повторить?

Послышался тонкий звон хрусталя. Араканцев догадался, что Батьянов, взявший в руку бокал, резко поставил его на стол. Затем было долгое недоброе молчанье, нарушаемое только сердитым сопеньем Пфейфера. И Араканцев удивился, когда услышал спокойный, немного грустный голос полковника:

— Ах, Пфейфер, Пфейфер! Вы хотите еще и поиздеваться надо мной, унижить меня. Сколько зла причинили вы мне! Вы отняли у меня все: честь, свободу, мою Кубань. Вы испакостили работу всей моей жизни! Я мечтал принести человечеству пользу, облегчить труд людей, а куда вы направили мою работу? Я боюсь даже... боюсь, что моя девочка уйдет от меня, узнав всю правду.

Батьянов помолчал, затем послышались его твердые, четкие шаги. Видимо, он подошел вплотную к Пфейферу.

— Но горе вам, жадный, тупой «толстый Фридрих», если вы перетянете струну! Помните, сегодня

днем я говорил вам, что в обезьян может снова вселиться жестокий, опасный зверь, но при условии, если... Так вот, это «если» в моих руках. Чего-то Пьер Ло не смог достигнуть, чего-то находящегося в самом центре звериных эмоций. А я и не пытался определить, в чем тут дело. Это выше моих знаний. Вдруг неожиданно в послушном панурговом стаде прорываются, пусть на минуту, инстинкты, желания, зовы зверей и затопляют все их существо злобой, ненавистью или паническим страхом. Наймите-ка десяток-другой ловких сильных парней. Степень умственного развития безразлична. Вооружите их бичами и крупнокалиберными револьверами. Они будут надсмотрщиками обезьян. На всякий случай! А случай этот я могу вызвать искусственно. Видите эту музыкальную игрушку? В ней семь свистков разных тонов. И если я начну в присутствии обезьян извлекать из нее звуки в известном сочетании, тогда... Не дай бог, чтобы это произошло! Этот кошмар трудно вообразить. Как вам это нравится?

Пфейфер ничего не ответил. Слышно было лишь его громкое недовольное сопение да поскрипывание под ним стула.

— Чего это вы вдруг заелозили? — с откровенной издевкой спросил Батьянов. — Не нравится? Но довольно запугивать друг друга! Ну-с, господин Мефистофель двадцатого века, душу свою я вам продал, а теперь мне очень хочется спать.

— Завтра жду вас для подписания договора, — сухо сказал Пфейфер. — Отель «Провиданс», апартамент «Д».

Батьянов вдруг вспылil: заговорила кровь кубанца, потомка древних запорожцев и лихих черноморских пластунов:

— Нет уж, извините, милостивый государь, не приду я в ваш апартамент «Д»! Ни по чьим передним я еще не таскался и впредь не намерен! Если вас интересует это дело, привозите договор сюда, ко мне!..

Переждав, пока не затихли где-то в дальних комнатах шаги и голоса Пфейфера и Батьянова, Аракан-

цев вылез из-за несгораемого шкафа, за которым он прятался. То, что он услышал, наполнило его сердце злобой к Пфейферу и брезгливой жалостью к Батьянову. Пора было подумать и об отступлении, но в голове был дикий сумбур. Дотащился до кресла и безжизненным кулем опустился в него. Не мог бы сказать, сколько времени просидел он так, в состоянии мрачной прострации. К действительности его вернули тяжелые медленные шаги, раздавшиеся в соседней комнате. Араканцев прислушался. Шаги определенно приближались к кабинету. А через минуту (Батьянов, уходя, не погасил настольной лампы) Араканцев увидел, как завертелась дверная ручка.

Вскочил, ищуще оглядываясь. Решил быстро, что как нельзя лучше подойдут тяжелые портьеры, прикрывавшие окна. На цыпочках скользнул к окну и закрылся тяжелым бархатом. Скрипнула дверь. В кабинет кто-то вошел.

Из своего укрытия Араканцев видел только одну почти голую стену кабинета. По ней проползла тень. Араканцев насторожился: ведь по тени можно будет узнать, кто в кабинете. Вот тень снова легла на стену. Араканцев вгляделся. И сердце его заколотилось мелкими судорожными толчками. Он увидел на стене лишь силуэт широких вислых плеч да головы, огромной, но короткой и как бы сплюснутой спереди назад. Никто из людей, никакой самый жуткий дегенерат, идиот и кретин не мог иметь такого черепа. Это была голова обезьяны.

Араканцев подался глубже за портьеру, как будто это могло спасти его. Впервые в жизни он растерялся, не зная, что ему предпринять — приготовиться ли к отчаянной защите, или же попробовать уладить дело мирным путем.

В этот момент ему послышался тихий как будто человеческий голос:

— Гик, гик! Вук, вук! — удивленно верещал кто-то в кабинете. Араканцев инстинктивно понял, что обезьяна почувствовала его присутствие. А вслед за этим тяжелые шаги начали приближаться и кто-то с силой потянул портьеру. Араканцев с диким отчаянием тоже вцепился в бархатные складки. Но тот,

еще невидимый, оказался вдесятеро сильнее. Араканцев уступил, закрыв глаза.

— Гик, гик! Вук, вук! — снова, но уже с иными, тревожными интонациями прозвучало над самым его ухом. Араканцев же, как ребенок, даже и в темной комнате закрывающий глаза перед неведомыми страхами, еще крепче сжал веки.

— Гик, гик! Вук, вук!.. — И холодные пальцы коснулись его лица. Араканцев вскрикнул, подался назад, чуть не выдавив стекла окна, и открыл глаза.

Орангутанг стоял так близко, что Араканцев мог разглядеть до мельчайших подробностей его широкое плоское лицо, закругленные, почти человеческие уши, бегающие, но не мигающие глаза и отвисшее брюхо.

Странное ощущение вызывает у нас вид обезьяны, особенно человекообразной. В этом весьма сложном чувстве переплетаются и брезгливость, и легкий страх, и больное любопытство (какое мы испытываем иногда к трупу), и жалость, и безотчетная тоска. Нас отталкивает эта жуткая карикатура на человека и в то же время притягивает, странно, необъяснимо притягивает. Не говорит ли это действительно чувство родства, уходящего корнями в темную бездну тысячелетий? Не перекликаются ли молчаливо, когда обезьяна и человек смотрят друг на друга, древние голоса, приглушенные веками, но при первой возможности вновь и вновь находящие отклики в этих двух до жути схожих существах?..

Именно такое чувство испытал сначала Араканцев, увидев Гамилькара. Страх не было, его заглушило любопытство. Страх пришел потом уже, налетел темным, душным шквалом; и, повинаясь ему, Араканцев рванулся вперед. Но орангутанг едва заметным движением локтя отбросил его снова к окну.

Араканцев попытался взять себя в руки. Сначала надо было уяснить, каковы намерения обезьяны.

Кто знает, какие жуткие желания затаились в темном сознании орангутанга, но по внешнему виду он был совершенно спокоен. С холодным безразличием глядел он поверх головы Араканцева; руки его, длинные, с буграми мускулов, были опущены, касаясь пальцами лодыжек ног. Лишь вздрагивания верхней

морщинистой губы, обнажавшей желтые собачьи клыки, доказывали, что он все слышит, все видит и каждый его нерв на чеку.

Араканцев осмотрел внимательно поле предстоящего боя. Позиция его была отвратительна. Он очутился в тесном углу, ограниченном стеною с одной стороны и большим книжным шкафом с другой. Расстояние между ними было не более двух с половиной метров.

Стараясь обмануть бдительность врага, Араканцев попробовал бочком, по стенке шкафа, выскользнуть на простор кабинета. Но тотчас же послышалось угрожающее: «Гик, гик!» Орангутанг вытянул руки и без труда покрыл два с половиной метра, коснувшись кончиками пальцев и шкафа и стены. Все это он проделывал совершенно спокойно, даже без гримас и обычных обезьяньих ужимок. А когда обезьяна не гримасничает, когда движения ее размеренны, спокойны и точны, как у человека, она особенно страшна.

Теперь орангутанг буквально запер человека в ловушку. Выход был только один, и Араканцев решился на него. Медленно завел он руку за спину и начал шарить пуговицу револьверного кармана. И тотчас же орангутанг преобразился. На морде его появилось выражение свирепой ярости, он затопал ногами, а на нижней, сильно выступающей челюсти маленькими кинжалами сверкнули клыки. Видимо, он уже хорошо знал, что следует за этим якобы безобидным движением руки за спину.

Араканцев поспешно опустил руку. Моментально успокоились кривые ноги, исчезли клыки, и на морде обезьяны появилось выражение полного безразличия.

«Сколько же времени будет продолжаться эта гнусная, позорная комедия?» — подумал со злобой и отвращением Араканцев. И решительно просунул руку за спину. Орангутанг на этот раз не показал клыков, а мячом отлетел в глубь кабинета и в бешенстве забарабанил кулаками по письменному столу. Араканцев тоже выскочил из угла. И тут орангутанг закричал, раздувая горловые мешки. Это было что-то среднее между воем паровой сирены и ба-

совыми вздохами огромного органа. Могучая грудная клетка обезьяны дрожала от натуги, как потревоженный колокол, проталкивая через горло буквально бурю звуков. Но Араканцев решил покончить с этой историей. Рука его нырнула в карман и тотчас же появилась снова... пустая. Этого надо было ожидать. Кто же, отправляясь в казино, берет с собой револьвер?

Потерявший волю, мужество и надежду, Араканцев прислонился к стене. А обезьяна медленно обходила стол, готовясь к нападению. Ноги ее чуть дрожали перед прыжком. Араканцев понял, что это его конец. И с новой силой вспыхнула в нем жажда жизни, а вместе с ней и жажда борьбы. Он огляделся и увидел висевшую над диваном коллекцию старинного оружия.

Дальнейшие события развивались почти с неуловимой для глаза быстротой. Это был буквально каскад нападений, парирований и новых стремительных атак.

Араканцев, соперничая с обезьяной в быстроте и ловкости движений, прыгнул на диван, сорвал со стены старинную рыцарскую секиру и сам бросился на орангутанга. Но он не успел обрушить на череп врага тяжелый удар. Секиру с необычайной силой вырвали из его рук, а сам он взлетел на воздух и упал на пол в дальнем углу кабинета. Ему показалось, что его зацепил маховик громадной машины и перебросил через всю комнату.

Араканцев снова вскочил на ноги. Орангутанг, переваливаясь, шел на него с занесенной секирой. Обезьяна держала топор над головой, как человек, в обеих руках.

«Расколет надвое, как полено», — мелькнула мысль в голове Араканцева, и он вдруг вспомнил слова Долли, сказанные на пляже: «Гами умеет колоть дрова».

Орангутанг подошел почти вплотную. Надо было чем-нибудь парировать удар. Араканцев сдернул с крюка попавшийся на глаза красный конус огнетушителя. Но неудачно. Огнетушитель вырвался из рук, с металлическим дребезгом грохнулся на пол

и... взорвался. Клубы едкого удушливого дыма наполнили комнату. Орангутанг взвыл испуганно и убежал к дальней стене. Воспользовавшись этим, Араканцев прыгнул на подоконник и рванул шпингалет. Окно распахнулось.

Отрываясь от подоконника, он ясно услышал испуганный голос Долли.

Упал Араканцев на вершину пальмы-причардия. По бочкообразному чешуйчатому и окутанному войлоком стволу ее он легко спустился на землю и побежал. А вслед ему неся оглушительный рев орангутанга.

7. ПО ГАЗЕТНЫМ ПОЛОСАМ

Орган тяжелой индустрии «Индустри унд Гандельсцейтунг» в спокойной, деловой статье обсуждал возможность использования обезьяньего труда на фабриках и заводах:

«...Опыт Фридриха Пфейфера — это первая ласточка в области замены человеческого труда трудом обезьян крупных пород, преимущественно орангутангов, шимпанзе и горилл. Конечно, потребовалось и перевооружение цехов особыми, сверхусовершенствованными машинами».

Научная комиссия, состоящая из видных зоологов и биологов, на рассмотрение которой поступил пфейферовский так называемый «обезьяний проект», отнеслась к нему вполне положительно, нашла его безусловно приемлемым, практически осуществимым и даже полезным.

Группа же инженеров указывает, что как бы ни была совершенна машина, но для управления ею все же необходима рука, направляемая человеческим разумом. Но и инженеры согласились, что применение обезьяньего труда возможно в некоторых простейших отраслях фабрично-заводского труда.

По сведениям, полученным из первоисточника, оборудование «обезьяньих цехов» на заводе Ф. Пфейфера уже закончено. Производилось несколько пробных работ, давших блестящие результаты.

Официальное открытие и пуск «обезьяньих цехов»

состоится завтра в присутствии правительственной экспертной комиссии...

Бульварная вечерка «Ахт Ур Абендблат» в большом фельетоне воспевала не без лирики «этих славных, умных зверей, работавших каждый за четверых. Мы не могли без умиления смотреть на добрые, располагающие к себе физиономии кротких экзотических гостей, вливающих свежую живую струю в нашу отечественную промышленность...».

Берлинский орган фашистов «Гевиссен» поместил интервью с Фридрихом Пфейфером, начинавшееся так:

«С господином Пфейфером мы встретились на острове Нейверн, на его обезьянней ферме-питомнике. Патрон был в смокинге цвета сенегальских негров, золотистой панаме и коричневых ботинках. Беседа наша то и дело прерывалась могучим ревом питомцев фермы, будущих немецких рабочих. Присев в тени старого, средневекового нейвернского маяка, господин Пфейфер сказал нам:

«Я уверен, что вскоре вся моя фабрика будет обслуживаться только обезьянами. Я на всю жизнь избавлен от горькой необходимости связываться с этими головорезами! Вы понимаете, конечно, что я говорю о так называемых «сознательных пролетариях». И они и главари их — коммунисты — еще молоды, неопытны, зелены, чтобы бороться со мной, Фридрихом Пфейфером... Вы спрашиваете, чья идея поставить обезьяну у станка, кто ее разработал, кто воспитывает моих четвероруких рабочих? Это не важно! Считайте, что все это делаю я, так как монополия принадлежит только мне.

В будущем месяце ферма дает мне для моих фабрик еще пятьсот самых лучших, уже дрессированных экземпляров. А потом мы принимаемся за выполнение крупного заказа для комбината Стиннеса. Как видите, дело на полном ходу!

Наши рабочие? А мне до них какое дело? О, я еще проучу этих бунтарей! Отныне стачки нет! Стачка умерла!..»

«Да здравствует стачка!» Так «Роте Фане» начала статью под заглавием «Обезьяны-стачколомые».

«До какой дикости доходят наши капиталисты и прочие господа с Рейхенштрассе в своем понимании роли рабочих на производстве — видно из факта организации так называемых «обезьяньих цехов» Ф. Пфейфера. На запрос нашего стачечного комитета, каковы его условия, Пфейфер ответил лаконично:

«Продолжительность рабочего дня та же, но заработная плата уменьшается на двадцать процентов за счет механизации производства. Иных условий не приму! Эксплуатация обезьяньего труда рентабельнее. Ясно?»

Вполне ясно, г-н Пфейфер! Но мы люди, а не обезьяны, и потому имеем законное право требовать нормальной оплаты труда. Условия Пфейфера не приняты! Мы объявили стачку. Да здравствует стачка!

А в заключение спешим поздравить фельдмаршала Пауля Гинденбурга. Наконец-то он нашел себе достойных союзников — обезьян...»

Один лишь «Берлинер Берзен Курьер», орган биржевиков и банкиров, без всяких комментариев и тем паче лирики в отделе хроники сообщил:

«Акц. о-во «Панургово стадо». Цель общества — эксплуатация обезьяньего труда на фабриках и в сельском хозяйстве. Состоялось уже первое заседание правления. Единогласно постановлено контрольный пакет передать г-ну Фридриху Пфейферу, члену-учредителю и председателю правления о-ва.

Учредительные акции распределены полностью. По проверенным сведениям, на столичных, гамбургской, кельнской и прочих крупных биржах акции «Панургова стада» ежедневно повышаются. Последний паритет — 480».

8. ЧЕТЫРЕ КАРТЫ

Араканцев сгрел в кучу все эти газетные листы и устало положил на них, как на подушку, голову.

— Что с тобой, Андрей? Ты за последнее время на себя не похож!

— Ничего особенного. Просто мне противно, и я устал круглые сутки драться с орангутангами. С та-

ким трудом благодаря тебе получил я должность обезьяньего надсмотрщика на фабрике Пфейфера, а теперь я вижу, что все это напрасно. Один я не могу взбунтовать обезьянье стадо. А проникнуть на остров Нейверн, чтобы изучить тайны дрессировки, чтобы взорвать изнутри это дьявольское дело, мне по-прежнему не удастся. Твой отец упрям не доверяет мне и не пускает на ферму. Вот и все! Я просто переутомился, а потому, может быть, мне и лезут теперь в голову дикие, нелепые мысли.

— Какие мысли?

— Прости меня, Долли, но мне начинает казаться, что я плохо знаю тебя. У нас начинается борьба, лютая борьба. В этой борьбе и ты когда-то хотела принять участие. А теперь мы видим тебя одной ногой в лагере наших врагов. Не надо волноваться, Долли! Я не виню тебя, виновато воспитание. В таких семьях, как твоя, умышленно затягивают детство, оберегая от жизненных сквозняков. Поэтому ты и сейчас еще ребенок, и что говорит тебе сухая скучная фраза «классовая борьба»...

— Чего ты хочешь от меня, Андрей?

— Я говорил это уже несколько раз. Убеди отца бросить эту грязную работу.

— Не может! Я говорила с ним и более резко. Я спросила его, как он мог согласиться работать ради темных, подлых интересов Пфейфера. Он опустил голову и только ответил: «Мы бедны, моя девочка, а я уже стар...» Он был так несчастен в этот миг. Кроме того, он всегда упирает на то, что его работа имеет большую ценность с чисто научной стороны.

— Но как он не понимает, что и чисто научный труд, если его повернуть другим концом, может принести обществу только вред? Ты пожимаешь плечами? Он непоколебим? Хорошо, испытаем еще одно средство. У меня на него есть некоторая надежда. Достань вот из этого моего кармана конверт.

— А почему у тебя перевязана рука?

— Это работа твоего Гами. Он единственный из всей оравы, к которому я даже приближаться не рискую. Тотчас пускает в ход зубы или руки. Не может забыть, что я ускользнул из его лап тогда, по-

мнишь, в Вермоне? Благодарю! Вот теперь смотри — в конверте всего лишь четыре карты. Не удивляйся, но все дело во фраке. Да, да, во фраке! На днях, одолжив его приятелю, получаю от него на другой день эти четыре карты. Он нашел их в кармане фрака. Долго я ломал голову, как они могли попасть ко мне. Ведь я карт за всю жизнь в руки не брал. Начал припоминать, когда и где я надевал в последний раз фрак. Вспомнил: в Вермоне, в казино «Ритца». Тогда все стало ясно. Эти карты уронил Пфейфер, а я их поднял. Помнишь, когда он играл с твоим отцом? Необыкновенное волнение твоего отца за игрой, необыкновенно удрученный вид его после проигрыша — все это говорит о том, что в тот раз была не простая, обыденная игра.

— О, да, да! После этого случая отец уже не играл! Не странно ли?

— Ну, вот видишь! Есть все основания предполагать, что за той игрой скрывалось нечто более серьезное. А потому я хочу переслать эти четыре карты Григорию Николаевичу.

— Зачем?

— Они крапленые!

— Что ты говоришь? Какая подлость, какая грязь!

— Что же ты хочешь от Пфейфера? Вся его жизнь, вся его деятельность — это сплошная игра краплеными картами. Посмотрим, какое действие произведет на твоего отца это открытие.

— А если никакого?

— Тогда дело за тобой! Ты, пользуясь доверием отца, постарайся быть частым гостем на острове Нейверне, изучишь все мелочи дрессировки, а главное, способ, каким можно взбунтовать рабов-обезьян.

— Мне кажется, — нерешительно начала Долли, — что я кое-что знаю об этом способе. Как-то раз папа случайно раскрыл мне одну из тайн своей дрессировки. Это было на прошлой неделе. Пфейфер чем-то раздражил папу, и он, приехав домой, изливал передо мной свою злость: «Этот толстый скот забывается! — кричал папа. — Он думает, что я загнан в бутылку, что я весь в его власти! Ох, ошибается! Достаточно мне захотеть, и вся эта дивизия

зверей взбунтуется. По моему приказу обезьяны бросятся на людей. И пусть «толстый Фридрих» остерегается, иначе я решусь на это».

— Но что нужно сделать для того, чтобы взбунтовать обезьян? — крикнул Араканцев.

— Это знает один папа! Я только Гами могу натравить на любого человека. Но...

— Никаких «но», Долли! Неужели ты откажешься помочь нам?

— А разве я это сказала, Андрей? Нет, я хочу жить трудовой и полезной для общества жизнью, основанной на уважении к труду ближнего. Но вот что я хотела сказать. Папа тогда же добавил, что после такого бунта обезьяны уже навсегда выходят из повиновения. Раз напав на человека, они снова превращаются в диких зверей, особенно опасных для людей. И никакая новая дрессировка уже не поможет.

— Тем лучше, Долли! Значит, вся эта чертова машинка будет сломана раз и навсегда! Возможно, это отрезвит и твоего отца. Мы увезем его тогда в Советский Союз. Там его гениальный мозг нужнее, чем здесь. Долли, узнай этот способ и сообщи его нам!..

9. ОБЕЗЬЯНИЙ ЦЕХ

Их было двое, дюжих плечистых молодцов, встретившихся в курительной комнате надсмотрщиков.

— А-а, всевеселому войску Донскому привет! — крикнул озорно один.

— Щирой ридной матери Кубани шану! — пробасил в ответ другой.

— Как живете, есаул?

— Как видите, хорунжий!

— Вижу, вижу! — сказал хорунжий, оглядывая необычайный костюм есаула: кожаные ковбойские штаны, куртку из еще более толстой кожи-бурака, похожую на латы ландскнехта, и головной убор — нечто среднее между шлемом водолаза и сетчатой маской для фехтования. Точно такой же костюм был и на хорунжем. В руках они держали длинные хлы-

сты, напоминающие цирковые шембарьеры,* но из кожи бегемота со свинцовыми пластинками на концах. В длинных кобурах на поясах болтались автоматические крупнокалиберные кольты.

— Вижу, вижу, — повторил хорунжий, качая головой. — Дело наше яманное! А-а, лейб-гвардии конному! — воскликнул он, увидав третьего вошедшего в курительную надсмотрщика. — Ну, как дела, князь?

— Как всегда! — ответил конногвардеец, бросая на лавку кожаные краги, бич и откидывая проводочную маску. — Чувствую себя прекрасно, как медведь на бороне!

— Вон идет лейтенант Громыко, — сказал хорунжий. — По обыкновению, забинтован. Опять ему влетело от подчиненных.

— О, лейтенант Громыко далеко пойдет! — сказал князь. — Он так жестоко бьет их.

— Пойдет далеко, — согласился есаул, — если ему прежде какой-нибудь энергичный горилла не отвертит голову.

Моряк вошел прихрамывая и с легким стоном опустился на лавку.

— Послушайте, дорогой, — обратился к нему князь, — вы очень жестоко обращаетесь с животными. Это...

— Что это? — грубо перебил его лейтенант. — Вы, что ли, еще будете учить меня, как обращаться с этими длиннорукими, длиннотрубыми дьяволами?

Князь резко повернулся, но ничего не сказал. Его внимание отвлек глухой рев, раздавшийся где-то близко за стеной.

— Вот оно... зверье! — проговорил мрачно Громыко.

Шум и рев за стеной усилились, и затем послышался резкий вопль.

— Кому-то попало! — передернул плечами хорунжий.

— Именно кому-то, — добавил мрачно лейтенант, — либо обезьяне, либо человеку!

— Бежать, бежать надо отсюда, — схватился за голову князь, — иначе я с ума сойду!

— Вы-то не убежите, — сказал есаул Дзюба,

смотревший в окно, — а вон тот молодчик скоро убежит. Я говорю про капитана Араканцева. Вон он идет по двору с дочерью полковника Батьянова.

— Этот убежит! — уверенно подтвердил моряк. — Этот подозрительный тип определенно держит курс на ост! И чего ради он припер сюда? Ведь он же сегодня свободен?

— Тише, — сказал хорунжий, заглядывая в полуоткрытую дверь. — Они сюда поднимаются.

Араканцев пропустил вперед Долли, а потом и сам шагнул через порог курительной.

— Господа, — сухо сказал он, — Долине Григорьевне желательно посмотреть на сегодняшнее торжество, а кстати и на работу зверей. Я хочу провести ее на верхнюю галерею. Оттуда все видно, и там совершенно безопасно.

Никто не ответил, только есаул молча посторожился, освобождая дверь на верхнюю галерею. Когда же Араканцев и Долли скрылись за ней, он, злорадно улыбаясь, задвинул засов.

— Пусть поступят! Ишь, словно в театр пришли!.. Этот Араканцев вообще ведет какую-то странную игру, — злобно волнуясь, заговорил Громыко. — Ну, скажите, чего ради он поступил сюда обезьяньим надсмотрщиком? Мы — дело десятое! Немцы не пошли, во-первых, потому, что боятся обезьян, а во-вторых, потому, что пфейферовские рабочие забастовали и никто из них не хочет играть гнусную роль стачколома. Мы же в таких случаях — верная затычка! Но он-то, он-то зачем здесь?

— Действительно, странно, — проговорил есаул. — И чего он в Совдепию не едет? Там ему готов и стол и дом.

— Господа! — крикнул вдруг князь, — сюда идет сам шевалье д'эндюстри Пфейфер, а с ним орава каких-то типов.

— Бабушкина гвардия, по местам! — рявкнул есаул, вылетая первым из курительной.

— Свистать всех наверх! Аврал! — шмыгнул за ним Громыко.

Остальные выскочили молча.

— Господа, я встречаю вас сегодня здесь не только как дорогих гостей, — тараторил «толстый Фридрих», от возбуждения багровый, как вареная свекла, — но и как моих друзей и единомышленников. Ваше присутствие дает мне новые силы для моей трудной работы и укрепляет веру в нашу конечную победу на благо общества.

«Единомышленники и друзья» двигались за Пфейфером робким табунком. Видимо, многие из них уже жалели, что решились на такую безумную экскурсию. Глухо доносившийся откуда-то снизу рев зверей заставлял их поеживаться. Первым шагал высокий сухой генерал, убеленный сединами, прославившийся разгромом двух французских армий в мировую войну. Вторым шел дородный и румяный пастор. За сутаной, как ребенок за материнской юбкой, семенил омонокленный крамольный член рейхстага. Он почти ничего не слышал и не видел. За ними шла стадом кучка экспертов, журналистов и фотографов.

— Прошу сюда, господа, — сказал Пфейфер, выводя гостей на металлическую площадку, возвышающуюся над цехом. — Отсюда нам будет все видно. С вашего разрешения, я начинаю! — театрально поклонился он и, перегнувшись через перила, сделал какой-то знак выстроившимся внизу надсмотрщикам.

Тотчас же в правом углу цеха поползла вверх на цепях огромная металлическая решетка. Открывшийся люк зачернел, как гигантская пасть. Сходство его с огромной пастью чудовищного зверя дополнял глухой переплетающийся рев, неясный гул, вырывавшийся из его таинственных недр. Рев и гул этот нарастали, усиливались, заставляя дрожать стекла в рамах.

— Звери приближаются! — дрогнувшим голосом сказал пастор.

С десяток надсмотрщиков выстроились с бичами наготове по обеим сторонам люка.

— Ой! А? Что? — вцепился вдруг судорожно в рясу член рейхстага.

— Боже, боже мой! — возвел очи к небу поп. Сзади зашшукали остальные гости.

Волнение это вызвал Гамилькар, первым выпрыг-

нувший из люка. Он был зол и мрачен. На ногах, как человек, пошел он вдоль ленты конвейера и, заняв свое место, застыл в мрачном ожидании.

Следом за Гамилькаром показалась лавина громадных обезьян всех оттенков и цветов: черные, бурые, красные, рыжие, серые, желтоватые, синеватые. Гориллы, орангутанги, шимпанзе, гиббоны! Это была какая-то кошмарная шевелящаяся волосатая масса. Глаз не успевал выхватить отдельные экземпляры, и все это кошмарное шествие казалось бредовым видением.

А Пфейфер заговорил резким, повышенным тоном лектора:

— Рекомендую, наша рабочая сила! Гиббоны — рост чуть больше метра! Это, так сказать, малютки! За ними — шимпанзе. Метр с третью! Орангутанги — полтора метра! И, наконец, гориллы — два метра и выше! Но обратите внимание на руки, на плечи!

А обезьяны все сыпались и сыпались из люка. Вот произошла заминка. Подрались на ходу орангутанг и горилла. Свистнули бичи. Снова порядок, снова вереница волосатых тел. Торопливой рысцой на четвереньках выбежали запоздавшие. Цех был полон обезьян. В образцовом порядке заняли они свои места у конвейера. Пфейфер снова сделал какой-то знак. Загудели моторы, медленно поползла конвейерная лента.

И тотчас же зашевелились руки обезьян, быстро хватавших плывущие мимо них металлические части, что-то проделывавших с ними и клавших обратно на ленту.

— Сборка сложной втулки! Прошу убедиться! Не работа — концерт! — торжествующе воскликнул Пфейфер.

Гости, разинув рты, глядели на обезьян, работавших действительно с концертным единодушием.

— А теперь, господа, — обернулся к гостям Пфейфер, — прошу вас спуститься вниз, в цех! Поглядите поближе на работу моих питомцев. Безопасность гарантирована. Надеюсь, вы понимаете, что я бы и сам не рискнул...

— Нет, я не пойду, — нервно вырвалось у пастора.

— Да не трусьте, ваше преподобие! — добродушно засмеялся генерал. — Идемте. А в случае чего, на миру и смерть красна.

— А? Что? — пролепетал член рейхстага.

— Я говорю, эти звери могут разорвать нас на части! — крикнул ему в ухо поп.

— Очаровательно! — проскрипел народный избранник и с безразличием куклы начал спускаться по железному трапу.

На верхней галерее, невидимые снизу, стояли Долли и Араканцев.

— Почему ты дрожишь, Долли? — удивился Андрей.

— Я не думала, что это будет... так жутко! — прошептала девушка.

— Долли, прошу тебя! — умоляюще говорил Араканцев. — Видишь, они теперь все внизу. Натрави на них хотя бы одного Гамилькара! Испортят им праздник. Пострашай эту сволочь!

— Не проси, Андрей, — ответила девушка. — Будь благоразумен. Ради временного дешевого эффекта не убавляй шансов на конечную победу!

Пфейфер вел гостей между рядами обезьян. Он окончательно вошел в свою роль. Речь его лилась легко и вдохновенно. Гости слушали чрезвычайно внимательно, поощряя его остроты дружным, хотя и не очень громким, смехом.

— Теперь вы убедились, господа, — сказал он, — что мы вскоре сможем обойтись без этих буянов-рабочих. Недурно мы устроились, а?

Гости заметно осмелели. Генерал испытывал поддержку и дисциплинированность обезьян, поднося к самому их носу припасенную заранее кисть винограда. Но ни один из четвероруких рабочих не поддавался соблазну. Они лишь провожали мучителя взором, полным немого укора, тоски и недоумения.

— Ловко! — крикнул полководец. — Прямо не фабрика, а... зверинец!

Пфейфер, не понявший этой двусмысленной похвалы, польщенный, расшаркался.

Пастор умилялся и осыпал обезьян крестным знаменем. Оживилась даже развалина из рейхстага. Приложив монокль, он склонился низко над огромной гориллой. Обеспокоенная таким вниманием, обезьяна, не отрываясь от работы, поддала коленкой в зад особы.

— А? Что? Очаровательно! — удовлетворенно произнесла особа.

Пфейфер повернулся вдруг лицом к гостям и, хитро прищурив глаз, воскликнул:

— На десерт, так сказать, я открою вам некую тайну. Меня спрашивали тысячу раз, в чьей голове родилась эта блестящая идея, — обвел Пфейфер широким жестом цех. — Я скрывал имя автора, но теперь не нахожу больше нужным молчать. Это один русский, из разряда полусумасшедших гениев, характерных для России! Но вы же знаете, господа, что трезвая немецкая голова способна вытянуть нужное даже и из полупомешанного! Автор «обезьяньего цеха» не присутствует на нашем торжестве. Я не выпускаю его никуда с острова Нейверна, потому что у всех этих русских, как говорится, пожар в голове! Нельзя знать сегодня, как они поступят завтра. А полковник Батьянов — особенный сумасброд! Он не менее опасен, чем вот эти звери, его ученики!

Журналисты почтительно хихикали, записывая поспешно в блокноты остроту патрона.

— Долли, неужели ты перенесешь и это? — сказал Араканцев. — Ты позволишь издеваться над твоим отцом? Натрави же Гами на эту толстую скотину Пфейфера! Отомсти, Долли!

— Да, это уже слишком! — ответила девушка и мертвенно побледнела. — Хорошо! Я сейчас попробую, — она пошла к перилам галереи и тотчас же отшатнулась с криком.

— Что с тобой, Долли? — бросился к ней Араканцев.

— Не могу! Там... отец!

Батьянов был страшен. С взлохмаченной седой

гривой, с возбужденно горящими глазами он напоминал разъяренного льва.

— Господин Батьянов! — крикнул испуганно почувствовавший недоброе Пфейфер. — Что вам здесь нужно? Ваше место на Нейверне!

— Довольно приказывать! — дико закричал Батьянов. — Я вам больше не слуга! Я долго и честно работал на вас, а теперь конец! Да-с, конец, господин Дендено, мастер на все руки вплоть до шулерства!

Пфейфер минуту тому назад красный, как пион, побелел.

— Вот! — кинул Батьянов ему в лицо четыре маленьких кусочка картона. — Вот те крапленые карты, которыми вы выиграли у меня «ключ мавра»! Вы знали, что в этом «ключе» вся моя жизнь, весь смысл моего дальнейшего существования, и все-таки вы не предоставили судьбе решить мое будущее. Вы не пожалели меня, ну, так и я теперь не пожалею вас! Гами, сюда, ко мне!

Пфейфер вдруг сорвался с места и с быстротой, необыкновенной для его фигуры, бросился к входным дверям. С разбегу всей тяжестью тела он ударился об них и отлетел назад.

— Нет, господин Пфейфер, — крикнул Батьянов, — видимо, вас ничто уже не спасет. Дверь закрыта и ключ у меня!

— Спасите! Помогите! — бросился Пфейфер с рыданием к гостям, но фраки и смокинги отшатнулись от него, как от зачумленного.

— Гами, бери его, — кричал Батьянов, — бери вот того, пузатого! Рви его в клочья! Ломай в щепки!

Гамилькар тенью скользнул к группе людей. И вдруг прыгнул.

Рев орангутанга, дикий вопль Пфейфера и револьверный выстрел прозвучали одновременно. Выстрелил генерал. Гамилькар, не долетев до Пфейфера, ткнулся в пол, как-то странно подвернув голову. По асфальту расплылась лужа крови.

— Удачно! В череп навывлет! — сказал спокойно генерал, опуская револьвер.

— И вы?.. И вы за него? — поднял, словно для проклятия, руки Батьянов. — Все против меня! Хорошо же!

Затем он выдернул из кармана большую многосвистковую сирену, похожую на свирель Пана, и приложил ее к губам. Звуки особенным образом построенной хроматической гаммы произвели на обезьян странное действие. Тотчас же поток обезьяньих тел хлынул к Батьянову.

— Вы видели забитое панургово стадо, — кричал он, — ну, так теперь увидите разъяренных дьяволов! Звери, берите людей! Бери, кусай, рви!..

И снова заняла сирена.

Обезьяны, прыгая через конвейеры, наталкиваясь друг на друга, низко пригнувшись к полу, рыча, беснуясь от злобы, стягивали жолцо вокруг кучки людей.

— Он погиб, погиб! — в отчаянии кричала Долли. — Гами нет с ним! Его никто не спасет теперь. Они разорвут и его!

— Я спасу его! — крикнул Араканцев и бросился к дверям.

Через минуту он вернулся с отчаянием на лице.

— Почему ты вернулся? — кинулась к нему девушка. — Ты испугался? Трус!

— Долли, зачем ты говоришь это? Я не трусил. Кто-то запер за нами дверь. Отсюда нет выхода!..

Гости столпились на площадке, с которой они час тому назад любовались работой обезьян. Надсмотрщики тотчас же, при первом звуке сирены Батьянова, бросились к люку обезьяньего хода и опустили за собой решетчатую дверь. О защите гостей никто из них и не подумал, боясь привлечь на себя внимание обезьян. Да и что бы мог сделать здесь десяток револьверов? Взбунтовались не отдельные экземпляры, а все панургово стадо, все четыреста пятьдесят голов.

Батьянов стоял на нижней ступеньке винтового трапа, ведущего на площадку, на которой испуганным стадом жались гости. Полковник был спокоен. Сложив на груди руки, словно о чем-то глубоко задумавшись, он смотрел на обезьян.

Обезьяны приближались. Их пугал и беспокоил немного этот одинокий человек, минуту тому назад взбунтовавший их, а теперь как будто преградивший им путь к кучке людей, притаившихся наверху, на площадке. Но они все-таки приближались, медленно, но с неотвратимостью падающей лавины, сжимая кольцо. Звериные инстинкты пробудились, рабы искали утерянную свободу, веря, что они найдут ее лишь после того, как уничтожат ненавистных мучителей-людей.

И Батьянов, хорошо изучивший своих питомцев, понял это. Он выдернул из кармана плоский черный браунинг, проверил заряд и смело сунул дуло глубоко в рот...

Не успело тело его упасть на железные ступени, как передовая громадная огненно-рыжая горилла стремительным скачком взлетела на трап.

Перепрыгнув через труп своего бывшего властелина, обезьяна понеслась наверх. За передовым ринулась остальная стая.

Громадные, могучие и в то же время легкие как тени, поднимались наверх обезьяны. Это было похоже на взлет молчаливых призраков. Они мчались, теснясь по узкому трапу, карабкались по перилам, лезли, подсаживая друг друга, как люди, прямо по чугунным столбам, поддерживавшим площадку. А площадка с кучкой людей на ней казалась высоким утесом, атакованным прибоем обезьяньих тел.

Когда генерал увидел у своих ног морду передовой гориллы, он вздохнул глубоко и пробормотал:

— Конец! И какой дурацкий конец!

— А? Что? — спросил до сих пор не уяснивший сути дела член рейхстага.

— Умирать готовьтесь! — крикнул ему генерал.

— Очаровательно! — пискнула человеческая развалина.

— Очаровательно! Да! Очаровательно! — взвизгнул вдруг Пфейфер и бросился с кулаками на гориллу. Обезьяна поймала его на лету и подбросила высоко вверх.

Пфейфер описал в воздухе дугу и понесся вниз,

с каждой долей секунды увеличивая скорость падения...

А в конторе надрывался в телефонную трубку директор фабрики:

— Пулеметы! Скорее пулеметы! Обезьяны взбунтовались!

10. ЕДИНСТВЕННЫЙ НЕКРОЛОГ

На следующий день газеты ни строчкой не обмолвились о катастрофе на фабрике Пфейфера. Не было даже некрологов, посвященных стольким почтенным и достойным государственным мужам, нашедшим смерть в лапах обезьян.

Лишь один «Берлинер Берзен Курьер», аккуратный, как хронометр, и чуждый всяких сантиментов, напечатал своеобразный некролог, и то посвященный не людям, а акциям:

«Сегодня ни на одной бирже акции «Панургова стада» не котируются».

А это значило, что акции «Панургова стада» стоили не дороже бумаги, на которой они были напечатаны.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
<i>А. Беляев.</i> Невидимый свет	5
<i>А. Беляев.</i> Мертвая голова	22
<i>А. Беляев.</i> Мистер Смех	77
<i>Г. Гребнев.</i> Невредимка	102
<i>Э. Зеликович.</i> Опасное изобретение	115
<i>М. Зуев-Ордынец.</i> «Панургово ста- до»	144

Сборник

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Составитель *Б. Ляпунов*

Редактор *Г. Малинина*

Художник *В. Носков*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Л. Лянгузова*

А00724 Подп. к печати 23/І 1959 г.

= 9,8 печ. л. 9,6 уч.-изд. л.

Заказ 2160 Тираж 165 000 экз.

Цена 4 р. 40 к.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Сушевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

4 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ